

Городские исследования и практики

TOM 8, № 4, 2023

Городской конструктор

Urban Studies and Practices Volume 8, issue 4, 2023 Urban construction set ISSN 2500-1604 (Print) ISSN 2542-0003 (Online)

ФАКУЛЬТЕТ ГОРОДСКОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Городские исследования и практики

TOM 8, №4, 2023

Городской конструктор

Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован

21 июля 2016 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции

фактический: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416 для переписки: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20 тел.: +7 495 772-95-90 * 12173 e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя

и распространителя фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4, Издательский дом ВШЭ для переписки: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ тел.: +7 495 772-95-90 * 15298, e-mail: id@hse.ru

РИНЦ EBSCO КиберЛенинка Google Scholar East View

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № Отпечатано в филиале «Чеховский печатный Двор» ОАО «Первая образцовая типография», 142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Главный редактор

В.В. Анашвили (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация) А.А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

В. Н. Данилов (МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

Р. А. Дохов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара)

Ответственный секретарь

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К.Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)

Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)

Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)

А.А.Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)

П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания))

М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)

А.Г.Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация) О.И.Вендина (ИГРАН, Российская Федерация)

К.В.Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)

Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Н.В.Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

М.И.Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)

С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)

Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ю. М. Моисеев (МАрхИ, Российская Федерация)

Т.Г.Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)

А. Н. Пилясов (Русское географическое общество, Российская Федерация)

А.С.Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)

С.Б.Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Е.С.Фидря (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заведующая редакцией А.А.Лаврик

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев **Обложка, верстка** А. В. Меерсон

Фотография на обложке Анна Лаврик

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023

Содержание

6	Йуриан Эделенбос, Майн Питер ван Дайк Комплексные задачи городского управления
23	Снежана Грозовская Какие инфраструктуры способствуют регенерации исторических ландшафтов городов?
36	Maria Karaselnikova, Daria Maltseva, Nikita Iskusov, Ekaterina Fadeeva, Linar Mardanov, Maria Pisareva, Mikhail Kharitonov, Elizaveta Elkina Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatial Development in Krasnodar, Russia
54	Ольга Кучина, Екатерина Леттиева, Софья Торосян Конструктор городских преобразований: альтернативная практика Рыбинска
59	Алина Дмитриева Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование появляется в муниципальных округах Петербурга
85	Ульяна Корюгина Работа в большом городе, или Как индивиды выигрывают от участия в городских рынках труда

ISSN 2500-1604 (Print) ISSN 2542-0003 (Online)

FACULTY OF URBAN AND REGIONAL DEVELOPMENT

Urban Studies and Practices

VOLUME 8, ISSUE 4, 2023

Urban construction set

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University Higher School of Economics 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russian Federation tel: +7 495 772-95-90*12173 e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO CyberLeninka Google Scholar East View

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation) Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Editorial Board

Vyacheslav Danilov (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation) Ruslan Dokhov (HSE University, Russian Federation) Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation) Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)

Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)

Eugene Asse (March, Russian Federation) Andrei Belykh (RANEPA, Russian Federation)

Peter Bishop (UCL, UK)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Yefim Fidrya (HSE University, Russian Federation)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation) Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Mark Levin (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)

Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)

Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)

Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Editorial management Anna Lavrik Proofreader Tatyana Red'kina Design Sergey Zinoviev Cover, Layout Anastasia Meyerson Cover photo Anna Lavrik

© HSE University, 2023

Table of Contents

6	Jurian Edelenbos, Meine Pieter van Dijk Urban Governance in the Realm of Complexity
23	Snezhana Grozovskaya Which Infrastructures Facilitate the Regeneration of Historic Urban Landscapes?
36	Maria Karaselnikova, Daria Maltseva, Nikita Iskusov, Ekaterina Fadeeva, Linar Mardanov, Maria Pisareva, Mikhail Kharitonov, Elizaveta Elkina Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatial Development in Krasnodar, Russia
54	Olga Kuchina, Ekaterina Lettieva, Sofya Torosyan "Construction Set" of Urban Transformation: Alternative Practice of Rybinsk, Russia
69	Alina Dmitrieva A Good Yard Begins with the Council: How Participatory Design Arises in the Municipal Districts of St. Petersburg
85	Uliana Koriugina Labor and the City, Or How Do Individuals Benefit from Working in Urban Areas?

Комплексные задачи городского управления

Йуриан Эделенбос Майн Питер ван Дайк

От городского менеджмента к городскому управлению

Сегодня города находятся под давлением проблем изменения климата, урбанизации и индустриализации, роста населения и сельско-городской миграции. Это приводит к изменениям в городских структурах. Управление реагирует на проблемы, концентрируя усилия на экономии энергии, сортировке отходов и замыкании городского гидрологического цикла. Все это требует создания новых структур и подходов к управлению, способных пойти дальше традиционного менеджмента с вертикальной иерархией управленческих моделей. В последние годы мы наблюдаем интересное смещение фокуса с городского менеджмента [van Dijk, 2006] к городскому управлению [Edelenbos, 2005]. Это можно объяснить тем, что город развивается в сложной среде. В нее вовлечены стейкхолдеры из различных организаций и областей – управленцы, частные акторы, общественные организации или горожане. Кернс и Педдистон [Kearns, Paddison, 2000] утверждают: традиционный смысл менеджмента «взять под контроль, возглавить, управлять» (ср.: [Williams, 1983. P. 190]) – утратил свое значение в современном урбанистическом контексте. Городские власти больше не контролируют все урбанистические аспекты, а городской менеджмент – уже не вертикальная иерархия планирования в режиме командования [Healy et al., 1995].

Ситуативные изменения и модификации помогли развить перспективы городского управления. Во введении мы коротко опишем изменения на национальном и локальном уровнях, ставшие причиной развития городского управления, а также проанализируем значение этих изменений.

Изменения на национальном уровне, приводящие к развитию городского управления:

- переход к экономической глобализации;
- конкуренция и сотрудничество между глобальными городами.

1. Перевод с английского Александры Хазиной по изданию: Edelenbos J., van Dijk. M.P. Introduction: Urban governance in the Realm of Complexity. *Urban governance in the Realm of Complexity*, pp. 1-22.

DOI: https://doi.org/10.3362/9781780449685.001. Исключительные права на перевод принадлежат ЧУ ДПО Институт «Стрелка»

йуриан Эделенбос, профессор, программа интерактивного управления городами, академический директор, Erasmus Initiative Vital Cities and Citizens, Нидерланды, г. Роттердам.

Е-mail: edelenbos@essb.eur.nl

Майн Питер ван Дайк, экономист, профессор предпринимательства, Маастрихтская школа менеджмента (МЅМ); приглашенный профессор, Пекинский университет гражданского строительства и архитектуры (ВUCEA), Китайская Народная Республика, г. Пекин.

Е-mail: meinepietervandijk@gmail.com

В статье рассматривается понятие городского управления, анализируются факторы, влияющие на городское управление на национальном и местном уровнях и изучается вопрос о том, как городское управление справляется с общественными, экологическими и экономическими проблемами, с которыми городам приходится иметь дело сегодня. Основная сложность состоит в понимании этих проблем, и представленное исследование выявляет определенные факторы, способствующие успеху улучшенного управления городом: роль четких целей и лидерства; необходимость юридической базы, которая определяет роли различных участников; четкие механизмы принятия решений и обжалования; стимулы и соответствующие механизмы финансирования; сотрудничество между участниками и постепенное развитие доверия; четкое разделение обязанностей. В конце статьи представлены десять важных выводов из недавних работ, посвященных вопросам городского управления.

Ключевые слова: городское управление; глобализация; глобальные города; формы управления; новые формы управления; участие; самоорганизация

Цитирование: Эделенбос Й., Ван Дайк М.П. (2023) Комплексные задачи городского управления//Городские исследования и практики. Том 8. № 4. С. 6-22. DOI: https:// doi.org/10.17323/usp8420236-22 Изменения на локальном уровне, приводящие к развитию городского управления:

- возрастающая сложность проектов;
- более влиятельные и яркие акторы, функционирующие в самоорганизовавшихся сообществах.

Значение этих изменений для городского управления:

- необходимо уделить внимание роли участников, в особенности самоорганизующимся сообществам;
- возникновение новых форм городского управления посредством коллективных действий. Это выросшие из сообществ организации, НПО, государственночастные партнерства и пр.;
- нужно рассмотреть устойчивое городское управление, важность его ступеней и их координации на национальном, региональном, муниципальном, квартальном и районном уровнях.

Поворот в сторону экономической глобализации

В настоящее время наблюдается переход к экономической глобализации – возникновение общемировых секторов экономики, международных компаний и институций наряду с междугородней конкуренцией. Города усиленно стремятся «продать себя для ряда инвестиций» и перейти от «дотационной модели к модели экономического развития» [Kearns, Paddison, 2000, p. 845]. Возникновению городского управления сопутствует переход от локальной индустриально-ориентированной к постиндустриальной экономике. Кроме того, его появление совпадает со спадом в национальной урбанистической политике и ростом городской конкуренции, духом соперничества и экономическим подъемом [Hall, Hubbard, 1996].

В условиях постоянно растущей мировой конкуренции городские администрации стремятся стать предпринимательскими агентами, открывающими мир и привлекающими экономические потоки с бизнес-инвестициями. Желая удовлетворить это стремление, города часто отсоединяются от национальных экономик. Городские представительства больше не верят в то, что национальные экономики помогут им реализовать свои амбиции и достигнуть экономического процветания.

Это признают и национальные администрации, что объясняет тренд на децентрализацию и делегирование. Вышеперечисленное снова говорит о переменах в отношениях между городом, регионом и страной в глобализованном мире [Ohmae, 1995].

Конкуренция и сотрудничество между глобальными городами

В современном мире города по всему миру сотрудничают и соревнуются между собой, что ведет к возникновению городских сообществ. Способность быть или перспектива стать умным городом зависит от готовности этого города к роли посредника между сообществами. Городские сообщества состоят из узлов (акторов) и связей (потоков информации) между этими узлами. Они характеризуются горизонтальными отношениями (связями) между акторами, которые стремятся произвести совместный продукт или результат, основываясь на децентрализованном, неиерархическом принятии решений [Pierre, Peters, 2000].

Часто говорится о том, что города должны стать умнее. В частности, Еврокомиссия определяет умный город как «систему людей, которые вступают в отношения и используют потоки энергии, материалы, сервисы и финансы для катализации устойчивого экономического развития, способности к адаптации и высокого качества жизни; эти потоки и взаимодействия становятся умными посредством стратегического использования инфраструктуры информации и коммуникации в процессе прозрачного городского планирования и менеджмента, отвечающего социальным и экономическим требованиям общества» [EIP-SCC, 2013, р. 5]. Чтобы стать умными, городам необходимо развить умное управление. Это концепция, подталкивающая их к переоценке, изменению и улучшению управленческих практик, процедур и процессов. «Умное управление» может отличаться от «управления умными городами» – термина, охватывающего более масштабные вопросы управления и координации инициатив умных городов и их горожан. Мейер и Родригес Боливар [Meijer, Rodriguez Bolivar, 2015] демонстрируют: посвященные вопросам управления публикации об умных городах подчеркивают взаимодействие между различными стейкхолдерами. То есть они рассматриваются с пользовательско-ориентированной точки зрения, с большим вниманием к горожанам и другим стейкхолдерам. Идея сотрудничества оказывается центральной, сфокусированной на развитии продуктивных взаимодействий между сообществами городских деятелей [Kourtit et al., 2012].

Возрастающая сложность городских проектов

Городское управление возникло с постепенным усложнением характера руководства. Это связано с усугублением трудностей социальной жизни и рассеиванием связей между местами и людьми [Healy, 1997]. Хили и соавторы [Healy et al., 1995, р. 4] утверждают: города можно рассматривать как «очаги пересекающихся сетей взаимодействия в различных пространственных масштабах». Города демонстрируют примеры социальной дифференциации, разнообразие стилей жизни и культурных бэкграундов [Madanipour et al., 2000]. «Управлять городским общественным пространством, в то время как прежний жизненный уклад изжил себя наряду с другими привычными нам закономерностями, - амбициозная задача» [Kearns, Paddison, 2000, p. 846].

С одной стороны, это разнообразие приводит к процветанию городов, поскольку открытые и многосоставные агломерации предоставляют большие возможности для креативной экономической активности [Amin, Graham, 1997]. С другой – к проблемам социально-пространственной поляризации и дискриминации. Такие процессы вынуждают дискриминированных горожан концентрироваться в конкретных районах [Madanipour et al., 2000]. За последние десятилетия города превратились из слаженных урбанистических хозяйств и сообществ (cohesive urban economies and societies) в очаги хаоса с фрагментированными взаимосвязями [Healey et al., 1995]. Грубо говоря, города стали менее управляемыми [Kearns, Paddison, 2000] и распались на «частички и кусочки» [Amin, Thrift, 1995].

Влиятельные и яркие акторы в самоорганизованных сообществах

Реакция городского управления на такие сложности — это не попытка восстановить контроль или возродить традиции с помощью иерархии и бюрократии. Скорее способ измениться в сторону самоорганизованных сообществ и гетерархии [Jessop, 1998]. Разнообразие и беспорядок ценны

с точки зрения управления: они стимулируют инновации, подталкивая к локальным экспериментам и эксклюзивным разработкам. Самоорганизация, участие и сотрудничество – важные принципы, формирующие основу и работу городского управления. Само по себе управление – это прагматичный ответ на растущее число городских проблем, приемлемый при достижении поставленных целей. На базе этих принципов городские администрации усиливают свои позиции, активируя и объединяя ресурсы, квалификации и цели других (частных, общественных) акторов городской системы. Городское управление означает, что реализация всех урбанистических задач больше не лежит на плечах государственной власти или органов администрации, независимо от локаций и институций. Это многоступенчатая деятельность [Healey et al., 1995; Edelenbos, Teisman, 2013], в которой высшие уровни управления (региональные и федеральные органы власти) сотрудничают с более низкими на локальном этапе. Так городское управление стремится выстроить крепкие партнерские отношения, чтобы заполучить и использовать местные ресурсы, наращивать потенциал локальных институций и развивать социальный капитал. Все это способствует решению локальных проблем.

Цель этого текста – рассмотреть, как городское управление справляется с часто возникающими общественными, экономическими проблемами и вопросами окружающей среды, актуальными для современных мегаполисов. Задача заключается в том, чтобы эти проблемы понять. В исследовании приводятся способствующие успеху городского управления факторы:

- роль четкого целеполагания и лидерства:
- необходимость юридической базы, определяющей роли различных акторов;
- четкие механизмы принятия решений и запросов;
- экономические стимулы и подходящие механизмы финансирования;
- сотрудничество между акторами и постепенное завоевание доверия;
- четкое разделение ответственности.

В 2002 году Институт исследований жилищного строительства и городского развития (Institute of Housing and Urban Development Studies (IHS)) Роттердамского университета Эразма опубликовал книгу

«Управление городами: Новые институциональные формы в развивающихся странах и переходных экономиках» (под ред. van Dijk, Noordhoek, Wegelin). Сегодня, спустя десятилетие, эта книга кажется первой попыткой анализа освещаемых в нашей работе аспектов, если бы глобализация и динамичный, но обрастающий проблемами прогресс не имели никакого значения. Вместо последних автор уделяет большое внимание проблемам секторального управления. Например, городским трущобам, помощи малоимущим и финансированию жилищного строительства. Некоторые главы этой книги предсказывают изменения, которые проанализируем и мы: роль городской информационной системы, государственно-частного и социального партнерства, сотрудничество между госструктурами, НПО и общественными организациями. Обе работы демонстрируют интерес к вопросам участия и самоорганизации стейкхолдеров в процессе урбанистического развития, исследуя новые институциональные формы городского менеджмента в развивающихся странах (или то, что мы называем местом новых структур управления).

Городское управление: основные принципы и проблемы

В первой части мы в общих чертах обрисовали концепцию городского управления как прагматичного ответа на усложнение актуальных задач мирового масштаба. Это реакция на парадигму городского менеджмента — контроль и иерархию, а также усиление ключевых аспектов кооперации, сотрудничества, самоорганизации и многоуровневого управления.

Наше зарождающееся «сетевое общество» сталкивается с растущей необходимостью реформирования внутриорганизационных отношений. Данное изменение также обозначается как переход от «власти» (government) к «управлению» (governance) [Kooiman, 1993]. Власть – это организация с формальными целями и задачами, а также четкими линиями ответственности и отчетности. Иерархия – необходимый элемент в такой системе. Как организация органы власти имеют глубоко институционализованную структуру. Понятие «управление», напротив, больше относится к процессу совместной работы и объединенным усилиям нескольких организаций. Из-за сложных отношений между ними управление руководствуется менее формальным подходом к государственному менеджменту. Власть проложила путь для более динамичного взаимодействия, основанного на взаимозависимости [Castells, 2000].

Городское управление можно назвать «процессом решения вопросов управления, реализацией коллективного действия в контексте публичной политики и невозможности положиться на государственную власть» [Stoker, 2000, р. 93]. Теория городского управления подчеркивает, что его основная роль — координировать сотрудничество на всей локальной территории ради достижения коллективных целей.

В публикациях на данную тему выделяют необходимость ограничения политического контроля и важность совместных действий. Речь идет о сложных для городов обстоятельствах в связи с их вертикальными связями между региональной, центральной властью и межнациональными институтами и горизонтальными – с частным бизнесом и организованными локальными и социальными интересами [Pierre, Peters, 2000; Kearns, Paddison, 2000]. В этом контексте признается формальная власть должности и институции, наряду с пониманием, что для управления городом ее одной недостаточно. Поэтому городские власти кооперируются с различными партнерами в зависимости от проблемы, сектора или конкретного аспекта осуществления публичной политики [Ansell, Gash, 2007]. Разные акторы контролируют разные типы ресурсов (администрация, информация, финансы, социальные связи и пр.). Их можно задействовать в поддержке коллективных действий и достижении целей.

В публикациях по городскому управлению различают следующие методы: клиентурный, корпоративистский, менеджерский, плюралистский и популистский. Общие сведения изложены в таблице 1.1.

Каждый метод фокусируется на соответствующих участниках. В клиентурной модели клиентам уделяют внимание в обмен на политическую поддержку. В корпоративистской – они подчиняются элитам частного сектора. Менеджерский метод правления фокусируется на формальных или контрактных отношениях между официальными представителями власти и интересами частного сектора. В плюралистском все сильно усложняется из-за столкновения интересов оппонентов.

В данном случае органы власти становятся посредниками или просто предлагают конкурентам платформу для перегово-

Таблица 1.1. Общие сведения о методах городского управления *Источник:* адаптировано из [DiGaetano, Strom, 2003: 366].

	Клиентурный	Корпоратистский	Менеджерский	Плюралистский	Популистский
Главенствую- щие отношения	Личный обмен	Эксклюзивные переговоры	Формальные бюрократиче- ские	Посредничество или медиация	Инклюзивные переговоры
Главенствую- щая логика	Взаимный обмен	Построение консенсуса	Авторитар- ное принятие решений	Менеджмент конфликтов	Мобилизация народной под- держки
Ключевые фигуры при- нятия решений	Политики и кли-енты	Политики и сильные гражданские лидеры	Политики и гражданские служащие	Политики и организованные вовлеченные группы	Политики и лидеры общественного движения
Политические цели	Материальные	Тактические	Материальные	Тактические	Символические

ров. При популистском методе политики концентрируются на мобилизации низов, чтобы внедрить установки политической повестки дня. Смысл — в демократической инклюзии, расширении участия индивидуумов и групп.

Сегодня наибольшее внимание привлекают две последние категории. Они признают возрождение действий на локальных уровнях [Jessop, 1998]. Подход заключается в продвижении понятия/концепта/идеи того, что проблемы должны решаться на самой низшей ступени, но с поддержкой национальных органов управления. Ключевую роль в управлении играют города, поскольку именно они стоят на пересечении локальных вопросов и глобальных потоков: между потенциально конфликтующими запросами локального благосостояния и международной конкурентоспособностью, а также между вызовами социальной дискриминации, глобальной поляризацией и постоянными требованиями либерализации, приватизации и дерегуляции [Jessop, 1998]. Все это подчеркивает важность партнерства, сменяющего вертикальный городской менеджмент. Плюралистский и популистский методы призывают к сотрудничеству между общественным и частным секторами, государством и гражданским обществом. Партнерства включают в себя не только игроков из частного сектора, но и неправительственные организации,

но и неправительственные организации, религиозные и общественно-полезные группы, сообщества и обычных жителей.

Значение такого развития для городского управления

Описанное выше развитие приводит к определенным результатам. В первую очередь будет повышаться внимание к степени вовлеченности самоорганизованных сообществ. Более того, комплексный рост

городских проблем может привести к возникновению новых форм городского управления через коллективные действия и совместное проектирование, сети городского правления, государственно-частное партнерство и новые формы многоуровневого руководства. Наконец, больше внимания будет уделяться устойчивому управлению городским развитием: как эффективно учесть многочисленные амбиции, интересы и ценности в борьбе за будущее стабильного прогресса.

Новые формы городского управления через коллективное действие

В развитых и развивающихся обществах наблюдается рост количества участников городского планирования, обладающих целым спектром интересов, а также собственным взглядом на причины и решения проблем. Это общества со сложным и слабо связанным между собой набором подсистем, формирующих каркас городского и регионального развития. Работа подобных систем приводит к крайне неоднозначным и непредсказуемым результатам [Cars et al., 2002; Healey, 1997; Healey et al., 1995; Scharpf, 1997].

Сотрудничество часто упоминается как единственно эффективный способ справиться с изменчивостью и взаимозависимостью [Коррепјап, Klijn, 2004; Scharpf, 1997]. Однако это ведет к еще большим трудностям ситуативного менеджмента. Государственно-частное партнерство (ГЧП) – это пример коллаборации в условиях сложных социальных связей. Такое сотрудничество хорошо адаптируется к специфике сетевого общества [Osborne, 2000]. ГЧП можно описать как устойчивые формы коммуникации между государственными и частными игроками, позволяющие совместно развивать продукты или услуги,

разделяя риски, издержки и доходы друг с другом [Klijn, Teisman, 2003].

Перечисление различных определений ГЧП поможет выявить, насколько богатый аналитический корпус был выстроен в течение последних лет. Савас [Savas, 2000, р. 105] определяет ГЧП как «договоренность между частным и государственным, использующую (более полноценно, чем в стандартных государственных сделках) сильные стороны обоих секторов, чтобы обеспечить общественные услуги и удовлетворить запросы социума». Характеристика ГЧП базируется на идее того, что роль государства - «задавать направление», а не «грести». По мнению Саваса, частные компании лучше приспособлены к такому подходу благодаря своей конкурентной природе и практическому опыту. Объединив сильные стороны обоих секторов, полученную прибыль можно инвестировать в общественные блага.

Коппеньян [Koppenjan, 2005] подчеркивает, что структурное свойство ГЧП – альянс. Соответственно, о партнерстве можно говорить только в том случае, когда коллаборация принимает форму альянса или «использует модель альянса». Он определяет ГЧП как форму структурированной кооперации для установления и управления обслуживанием населения. Осборн [Osborne, 2000, p. 14] идет дальше и называет ГЧП стратегическим партнерством, участвующим в проектировании и разработке программ на пути к обширным целям по решению долгосрочных проблем. Основа партнерства – большое взаимное доверие и уверенность в его выгоде для обеих сторон.

Самоорганизованные общественные сети, о которых говорилось выше, могут привести к новым формам сотрудничества, вовлекающим различных государственных и негосударственных игроков [Nederhand et al., 2015]. Самоорганизация часто возникает за пределами институционального вакуума. Гражданские инициативы встроены в существующие государственные структуры, политические программы, законы и процедуры [Edelenbos, 2005]. Гражданские и государственные игроки зависят друг от друга, а значит, сотрудничают в процессе городского правления [Alexander, 2001]. Подобные сотрудничества часто приводят к созданию новых (и временных) управленческих структур и процессов для решения городских задач.

Новые структуры правления – это общий результат многообразия и синхрониза-

ции разных уровней: локального, регионального, национального и межнационального [Edelenbos, Teisman, 2013]. Сложное сочетание институций на пересечении этих уровней вытекает из процесса модернизации, который включает специализацию, функционализацию и фрагментацию [Schlager, Blomquist, 2000]. В городском управлении многочисленные процессы формируются из действий по инициативе сверху (национальный и межнациональный уровни) и децентрализованных процессов по инициативе снизу (локальные администрации, уровень сообщества/квартала). Сложность поставленной задачи в том, чтобы создать многоуровневое управление, где уровни взаимодействуют между собой и каждый из них – часть цепочки эффективных действий.

Уже проведены конкретные опыты, включающие в анализ недавно введенные или спонтанно сформировавшиеся структуры городского правления. Ван Эрд [van Eerd, 2016] проанализировал трансформацию отношения к вопросу переселения европейцев в Индию (индоевропейских миграций. – Прим. ред.) и его влияния на малоимущие слои населения. Автор перечисляет различные причины этого переселения и приходит к выводу, что малоимущие слои, как правило, страдают от подобных политических решений. Степень воздействия зависит от масштабов переселения, политической воли, предоставленной компенсации и других факторов, свойственных конкретной территории. Что касается Индии, административные структуры действий на национальном, федеральном и локальном уровнях усложняют результат. Однако предпринятые в 1990-х меры – более частое обращение к законам рынка и вовлечение жителей в экономику – привели к росту активности среднего класса, который самоорганизовался для защиты своих прав. Если негативные последствия переселения и продолжают ухудшаться, это происходит потому, что процесс переселения все больше охватывает индийские периферии, где проживают более бедные жители, не имеющие или имеющие мало возможностей для развития собственных альтернативных структур правления.

Франсен [Fransen, 2016] изучает влияние городского экономического правления на инновации новых экономик. Автор рассмотрел инновационные системы в экспорте ремесленной продукции и захотел придумать систему нововведений для этого рынка. В этих целях он проинтервьюировал представителей небольших пред-

приятий и соответствующих институций, выводя их на открытую дискуссию. Он считает, что децентрализация как новая форма городского управления повлияла на процесс инновации во множестве городов стран третьего мира. Различия в управлении городской экономикой существенно затрагивают инновационный процесс в небольших компаниях, поскольку разные модели управления предлагают разные механизмы. Он обнаружил, что скоординированное управление предлагает оптимальные алгоритмы для впитывания и передачи новых знаний – это поддерживает инновационный процесс в ремесленных фирмах. Еще один вывод: степень компетенции компаний и возможность их работы в иерархических и глобальных производственно-сбытовых цепочках также усиливают инновационность. Построение компетенций системы поддержки производственных связей стимулирует инновации в ремесленных компаниях вне зависимости от формы управления.

Оливотто и Джаноли [Olivotto, Gianoli, 2016] рассматривают управление климатической адаптацией, уделяя особое внимание проблеме разделения государственной и частной ответственности в вопросе сокращения рисков наводнения в Сайгоне. Они определили основу для возможности изучения управленческих договоренностей по таким сложным вопросам, как стратегия адаптации. Они также исследуют логические контекстуальные обоснования для формирования конкретных структур в таком высокоцентрализованном государстве. как Вьетнам и, в частности, в Сайгоне, имеющем привилегированный статус региональной автономии, позволяющий городу быть частью нескольких многоуровневых и межнациональных вертикальных соглашений. Авторы доказывают, что текущие структуры управления характеризуются разделением ответственности с доминированием роли государства и практически отсутствующим частным сектором. Государственно-частного партнерства здесь нет из-за сильного вмешательства властей. Меры по адаптации и увеличению эффективности, исходящие из экономических соображений, превратили попытки сотрудничества с частным и гражданским секторами в фазу планирования политических программ, что подрывает легитимность. Вывод: чрезмерная фиксация на «проблемах города» как центральной задаче стабильного развития обернулась пренебрежением более глобальными социальными, экономическими и политическими процессами, формирующими устойчивость городского пространства. Авторы уверены: переход к многоуровневой перспективе — ключ к пониманию того, как игроки разных уровней могут влиять на обстановку и стабильное положение в городе. Постановка столь сложных задач вместе с затраченными на их решение внутренними и внешними ресурсами меняют городские институции, перестраивают структуры политической власти и формируют новые межуровневые альянсы и государственночастные партнерства.

Пеннинк [Pennink, 2016] работал над темой риска и доверия в сложных проектах государственно-частного типа (ГЧП). ГЧП – это альтернативная структура управления, направленная на создание условий для сотрудничества частников с общественными деятелями. Автор оценивает отношения между обозримым доверием и риском в проектах трех стран. Все они характеризуются как сложные, продолжительные и широкомасштабные проекты с большим количеством игроков. Пенник оперирует концепцией цикла доверия, которое можно как построить, так и разрушить. Согласно его соцопросу, высокий уровень доверия соответствует низкой оценке рисков проекта. Ключевые факторы завоевания доверия: форматы ГЧП и длительность сотрудничества. Пеннинк приходит к выводу: доверие – это обязательное условие для сотрудничества. Партнеры, которые ищут способы снижения рисков, с наибольшей вероятностью поделятся друг с другом своими системами ценностей и придут к компромиссу. А значит, заговорят на одном языке.

Квартенг и его партнеры по исследованию [Kwarteng et al., 2016] изучают процессы в развивающихся странах, где пытаются внедрить инновации в сферу коммунальных услуг. В частности, они рассмотрели усилия по привлечению частного сектора к процессу сбора мусора в городах Ганы. Это пример изменений внутри сложной системы, требующей внимания и действий со стороны местных властей. Работа описывает проблему адаптации инноваций к незападным реалиям. В первую очередь авторы выделяют роли игроков и управленческих структур, считающих перемены необходимыми для вывода качества служб уборки мусора на новый уровень. Однако ни участники процесса, ни релевантные управленческие структуры не готовы к таким переменам. Политикам в Гане разрешено вмешиваться и штрафовать за нелегальный сбор мусора. Несмотря на стремление угодить избирателям, от повышения штрафов они отказываются, даже если это поспособствует укреплению экономики. Частные компании включены в этот процесс в качестве субподрядчиков, но они не сторонники раздельного сбора мусора и не инициируют его переработку. Для этого у них нет ни экономических, ни юридических стимулов. Согласно опросу, большинство респондентов были недовольны коммунальными услугами, но способа пожаловаться у них не было. Перед нами наглядный пример сложного проекта. Подобные проблемы возникают в крупных городах, где новые формы правления сопряжены с многочисленностью игроков и желанием каждого из них повлиять на политическую повестку. Слабые практики регулирования и несоблюдение контрактных обязательств подрывают успех субподрядных отношений в частных операциях по сбору твердых отходов. Городскому управлению необходимо обновление, а значит, следует изменить отношение к нему. Но этот процесс займет еще много времени.

Энсенадо и Графакос [Grafakos. Ensenado, 2016] представляют результаты многокритериального анализа (МКА) методов низкоуглеродного городского развития на мезоуровне (локальный, провинциальный или региональный) в странах с низкими или средними показателями дохода за последние 10 лет. Авторы рассматривают роль многочисленных стейкхолдеров с разных ракурсов проблемы. Учитываются масштабы, методы и участие стейкхолдеров в процессе МКА, наличие у них социальной осознанности и пользы итогов анализа для принятия реальных решений. Результаты демонстрируют, как МКА задействуется в низкоуглеродных городских секторах, таких как транспорт, энергоснабжение и сбор мусора. Авторы исследовали поведение стейкхолдеров на определенных этапах анализа и их способность мыслить когнитивно.

Роль вовлечения посредством самоорганизующихся сетей

Особое внимание в литературе по общественным сетям городского управления уделяется интерактивному правлению [Kooiman, 2003; Edelenbos, 2005; Torfing et al., 2012], отдельно стоит выделить инициативы и действия сообществ в работе со сложными общественными проблемами (например, безопасности, жизнеспособности кварталов, городского развития или коммунальных услуг). Однако интерактив-

ное управление может складываться в том числе из сочетаний государственных, частных и общественных участников. В связи с этим в него входят: вовлечение горожан, участие стейкхолдеров, самоорганизация и гражданские инициативы. Гражданская активность все еще присутствует, но проявляется в разных и новых формах [Вапд, 2009]. Растет интерес к способности гражданского общества к самообеспечению, самоподдержке и самоорганизации [Вапд, 2009; van Meerkerk et al., 2013].

Иногда горожане участвуют в работе над городскими проблемами вместе с представителями власти. Это называется «участием горожан» и стало важнейшей политической стратегией во многих странах мира. Например, такой подход встал во главу угла территориального планирования, социального обеспечения, регенерации, жилищного строительства и политики в сфере образования (см.: [Edelenbos, 2005; Irvin, Stansbury, 2007]). Это форма интерактивного правления, четко контролируемая со стороны администрации. Иными словами, администрация решает, когда, кто и как включается в процесс. В моменты принятия решения инициируются мероприятия с участием горожан, где жители могут дать обратную связь и внести свой вклад в административный процесс.

В противовес традиционным форматам обратной связи, современные горожане предпочитают неформальное общение [Lorentzen, Hustinx, 2007]; они хотят держаться в стороне от политических/государственных структур и процедур, которые больше не считают легитимными или эффективными [Edelenbos, van Meerkerk, 2011]. Так развиваются самоорганизованные сети. Причин тому несколько. Во-первых, самоорганизация может происходить по умолчанию. В таком случае нет административной структуры или политической стратегии, и самоорганизующиеся горожане развивают способность брать на себя инициативу по решению общественных вопросов и проблем. В некоторых странах, например в развивающихся, эта самостоятельность объясняется отсутствием легитимных административных структур. В других случаях, в основном в развитых западных странах, это объясняется невниманием госструктур к определенным областям политики ввиду финансовых сокращений. Из этого вытекает необходимость полагаться на саморегулирование и ответственность горожан относительно общественных вопросов и насущных городских проблем [Kisby, 2010]. Во-вторых, горожане могут объединяться и брать на себя инициативу, потому что это единственный способ начать искать ответ на насущные вопросы, такие как затопление. Часто это определяется термином «устойчивость сообщества» — склонность сообщества к использованию доступных ресурсов для ответа, сопротивления или восстановления после неблагоприятных ситуаций [Cutter et al., 2008; Norris et al., 2008].

Ван Мееркерк, Цваненбург и ван Эрд [van Meerkerk, Zwanenburg, van Eerd, 2016] представили систематический анализ движущих сил, препятствий и проблем в подходах на основе сообществ [van Meerkerk et al., 2013]. Авторы разрабатывают концептуальную модель для определения условий стирания границ при регенерационных действиях по инициативе сообществ. В частности, они анализируют изменения в политике городского переселения в Индии, которые они называют «новым городским управлением». Изменения отражают поворот в осознании переселения и придают большее значение консультированию и соучастию заинтересованных горожан.

Джачноу и Аль Алам [Jachnow, Al Alam, 2016] изучают самоорганизацию в старом центре Триполи. Они описывают, как в отсутствие эффективного менеджмента со стороны администрации торговцы обустраивали небольшие точки на базарах, организуя пространство так, как это нужно им. Более того, индивиды и группы собирались вместе не только для обеспечения себя средствами к существованию, но и для более качественного улучшения жизненных условий и окружающей среды. Социокультурная самоорганизация в Триполи пустила корни новой системы городского управления: она подтолкнула инновационный процесс развития и реновации физического облика исторического центра, не полагаясь на правительство. Другое наблюдение заключается в том, что чувство сопричастности распространилось среди жителей и постепенно перетекло в ощущение сообщества. Авторы утверждают, что локальная и национальная администрации должны больше вовлекать и поддерживать граждан, чтобы помочь старому городу выстоять перед лицом множества актуальных проблем. Администрация могла бы облегчить самоорганизующиеся инициативы, поощряя подобные действия и наделяя активных граждан финансовыми ресурсами, контактами и знаниями. Однако качество подобных взаимодействий зависит от уровня доверия между самоорганизующимися группами и местными администрациями. Это непростая задача для старого Триполи, где уровень доверия между горожанами и муниципалитетами крайне низок, а локальные администрации определенно теряют доверие к себе.

Эстебан [Esteban, 2016] анализирует вопрос коллективного вовлечения на примере восстановления домов и сообществ после шторма на Филиппинах — в стране, где ураганы разрушают постройки регулярно. Автор выяснила, что с помощью сообщества моральное восстановление людей и физическое восстановление строений можно ускорить. Но это может работать, только если жители сильно связаны с сообществом и способны к коллективному вовлечению ради всеобщей цели. Это помогает жителям восстановить контроль над своими жизнями и чувство ответственности внутри сообщества.

Эстебан дает определение уровню социального капитала и коллективной вовлеченности в трех коммунах (barangays) города Таклобан. В ходе исследования предпринимается попытка оценить потенциал социального капитала трех сообществ как инструмента восстановления после природных катастроф. Таким образом можно глубже осознать этот процесс. Автор приходит к выводу: сообщества с сильным и сбалансированным социальным капиталом более производительны и способны быстрее восстанавливаться. Это значит и то, что обозначение правительством зон «непригодных для проживания» сильно сказалось на участии жителей в делах сообществ.

Можанчевска [Mojanchevska, 2016] анализирует семь самоорганизовавшихся гражданских сетей по территориальному планированию в постпереходных обществах. Здесь исследуется конкретный пример города Скопье в Македонии, где влияние городского планирования на социальную интеграцию (или сегрегацию) не всегда принималось во внимание. Вследствие этого и городские планировщики, и горожане оказались в сложной ситуации. Бюрократия ограничивает участие горожан в процессе планирования в целях экономии времени и ресурсов, в то время как градостроители не желают передавать прерогативу принятия решения. Горожане не удовлетворены тем, что отстранены от организации собственной среды обитания, которая часто менялась без учета их потребностей. С позиции выходящих за пределы механизмов репрезентативной демократии партиципаторных подходов Можанчевска рассматривает способы, которыми самоорганизующиеся горожане обустраивают пространства для общественных

собраний. Это способно изменить расстановку сил в городском и социальном развитии городов. Кроме того, автор пытается понять, насколько реален подобный контроль — возможно, это всего лишь видимость. Наконец, Можанчевска оценивает, могут ли самоорганизующиеся сети стать потенциальным толчком для практик «новой гражданственности»: той, что находится по ту сторону этнических, религиозных, социальных и сексуальных различий.

Пуга и Джачноу [Puga, Jachnow, 2016] исследовали, как велосипедисты сформировали структуру управления в Кито, Эквадор. Они проследили, как самоорганизовавшиеся группы продвигали городскую езду на велосипедах, и пришли к выводу, что благодаря этому возникла новая структура городского управления. Это интересный пример самоорганизации, который поднимает множество вопросов. Например, какой это тип самоуправления? Действует ли оно «по умолчанию», при условии что в Эквадоре, как и в Ливане, не существует администрации как таковой? Является ли это самоуправлением или еще одним стейкхолдером (ассоциация велосипедистов)? Или это пример реальной необходимости, как в случае с восстановлением после природной катастрофы на Филиппинах? Пуга и Джачноу подчеркивают важность роли локальной администрации в качестве фасилитатора инициатив жителей и партнера по коллаборации для совместного городского планирования. Несмотря на успехи велосипедистов в Кито, еще много работы предстоит сделать для консолидирования сети велосипедных дорожек и велосипедной культуры.

Важность устойчивого управления

Многоуровневые структуры и процессы способны повысить работоспособность управления. Они способны отвечать за проблемы различных масштабов и дают возможность для разноплановых реакций в изменчивых и двойственных ситуациях [Folke et al., 2007]. Процессы правления, развившиеся только на одном уровне, будут иметь меньше средств для реагирования на комплексные проблемы городского развития, чем многоуровневые структуры [Ostrom, 1998].

Некоторые авторы подчеркивают способность самоорганизующихся систем (а именно маленьких групп, цепей или сетей) реагировать на изменения, уязвимость и неопределенность [Ibid.]. Например, в литературе по менеджменту ресурсов, основанному на совместной собственности, они стремятся охарактеризовать условия, при которых группы будут самоорганизовываться и устойчиво управлять общими ресурсами. Как институциональные процедуры приведут к устойчивому менеджменту ресурсов, еще предстоит обсудить [lbid.]. Эти публикации формируют эффективную стартовую позицию для анализа и определения институциональных процедур, помогающих в управлении общим имуществом.

Другие авторы подчеркивают важность перехода к реализации устойчивого управления [Rotmans et al., 2001; Loorbach, 2010]. Он рассматривается как «процесс трансформации», при котором общества фундаментальным образом меняются в масштабах поколения или больше. Лурбак [Loorbach, 2010] рассматривает переходный менеджмент как типичный новый подход к управлению в целях устойчивого развития. Общества катализируют изменения, но государственные структуры могут сыграть свою роль, способствуя поступенчатым структурным переменам. В таких случаях переходный менеджмент определяется как процессуально-ориентированная философия, формирующая баланс между последовательностью, изменчивостью и неоднозначностью. Основные ее положения могут иметь следующие характеристики:

- долгосрочное планирование (минимум на 25 лет) как основа для формирования краткосрочной политики;
- планирование охватывает более чем одну сферу (мультисферность) и различных акторов (мультиакторность) в различных масштабах (многоуровневость);
- фокус на обучении и специальная философия обучения (обучение в проектной деятельности и проектная деятельность через обучение);
- попытка внедрить инновации в систему, одновременно улучшая ее;
- сохранение большого количества опций (широкое поле действий) [Rotmans et al., 2001, p. 22].

Подобный взгляд на управление демонстрирует ярко выраженную важность многоуровневых и мультиакторных взаимодействий одновременно. Шарма и Гирлингс [Sharma, Geerlings, 2016] анализировали оценку улучшения устойчивости (sustainability benefits assessment (SBA)) как новый механизм управления в сфере мобильности. Авторы утверждают, что городская транспортная система сложна, поскольку зависит от многочисленных фак-

торов и акторов. Любое вмешательство для того, чтобы сделать транспорт более устойчивым, должно быть основано на длительной перспективе ради достижения устойчивой мобильности людей и грузов. Шарма и Гирлингс призывают к проведению оценки улучшения устойчивости (SBA) и объясняют, как это может быть применено на практике. Оценка улучшения устойчивости предполагает более инклюзивную методологию, чем традиционные методы оценки, такие как анализ рентабельности. Оценка улучшения или влияния транспортных проектов, внедренных с использованием оценки улучшения устойчивости (SBA), способствует наделению ответственных лиц на всех уровнях управления более детализованной и систематической информацией.

Девай и ван Аст [Dewi, van Ast, 2016] провели исследование трансграничного бассейна рек Чиливунг-Чисадан, расположенного в крупнейшем метрополитенском регионе Индонезии. Авторы анализируют, как существующие институциональные структуры вокруг бассейна рек Чиливунг-Чисадан влияют на функционирование менеджмента затоплений. Существующие структуры исследуются на основе новых теоретических открытий в области требований к соответствующему менеджменту затоплений. В качестве основных причин «неинтегрированного» менеджмента затоплений авторы определяют следующие: недостаточное количество правил имплементации относительно юридической базы для межрегиональной и кросс-секторной координации, нечеткие роли и неразъясненный порядок разделения ответственности среди координационных агентств, бессилие некоторых агентств в процессе имплементации и отсутствие формализованной координации и механизмов интеграции в системе планирования.

Ван Дайк и Лиянг [van Dijk, Liang, 2016] анализируют структуры управления городскими экологическими инициативами в Китае, где города ввели различные политические стратегии и программы для работы с вопросами изменения климата и загрязнения окружающей среды. Многие города хотят стать более экологичными или превратиться в эко-города. Инициативы по достижению таких целей уже появляются. Города стремятся стать более устойчивыми, создавая экологичные жилые кварталы. Повторяющиеся элементы подобных инициатив — это замыкание гидрологического цикла, сокращение утечки парниковых газов, поддержка интегрированного менеджмента

и сокращения количества отходов, развитие инфраструктуры и транспортной политики. Но как этими инициативами управлять? Главная трудность в том, чтобы добиться целостности подхода в контексте городского менеджмента, учитывая заинтересованность различных стейкхолдеров. Сложные структуры управления в Китае мешают городам эффективно бороться с последствиями климатических изменений и не позволяют стать эко-городами. Вертикальные управленческие подходы часто конфликтуют с инициативами низшего уровня. Анализ существующих структур правления демонстрирует: с одной стороны, внедрение политических стратегий и программ часто застревает на провинциальном, муниципальном или локальном уровнях; с другой – горожане сами проявляют инициативу в борьбе с насущными проблемами, частично связанными с изменением климата.

Заключение

- 1. Сегодня городскому правлению, его теории и практике уделяют особое внимание. Такой интерес это прагматичный ответ на вечно растущую комплексную проблематику городов и стремление к эффективному решению вопросов. В сложных обстоятельствах городское управление включает в себя решение вопросов городскими администрациями и одновременное привлечение ресурсов и мощностей других стейкхолдеров. Это означает переход к новому подходу: от городского менеджмента (власти) к городскому управлению.
- 2. Городское управление может принимать разные формы. Обманчиво считать, что лишь один авторитетный актор во главе бюрократической системы может контролировать весь процесс городского развития. Оно сложно и многообразно, не может контролироваться, исходя лишь из одной отправной точки. Городское управление полицентрично и нуждается в коллаборационных усилиях, а не в стремлении удержать контроль.
- 3. Многообразие и беспорядок важны с точки зрения правления, поскольку эти факторы могут стимулировать инновации, сподвигнуть на эксперименты и индивидуальный подход на локальном уровне. Городское правление рассматривает агломерации как живые лаборатории, оценивая и стимулируя локальные инициативы и эксперименты.
- 4. Городское управление может выиграть от того, как стратегически город видит свое будущее. Однако подобные представления не являются готовым сценарием.

Это наброски, которые нужно развивать совместно со стейкхолдерами – им, в свою очередь, необходимо внедрять и мониторить городские реалии. Мультиакторный и коллаборативный процесс планирования становится важной частью успешного функционирования городов.

- 5. Подобное стратегическое видение должно принимать во внимание экономические основы города, его социальное многообразие и проблемы окружающей среды. Необходим последовательный и целостный взгляд, центральная задача которого – сделать город устойчивым. При этом целостность - это прекрасная, но сложно реализуемая идея, поскольку на нее может повлиять множество разных мнений. Поэтому целостность требует хорошего руководства и способности к управлению со стороны всех вовлеченных в нее акторов, будь то эксперты, профессионалы, горожане/жители, компании или представители администрации.
- 6. Главные принципы городского правления: самоорганизация, участие и сотрудничество. Именно благодаря им формируется работа руководства города. Стейкхолдеров может пригласить к сотрудничеству городская администрация, либо они выдвигаются самостоятельно в качестве активных участников по инициативе снизу, где важную роль играет локальная собственность (через созданные пространства или самоорганизацию). Такое развитие требует сотрудничества и коллаборации, поскольку действующие участники на самом деле нуждаются друг в друге (в знании, власти, финансировании). Все это способствует решению реальных вопросов. Не менее важно хорошо наладить процесс совместной работы.
- 7. Новые технологии, такие как интернет, мобильные телефоны и сенсоры, предоставляют цифровую информацию, которая может быть использована в процессе планирования. Например, самоорганизация сильно развилась благодаря возможностям веб 2.0. Кроме того, мы наблюдаем возникновение «совместного потребления» (как, например, Airbnb и Uber), где технологии задействуют не только для связи, но и для привлечения клиентов и сообществ.
- 8. Жители должны обладать определенными ресурсами (например, финансовыми) и способностями (коммуникационными навыками, лидерскими качествами, способностью к командной работе и сплочению) для инициирования и поддержания локальных инициатив. Многие самоорганизующиеся инициативы не выживают или

- живут кратковременно из-за нехватки ресурсов и способностей.
- 9. Самоорганизация может способствовать более социально устойчивому городскому планированию. Из закрытых и бюрократических процессов, которыми руководит экспертный взгляд на городские проблемы и лучшее использование пространств, рождаются более открытые и динамичные способы планирования.
- 10. Некоторые публикации демонстрируют, что новые структуры городского правления возникают в случаях, когда на первый план выходят проблемы, о которых не знают локальные администрации. Тогда к активным действиям приступают новые стейкхолдеры.

Источники

- Alexander E.R. (2001) The Planner-Prince: Interdependence, Rationalities and Post-Communicative Practice//Planning Theory and Practice. Vol. 2. No. 3. P. 311–324.
- Allen J. (2010) Powerful City Networks: More than Connections, Less than Domination and Control// Urban Studies. Vol. 47. No. 13. P. 2895-2911.
- Amin A., Graham S. (1997) The Ordinary City//Transactions of the Institute of British Geographers. Vol. 22. No. 4. P. 411-429.
- Amin A., Thrift N. (1995) Globalisation,
  Institutional Thickness and the Local
  Economy//Managing Cities: The New Urban
  Context/P. Healey, S. Cameron, S. Davoudi,
  S. Graham and A. Madanipour (eds.).
  Chichester: John Wiley & Sons. P. 91–108.
- Ansell C., Gash A. (2007) Collaborative Governance in Theory And Practice//Journal of Public Administration Theory and Research. Vol. 18. No. 4. P. 543-571. Режим доступа: http://jpart.oxfordjournals.org/ cgi/content/ full/mum032v1 (дата обращения 17.08. 2016).
- Bang H.P. (2009) "Yes We Can": Identity
  Politics and Project Politics for a LateModern World //Urban Research and Practice.
  Vol. 2. No. 2. P. 117-137.
- Castells M. (2000) The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Cutter S.L., Barnes L., Berry M., Burton C., Evans E., Tate E., Webb J. (2008) A Place-Based Model for Understanding Community Resilience to Natural Disasters//Global Environmental Change. Vol. 18. No. 4. P. 598-606.
- Dewi B.R.K., van Ast J. (2016) Institutional Arrangements in Integrated Flood Management of the Ciliwung-Cisadane River Basin for Jakarta Metropolitan Area, Indonesia//Urban Governance in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. P. 307–323.
- DiGaetano A., Strom E. (2003) Comparative Urban Governance: An Integrated

- Approach//Urban Affairs Review. Vol. 38. No. 3. P. 356-395.
- Edelenbos J. (2005) Institutional Implications of Interactive Governance: Insights from Dutch Practice//Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. Vol. 18. No. 1. P. 111-134.
- Edelenbos J., van Meerkerk I. (2011)
  Institutional Evolution Within Democracy:
  Local Selfgovernance Meets Local
  Government//Interactive Policy Making,
  Metagovernance and Democracy. J. Torfing,
  P. Triantafillou (eds.). Colchester: European
  Consortium for Political Research (ECPR)
  Press. P. 169–186
- Edelenbos J., Teisman G. (2013) Water
  Governance Capacity: The Art of Dealing with
  a Multiplicity of Levels, Sectors and
  Domains//International Journal of Water
  Governance. Vol. 1. No. 1–2. P. 89–108.
- Estaban T. (2016) Collective Engagement:
  Picking Up After The Storm in the
  Philippines//Urban Governance in the Realm
  of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
  K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical
  Action Publishing. P. 219-245.
- European Innovation Partnership on Smart Cities and Communities (EIP-SSC) (2013) Strategic Implementation Plan//EIP-SCC. Режим доступа: http://ec.europa.eu/eip/ smartcities/files/sip_final_en.pdf (дата обращения 17.08.2016).
- Folke C., Hahn T., Olsson P. and Norberg J. (2005) Adaptive Governance Of Social-Ecological Systems//Annual Review of Environment and Resources. Vol. 30. No. 15. P. 441–473.
- Fransen J. (2016) The Impact of Urban Economic Governance on Innovation in Emerging Economies//Urban Governance in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. P. 47–69.
- Grafakos S., Ensenado E.M. (2016) Multiple
  Criteria Analysis in Low Carbon Development:
  A Review of Applications in Developing and
  Transitional Economies//Urban Governance in
  the Realm of Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby:
  Practical Action Publishing. P. 141–171.
- Governing Cities, New Institutional Forms in Developing Countries and Transitional Economies (2002)/Van Dijk M.P., Noordhoek M., Wegelin, E. (eds.). Rugby: ITDG Publishing.
- Hall P., Hubbard T. (1996) The Entrepreneurial City: New Urban Politics, New Urban Geographies//Progress in Human Geography. Vol. 20. P. 153–174.
- Healey P. (1997) Collaborative Planning, Shaping Places in Fragmented Societies. London: Macmillan.
- Irvin R.A., Stansbury J. (2007) Citizen
  Participation in Decision-Making: Is it
  Worth the Effort?//Public Administration
  Review. Vol. 64. No. 1. P. 55-65.
- Jachnow A., Al Alam D. (2016) In the Absence of Government: How Surrogate Governance and Selforganization Shapes the Ancient City of

- Tripoli, Lebanon/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.) Urban Governance in the Realm of Complexity. Rugby: Practical Action Publishing. P. 195– 219.
- Jessop B. (1998) The Rise Of Governance and the Risks of Failure: The Case of Economic Development//International Social Science Journal. Vol. 50. No. 155. P. 29-45.
- Kearns A., Paddison R. (2000) New Challenges
  for Urban Governance//Urban Studies.
  Vol. 37. No. 5-6. P. 845-50.
- Kisby B. (2010) The Big Society: Power to the People?//Political Quarterly. Vol. 81. No. 4. P. 484-491.
- Klijn E.H., Teisman G.R. (2003) Institutional and Strategic Barriers to Public-Private Partnership: An Analysis of Dutch Case//Public Money and Management. Vol. 23. No. 3. P. 137-146.
- Kooiman J. (2003) Governing as Governance. London: Sage.
- Koppenjan J.F.M., Klijn E.H. (2004) Managing Uncertainties in Networks. London: Routledge.
- Koppenjan J.F.M. (2005) The Formation of Publicprivate Partnerships: Lessons from Nine Transport Infrastructure Projects in the Netherlands//Public Administration. Vol. 83. No. 1. P. 135-158.
- Kourtit K., Nijkamp P., Arribas D. (2012)
  Smart Cities in Perspective: A Comparative European Study by Means of Self-Organizing Maps//Innovation: The European Journal of Social Science Research. Vol. 25. No. 2. P. 229-246.
- Kwarteng S.O., van Dijk, M.P., Ocloo K.M.
   (2016) Role of Actors And Governance
   Structures Towards Behavioural Change for
   Sustainable Waste Management//Urban
   Governance in the Realm of Complexity/
   M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen
   (eds.). Rugby: Practical Action Publishing.
   P. 119-141.
- Loorbach D. (2010) Transition Management for Sustainable Development: A Prescriptive, Complexity-Based Governance Framework//Governance. Vol. 23. No. 1. P. 161–183.
- Lorentzen H., Hustinx L. (2007) Civic Involvement and Modernization//Journal of Civil Society Vol. 3. No. 2. P. 101-118.
- Madanipour A. (1998) Social Exclusion and Space//Social Exclusion in European Cities: Processes, Experiences and Responses/ A. Madanipour, G. Cars and J. Allen (eds.). London: Jessica Kingsley. P. 75–94.
- Managing Cities. The New Urban Context (1995)/P. Healey, S. Cameron, S. Davoudi, S. Graham, A. Madanipour (eds.). Chichester: John Wiley and Sons.
- M. Van Eerd (2016) "Pushed to the Bush?" Changes in Resettlement Approaches in India and Their Effect on the Urban Poor//Urban Governance in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. P. 25-47.
- Meijer, M.P. Rodriguez Bolivar (2015) Governing the smart city: A review of the

- Literature on Smart Urban Governance//International Review of Administrative Sciences. Vol. 82. No. 2. P. 392-408.
- Modern Governance: New Government-Society Interactions (1993)/J. Kooiman (ed.). London: Sage.
- Mojanchevska K. (2016) Urban Planning and Selforganized Citizens' Networks in Post-Transitional Societies in South-Eastern Europe: A Case Study ff Skopje//Urban Governance in the Realm of Complexity/ M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. P. 245-261.
- Nederhand J., Bekkers V.J.J.M., Voorberg W.H. (2015) Self-Organization and the Role of Government: How and Why Does Self-Organization Evolves in the Shadow of Hierarchy?//Public Management Review. Vol. 18. P. 1063–1084.
- Norris F.H., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L. (2008) Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, And Strategy for Disaster Readiness//American Journal of Community Psychology. Vol. 41. No. 1-2. P. 127-150.
- Ohmae K. (1995) The End of the Nation-State: The Rise of Regional Economies. New York, NY: The Free Press.
- Olivotto V. and Gianoli A. (2016) The Urban
  Governance of Climate Change Adaptation:
  Exploring the Public and Private
  Responsibilities for Flood Hazard Reduction in
  Ho Chi Minh City, Vietnam//Urban Governance
  in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.).
  Rugby: Practical Action Publishing.
  P. 69-95.
- Ostrom E. (1998) The Institutional Analysis and Development Approach//Designing Institutions for Environmental and Resource Management/E.T. Loehman, D.M. Kilgour (eds.). Cheltenham: Edward Elgar. P. 5–22
- Public-Private Partnerships: Theory and Practice in International Perspective (2000)/S.P. Osborne (ed.). London: Routledge.
- Pennink C. (2016) Building Trust in Complex Urban Regeneration Partnerships//Urban Governance in the Realm of Complexity/ M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. P. 95-109.
- Pierre J., Peters B.G., (2000) Governance, Politics and the State. Basingstoke: Macmillan.
- Puga E., Jachnow A. (2016) Biking as
   Governance: Positioning Urban Cycling in
   Quito//Urban Governance in the Realm of
   Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
   K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical
   Action Publishing. P. 261-285.
- Rotmans J., Kemp R., van Asselt M. (2001) More Evolution Than Revolution: Transition Management in Public Policy//Foresight. Vol. 3. No. 1. P. 15-31.

- Savas E.S. (2000) Privatization and Public-Private Partnerships. New York, NY: Seven Bridges Press.
- Scharpf F.W. (1997) Games Real Actors Play: Actorcentered Institutionalism in Policy Research. Boulder, CO: Westview Press
- Schlager E., Blomquist W. (2000) Local
  Communities, Policy Prescriptions, and
  Watershed Management in Arizona, and
  Colorado//Constituting the Commons: Crafting
  Sustainable Commons in the New Millennium,
  Conference. Paper, Eighth Conference of the
  International Association for the Study of
  Common Property, 31 May-4 June, Bloomington,
  IN. Режим доступа: http:// hdl.handle.
  net/10535/2133 (дата обращения 17.08.2016).
- Sharma S., Geerlings H. (2016) Transition
  Towards Sustainable Mobility: Opportunities
  and Challenges for Sustainable Benefits
  Assessment in Decision-Making //Urban
  Governance in the Realm of Complexity/
  M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen
  (eds.). Rugby: Practical Action Publishing.
  P. 285–307.
- Social Exclusion in European Cities.

  Processes, Experiences, and Responses
  (2000)/A. Madanipour, G. Cars, J. Allen
  (eds.). London: Routledge.
- Stoker, G. (2000) Urban Political Science and the Challenge of Urban Governance//Debating Governance: Authority, Steering, and Democracy/J. Pierre (ed.). Oxford: Oxford University Press. Режим доступа: http://eprints.soton.ac.uk/id/eprint/47311 (дата обращения 03.09.2016).
- Torfing J., Peters B.G., Pierre J., Sörensen E. (2012) Interactive Governance. Advancing the Paradigm. Oxford: Oxford University Press.
- Urban Governance, Institutional Capacity and Social Milieux (2002)/G. Cars, P. Healey, A. Madanipour, C. Magalhaes. London: Routledge.
- Van Dijk M.P. (2006) Managing Cities in Developing Countries, The Theory and Practice of Urban Management. Cheltenham: Edward Elgar.
- Van Dijk M.P. and Liang X. (2016) Governance
   of Urban Eco Initiatives in Beijing in Times
   of Climage Change//Urban Governance in the
   Realm of Complexity/M.P. van Dijk,
   J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby:
   Practical Action Publishing. P. 323 351.
- Van Meerkerk I.F., Boonstra B., Edelenbos J. (2013) Self-Organization in Urban Regeneration: A Twocase Comparative Research//European Planning Studies. Vol. 21. P. 1630–1652.
- Van Meerkerk I.F., Zwanenberg M., van Eerd M. (2016) Enabling and Constraining Conditions for Boundary Spanning in Community-Led Urban Regeneration: A Conceptual Model//Urban Governance in the Realm of Complexity M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing. pp. P. 171–185.
- Williams R. (1983) Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana.

URBAN GOVERNANCE IN THE REALM OF COMPLEXITY

Jurian Edelenbos, professor of interactive urban governance and academic director, the Erasmus Initiative Vital Cities and Citizens, Rotterdam, The Netherlands.

E-mail: edelenbos@essb.eur.nl
Meine Pieter van Dijk, economist,
professor of entrepreneurship,
Maastricht School of Management
(MSM), Maastricht, The Netherlands;
visiting professor, Beijing university of Civil engineering and architecture (BUCEA), Beijing, China.
E-mail: meinepietervandijk@gmail.com

Abstract. The article reflects on the development of the urban governance concept, analyses the factors influencing urban governance at the national and local level and examines how urban governance is dealing with the often recurring societal, environmental, and economic issues faced by cities nowadays. The challenge is to understand these issues, and the research presented brings out certain factors contributing to the success of improved urban governance: the role of clear objectives and leadership; the need for a legal framework which defines the roles of the different actors; clear decision-making and appeal mechanisms; incentives and appropriate funding mechanisms; cooperation between actors and the gradual development of trust; a clear division of responsibilities. At the end of the article, ten important insights from recent studies of urban governance are pre-

Key words: urban governance; globalization; global cities; governance modes; new forms of governance; participation; self-organization
Citation: Edelenbos J.,
Van Dijk M.P. (2023) Urban
Governance in the Realm of
Complexity, Urban Studies and
Practices, vol. 8, no 4, pp. 6-22.
DOI: https://doi.org/10.17323/
usp8420236-22 (in Russian)

References

- Alexander E.R. (2001). The Planner-Prince: Interdependence, Rationalities and Post-Communicative Practice. Planning Theory and Practice, vol. 2, no 3, pp. 311-324.
- Allen J. (2010) Powerful City
  Networks: More than Connections,
  Less than Domination and Control.
  Urban Studies, vol. 47, no 13,
  pp. 2895–2911.

- Amin A., Graham S. (1997). The Ordinary City. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 22, no 4, pp. 411-429.
- Amin A., Thrift N. (1995).
  Globalisation, Institutional
  Thickness and the Local Economy,
  Managing Cities: The New Urban
  Context/P. Healey, S. Cameron, S.
  Davoudi, S. Graham and A.
  Madanipour (eds.). Chichester:
  John Wiley & Sons, pp. 91–108.
- Ansell C., Gash A. (2007).

  Collaborative Governance in Theory
  And Practice. Journal of Public
  Administration Theory and Research,
  vol. 18, no 4, pp. 543-571.

  Available at: http://jpart.oxfordjournals.org/cgi/content/ full/
  mum032v1 (accessed August 17, 2016).
- Bang H.P. (2009). "Yes We Can": Identity Politics and Project Politics for a Late-Modern World. Urban Research and Practice, vol. 2, no 2, pp. 117-137.
- Castells M. (2000). The Rise of the Network Society: Economy, Society and Culture. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Cutter S.L., Barnes L., Berry M.,
  Burton C., Evans E., Tate E.,
  Webb J. (2008). A Place-Based
  Model for Understanding Community
  Resilience to Natural Disasters.
  Global Environmental Change,
  vol. 18, no 4, pp. 598-606.
- Dewi B.R.K., van Ast J. (2016).
  Institutional Arrangements in
  Integrated Flood Management of the
  Ciliwung-Cisadane River Basin for
  Jakarta Metropolitan Area,
  Indonesia. Urban Governance in the
  Realm of Complexity/
  M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
  K. van Rooijen (eds.). Rugby:
  Practical Action Publishing,
  pp. 307-323.
- DiGaetano A., Strom E. (2003).

  Comparative Urban Governance: An
  Integrated Approach. Urban Affairs
  Review, vol. 38, no 3, pp. 356-395.
- Edelenbos J. (2005). Institutional Implications of Interactive Governance: Insights from Dutch Practice. Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions, vol. 18, no 1, pp. 111–134.
- Edelenbos J., van Meerkerk I.

  (2011). Institutional Evolution
  Within Democracy: Local
  Selfgovernance Meets Local
  Government. Interactive Policy
  Making, Metagovernance and
  Democracy/J. Torfing,
  P. Triantafillou (eds.).
  Colchester: European Consortium
  for Political Research (ECPR)
  Press. pp. 169–186.

- Edelenbos J., Teisman G. (2013).

  Water Governance Capacity: The Art
  of Dealing with a Multiplicity of
  Levels, Sectors and Domains.

  International Journal of Water
  Governance. Vol. 1. No. 1-2.
  P. 89-108.
- Estaban T. (2016). Collective
  Engagement: Picking Up After The
  Storm in the Philippines. Urban
  Governance in the Realm of
  Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen
  (eds.). Rugby: Practical Action
  Publishing, pp. 219-245.
- European Innovation Partnership on Smart Cities and Communities (EIP-SSC) (2013) Strategic Implementation Plan. *EIP-SCC*. Available at: http://ec.europa.eu/ eip/smartcities/files/sip_final_en. pdf (accessed August 17, 2016).
- Folke C., Hahn T., Olsson P. and Norberg J. (2005). Adaptive Governance Of Social-Ecological Systems. Annual Review of Environment and Resources, vol. 30, no 15, pp. 441–473.
- Fransen J. (2016). The Impact of
  Urban Economic Governance on
  Innovation in Emerging Economies.
  Urban Governance in the Realm of
  Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen
  (eds.). Rugby: Practical Action
  Publishing, pp. 47-69.
- Grafakos S., Ensenado E.M. (2016).

  Multiple Criteria Analysis in Low
  Carbon Development: A Review of
  Applications in Developing and
  Transitional Economies. Urban
  Governance in the Realm of
  Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen
  (eds.). Rugby: Practical Action
  Publishing, pp. 141–171.
- Governing Cities, New Institutional Forms in Developing Countries and Transitional Economies (2002)/Van Dijk M.P., Noordhoek M., Wegelin, E. (eds.). Rugby: ITDG Publishing.
- Hall P., Hubbard T. (1996). The
   Entrepreneurial City: New Urban
   Politics, New Urban Geographies.
   Progress in Human Geography,
   vol. 20, pp. 153-174.
- Healey P. (1997). Collaborative Planning, Shaping Places in Fragmented Societies. London: Macmillan.
- Irvin R.A., Stansbury J. (2007).
  Citizen Participation in Decision-Making: Is it Worth the Effort?
  Public Administration Review,
  vol. 64, no 1, pp. 55–65.
- Jachnow A., Al Alam D. (2016). In the Absence of Government: How Surrogate Governance and

- Selforganization Shapes the Ancient City of Tripoli, Lebanon. Urban Governance in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 195-219.
- Jessop B. (1998). The Rise Of Governance and the Risks of Failure: The Case of Economic Development. *International Social Science Journal*, vol. 50, no 155, p. 29-45.
- Kearns A., Paddison R. (2000) New Challenges for Urban Governance. Urban Studies,
  - vol. 37, no 5-6, pp. 845-850.
- Kisby B. (2010) The Big Society:
   Power to the People? Political
   Quarterly, vol. 81, no 4, pp. 484491.
- Klijn E.H., Teisman G.R. (2003)
  Institutional and Strategic
  Barriers to Public-Private
  Partnership: An Analysis of Dutch
  Case. Public Money and Management,
  vol. 23, no. 3, pp. 137–146.
- Kooiman J. (2003) Governing as Governance. London: Sage.
- Koppenjan J.F.M., Klijn E.H. (2004) Managing Uncertainties in Networks. London: Routledge.
- Koppenjan J.F.M. (2005) The
  Formation of Publicprivate
  Partnerships: Lessons from Nine
  Transport Infrastructure Projects
  in the Netherlands. Public
  Administration,

vol. 83, no 1, pp. 135-158.

- Kourtit K., Nijkamp P., Arribas D.
  (2012) Smart Cities in
  Perspective: A Comparative
  European Study by Means of SelfOrganizing Maps. Innovation: The
  European Journal of Social Science
  Research, vol. 25, no 2,
  pp. 229-246.
- Kwarteng S.O., van Dijk, M.P., Ocloo K.M. (2016) Role of Actors And Governance Structures Towards Behavioural Change for Sustainable Waste Management. Urban Governance in the Realm of Complexity/M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 119–141.
- Loorbach D. (2010) Transition
  Management for Sustainable
  Development: A Prescriptive,
  Complexity-Based Governance
  Framework. *Governance*, vol. 23,
  no 1, pp. 161-183.
- Lorentzen H., Hustinx L. (2007).
  Civic Involvement and
  Modernization. Journal of Civil
  Society, vol. 3, no 2, pp. 101-118.
  Madanipour A. (1998) Social
  Exclusion and Space. Social

- Exclusion in European Cities: Processes, Experiences and Responses/A. Madanipour, G. Cars and J. Allen (eds.). London: Jessica Kingsley, pp. 75– 94
- Managing Cities. The New Urban Context (1995)/P. Healey, S. Cameron, S. Davoudi, S. Graham, A. Madanipour (eds.). Chichester: John Wiley and Sons.
- M. Van Eerd (2016) "Pushed to the Bush?" Changes in Resettlement Approaches in India and Their Effect on the Urban Poor. Urban Governance in the Realm of Complexity M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 25-47.
- Meijer, M.P. Rodriguez Bolivar
  (2015) Governing the smart city:
  A review of the Literature on
  Smart Urban Governance.
  International Review of
  Administrative Sciences, vol. 82,
  no 2, pp. 392-408.
- Modern Governance: New Government-Society Interactions (1993)/J. Kooiman (ed.). London: Sage.
- Mojanchevska K. (2016) Urban
  Planning and Selforganized
  Citizens' Networks in PostTransitional Societies in SouthEastern Europe: A Case Study ff
  Skopje. Urban Governance in the
  Realm of Complexity/
  M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
  K. van Rooijen (eds.). Rugby:
  Practical Action Publishing,
  pp. 245-261.
- Nederhand J., Bekkers V.J.J.M.,
  Voorberg W.H. (2015) SelfOrganization and the Role of
  Government: How and Why Does SelfOrganization Evolves in the Shadow
  of Hierarchy? Public Management
  Review,
  - vol. 18, pp. 1063-1084.
- Norris F.H., Stevens S.P.,
  Pfefferbaum B., Wyche K.F.,
  Pfefferbaum R.L. (2008) Community
  Resilience as a Metaphor, Theory,
  Set of Capacities, And Strategy
  for Disaster Readiness. American
  Journal of Community Psychology,
  vol. 41, no 1–2, pp. 127–150.
- Ohmae K. (1995) The End of the Nation-State: The Rise of Regional Economies. New York, NY: The Free Press.
- Olivotto V. and Gianoli A. (2016)
  The Urban Governance of Climate
  Change Adaptation: Exploring the
  Public and Private
  Responsibilities for Flood Hazard
  Reduction in Ho Chi Minh City,
  Vietnam. Urban Governance in the
  Realm of Complexity/

- M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 69-95.
- Ostrom E. (1998) The Institutional
  Analysis and Development Approach.
  Designing Institutions for
  Environmental and Resource
  Management/E.T. Loehman,
  D.M. Kilgour (eds.). Cheltenham:
  Edward Elgar, pp. 5–22.
- Public-Private Partnerships: Theory and Practice in International Perspective (2000)/S.P. Osborne (ed.). London: Routledge.
- Pennink C. (2016) Building Trust in Complex Urban Regeneration Partnerships. Urban Governance in the Realm of Complexity/
  M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
  K. van Rooijen (eds.). Rugby:
  Practical Action Publishing,
  pp. 95-109.
- Pierre J., Peters B.G., (2000) Governance, Politics and the State. Basingstoke: Macmillan.
- Puga E., Jachnow A. (2016) Biking as
  Governance: Positioning Urban
  Cycling in Quito. Urban Governance
  in the Realm of Complexity/
  M.P. van Dijk, J. Edelenbos,
  K. van Rooijen (eds.). Rugby:
  Practical Action Publishing,
  pp. 261–285.
- Rotmans J., Kemp R., van Asselt M. (2001) More Evolution Than Revolution: Transition Management in Public Policy. Foresight, vol. 3, no 1, pp. 15–31.
- Savas E.S. (2000) Privatization and Public-Private Partnerships. New York, NY: Seven Bridges Press.
- Scharpf F.W. (1997) Games Real Actors Play: Actorcentered Institutionalism in Policy Research. Boulder, CO: Westview Press.
- Schlager E., Blomquist W. (2000)
  Local Communities, Policy
  Prescriptions, and Watershed
  Management in Arizona, and
  Colorado. Constituting the
  Commons: Crafting Sustainable
  Commons in the New Millennium,
  Conference. Paper, Eighth
  Conference of the International
  Association for the Study of
  Common Property, 31 May-4 June,
  Bloomington, IN. Available at:
  http:// hdl.handle.net/10535/2133
  (accessed August 17, 2016).
- Sharma S., Geerlings H. (2016)
  Transition Towards Sustainable
  Mobility: Opportunities and
  Challenges for Sustainable Benefits
  Assessment in Decision-Making.
  Urban Governance in the Realm of
  Complexity/M.P. van Dijk,
  J. Edelenbos, K. van Rooijen

- (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 285-307.
- Social Exclusion in European Cities. Processes, Experiences, and Responses (2000) / A. Madanipour, G. Cars, J. Allen (eds.). London: Routledge.
- Stoker, G. (2000) Urban Political Science and the Challenge of Urban Governance. Debating Governance: Authority, Steering, and Democracy/J. Pierre (ed.). Oxford: Oxford University Press. Available at: http://eprints.soton.ac.uk/id/eprint/47311 (accessed March 9, 2016).
- Torfing J., Peters B.G., Pierre J., Sörensen E. (2012) Interactive Governance. Advancing the Paradigm. Oxford: Oxford University Press.
- Urban Governance, Institutional Capacity and Social Milieux (2002)/G. Cars, P. Healey, A. Madanipour, C. Magalhaes. London: Routledge.

- Van Dijk M.P. (2006) Managing Cities in Developing Countries, The Theory and Practice of Urban Management. Cheltenham: Edward Elgar.
- Van Dijk M.P. and Liang X. (2016) Governance of Urban Eco Initiatives in Beijing in Times of Climage Change. Urban Governance in the Realm of Complexity/ M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. 323-351.
- Van Meerkerk I.F., Boonstra B., Edelenbos J. (2013) Self-Organization in Urban Regeneration: A Twocase Comparative Research. European Planning Studies, vol. 21, pp. 1630-1652.
- Van Meerkerk I.F., Zwanenberg M., van Eerd M. (2016) Enabling and Constraining Conditions for Boundary Spanning in Community-Led Urban Regeneration: A Conceptual

- Model. Urban Governance in the Realm of Complexity/ M.P. van Dijk, J. Edelenbos, K. van Rooijen (eds.). Rugby: Practical Action Publishing, pp. P. 171-185.
- Williams R. (1983) Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. London: Fontana.

Какие инфраструктуры способствуют регенерации исторических ландшафтов городов?

Снежана Грозовская

Введение

Во всем мире с середины XIX века реализуются проекты регенерации исторических центров городов. В одних городах они более успешны, в других – менее. В основе более успешных проектов лежат принципы сохранения целостной исторической ткани застройки, сохраняется не только архитектурное, но и природное пространство, экономические, социокультурные локальные практики и традиции. Оживление пространства происходит в том числе за счет внутренних ресурсов, в его восстановлении участвуют разные городские акторы, образующие сети и партнерства.

Успешные проекты характеризуются определенными политическими, экономическими, управленческими и социальными условиями. В этом обзоре на примере кейсов городов из разных стран мы посмотрим, какие инфраструктуры (институты, политики, системы управления) способствуют сохранению, регенерации исторических ландшафтов, и составим их типологию.

В первой части статьи рассматриваются инфраструктуры участия: политическая культура, наличие градозащитных движений и сообществ, защищающих историческую среду, локальная культура. Во второй части мы посмотрим на условия, необходимые для реализации

Грозовская Снежана Владимировна, независимый исследователь, архитектор. E-mail: snezhana.lashchenko@gmail.com

Регенерация исторических ландшафтов городов с сохранением целостной морфологии и практик жителей реализуется с помощью механизмов управления, планирования, государственно-частного партнерства, соучастия, финансовоэкономических инструментов и культурной регенерации. Но для работы таких механизмов необходимы определенные политические, экономические, управленческие и социальные условия. В этом обзоре на примере кейсов городов из разных стран показывается, как различные инфраструктуры (институты, политики, системы управления) способствуют восстановлению городов. Для регенерации необходимы инфраструктуры участия: политическая культура (она позволяет городским акторам договариваться и осуществлять партисипаторные практики), наличие градозашитных движений и городских сообществ, для которых ценна историческая среда и важна ее защита (они помогают более эффективно проводить восстановление и контролируют его). Также важна локальная культура - наличие местной идентичности, преемственности и связи с местом способствует готовности резидентов участвовать в регенерации.

Необходимыми условиями реализации правовых и финансово-экономических механизмов является институт частной собственности (он позволяет поддерживать дома и территории в надлежащем состоянии и мотивирует к этому пользователей), политическая и административная автономия городских властей (дает им полномочия самостоятельно проводить политики регенерации и создавать для этого инструменты). Бюджетная автономия позволяет городу самостоятельно перераспределять деньги на регенерацию, а проектная культура - разрабатывать локальные правовые механизмы регенерации с учетом внутренних ресурсов ландшафта и восстанавливать его комплексно.

Ключевые слова: инфраструктуры регенерации; механизмы регенерации; исторический городской ландшафт; исторический центр; институты; наследие

Цитирование: Грозовская С.В. (2023) Какие инфраструктуры способствуют регенерации исторических ландшафтов городов?//Городские исследования и практики. Т. 8. № 4. С. 23–35. DOI: https://doi.org/10.17323/usp84202323-35

^{1.} Выражаю огромную благодарность Борису Грозовскому* за ценную помощь в формировании структуры текста и Александру Вилейкису за приглашение посмотреть на предмет исследования с нового ракурса.

^{*} Признан иноагентом

правовых и финансово-экономических механизмов регенерации. К ним относится институт частной собственности, бюджетная автономия, политическая и административная автономия, наличие проектной культуры. В последней части обзора мы обсудим выводы анализа.

І. Инфраструктуры участия

Многие механизмы восстановления городов работают только при условии наличия инфраструктур участия. К ним относятся политическая культура (она позволяет городским акторам договариваться и осуществлять партисипаторные практики), наличие градозащитных движений и городских сообществ, для которых очень ценна историческая среда и ее защита (помогают более эффективно проводить восстановление и контролируют его). Локальная культура – наличие местной идентичности, локальных практик и связи с местом - способствует готовности резидентов поддерживать территорию и участвовать в ее регенерации.

1) Политическая культура участия позволяет городским группам (бизнес, власти, жители, эксперты) прислушиваться к мнению друг друга и осуществлять совместные проекты. Это делает возможным партисипаторные практики с вовлечением городских акторов в разработку и реализацию проектов регенерации, привлечение дополнительных человеческих и финансовых ресурсов.

К политической культуре относятся системы убеждений, политические институты и модели политического взаимодействия [Verba, 1969]. Для нее важен социальный капитал и социальное доверие - они способствуют готовности сотрудничать с другими, повышают уровень политической активности, гражданской вовлеченности в городские политики и практики [Putnam, 1993; W. Van Deth, 2007; Алмонд, Верба, 2014]. На активное участие граждан в политической жизни влияет способность к социальному взаимодействию, гражданское кооперирование, ощущение гражданской компетентности и уверенность в способности влиять на власть [Алмонд, Верба, 2014].

На политическую культуру влияют базовые политические ценности граждан, которые во многом формируются через общение в семье, школе, со сверстниками [Verba, 1969]. Важно и наличие чувства четкой, определенной национальной идентичности. При ее отсутствии человек

скорее будет участвовать в действиях, направленных на создание идентичности (включая националистические проявления), нежели совместно улучшать городскую среду.

Политическая культура участия помогла архитектору Роду Хакни спасти от сноса и реконструировать исторический квартал в Макклсфилде (Великобритания). В 1971 году он купил дом на Блэк-роуд и узнал, что квартал хотят сносить, — в 1959–1970-х годах власти Великобритании реализовывали масштабный проект расчистки трущоб. Архитектор составил планы реконструкции для каждого дома и организовал соседей, чтобы они своими силами восстанавливали дома и занимались перепланировкой дворов [Глазычев, 2017].

Хакни был членом сообщества квартала и обучал жителей улучшать среду обитания. Проект Black Road поддержали представители власти (местный совет, фонды реконструкции), а также банки, микрофинансисты, благотворительные фонды, строительные кооперативы [Abi Nader, 2015] (здесь и далее кейс Макклсфилда описывается по этому источнику). Проект начинался как низовая инициатива, но благодаря поддержке властей распространился на другие кварталы.

Политическая культура сыграла важную роль еще в одном проекте регенерации исторических кварталов - «Культурный коридор» в Рио-де-Жанейро. Он реализовывался в 1979-1980-е годы, когда в стране пал военный режим, появилась политическая свобода, возникла демократия и социальные движения (в том числе соседские организации). Городское управление демократизировалось: государство подключило к принятию решений лидеров местных сообществ. Они участвовали в городских советах и обсуждениях плана развития города, контролировали и мониторили изменение зонирования, соблюдение интересов сообществ, отстаивали их приоритетность [Del Rio, 1997].

Проект осуществлялся совместно районными муниципалитетами, городской мэрией, представителями малого бизнеса (ассоциацией торговцев Старого центра), общественными организациями, университетами, художниками и интеллектуалами [Pinheiro, Del Rio, 1993]. Они совместно обсуждали идеи, предложения и решения по восстановлению центра. Эксперты долго вели переговоры с владельцами зданий: их было трудно убедить в том, что инвестиции в реставрацию окупятся через налоговые вычеты, повышение стоимости

недвижимости и увеличение доходов от бизнеса.

Частные и полугосударственные инвесторы стали переоборудовать исторические здания для культурного и коммерческого использования, открывать новый бизнес (рестораны, бары и т. д.) [Pinheiro, Del Rio, 1993]. Эксперты много общались с собственниками, изучали повседневные ритуалы обитателей, записывали истории домов.

Политика участия имеет место и в древнем городе Амаравати (Индия) [Gala, 2019] (здесь и далее). Там эксперты с 2015 года создают партнерства местных и федеральных властей, природоохранных учреждений, бизнеса и общественного сектора, подключают к проектам и мероприятиям местные сообщества, в том числе из близлежащих деревень (женщины и молодые люди из бедных слоев). В городе Тимбукту (Мали) в восстановлении разрушенных после войны мавзолеев участвовали местные каменщики и ремесленники.

Успешность восстановления исторических городских ландшафтов зависит от кооперации, совместных усилий, обмена идеями, поиска компромиссов, согласованности действий, поддержки друг друга и сочетания опыта различных городских акторов. Важно взаимодействие разных уровней власти, учет интересов максимального количества групп, пользующихся территорией. Необходимо включение в процесс планирования и реализацию проектов сообществ, интересы которых слабо представлены в политическом пространстве, важен их приоритет.

2) Для восстановления исторического ландшафта важно наличие сообществ, которые обеспокоены ухудшением его качества и для которых защита исторической среды стоит в приоритете. Это помогает сформулировать цели проектов реконструкции и осуществлять общественный контроль за их реализацией.

Важным условием для соучастия в восстановлении исторических центров жителей и бизнеса является локальная культура. Она присутствует в тех исторических кварталах, в которых сохраняются местные сообщества, преемственность морфологии пространства, практик и образа жизни. В таких кварталах жители и местный бизнес являются носителями локальных практик и сложившихся социальных связей. Жители, которые взаимодействуют с наследием ежедневно, ценят его иначе, чем профессионалы и посетители, — они связа-

ны с ним через персональное отношение, истории и ассоциации [Clark, Wise, 2018]. Это формирует их идентичность. Обитатели понимают ценность исторической среды и необходимость ее сохранения, что создает условия для совместного поддержания территории и защиты от разрушения.

Группы, готовые участвовать в сохранении исторических ландшафтов, формируются благодаря высокому уровню социального капитала [Lowndes, Pratchett, 2007; Putnam, 1993; Putnam, 2000]. Социальный капитал необходим для объединения активистов, экспертов, волонтеров с целью защиты исторической среды и контроля над реализацией проектов. Он помогает консолидировать усилия, вовлекать людей в градозащиту, в работу над проектами. Социальный капитал важен для сообществ, совместно использующих одну территорию [Manzo, Perkins, 2006]. Он помогает сохранять и создавать ценности и ресурсы физического пространства.

Социальный капитал выражается через формальные и неформальные соседские связи, индивидуальные мотивации и поведение. Он помогает сплотиться для решения проблем, ведь действия соседей сосредоточены на одних и тех же ресурсах, даже если у них различаются ценности, связанные с местом [Perkins, Brown, Taylor, 1996]. На гражданское и политическое участие положительно влияют прокси социального капитала: членство в соседских ассоциациях, местные социальные сети [Lelieveldt, 2007].

Для совместного управления многоквартирными домами важно наличие у жителей культурных ценностей и убеждений, располагающих к повседневному взаимодействию [Литвинцев, 2021]. Чтобы жители объединялись в группы для решения локальных проблем и несли ответственность за место своего обитания, важна их эмоциональная связь с физическим пространством [Manzo, Perkins, 2006]. Необходимо чувство сообщества района/квартала (sense of community), чувство принадлежности к нему, общности с соседями, доверие к ним. Тогда жители чаще состоят в соседских или культурных ассоциациях, склонны подчеркивать локальную идентичность и выделять общие черты сообщества [Mannariri, Fedi, 2009]. Чувство сообщества имеет положительную связь с социальной и гражданской активностью, политическим участием [Mannariri, Fedi, 2009].

Большое значение имеет привязанность сообщества к своему району/кварталу (community place attachment) [Brown, Perkins, 1992; Scannell, Gifford, 2010]. Чем крепче у людей связь с местом, тем проще им будет мобилизоваться для решения связанных с ним проблем [Mihaylov, Perkins, 2014]. У жителей возникает мотивация общаться с соседями, делиться опасениями и идеями. Это позволяет не уезжать, а оставаться, предпринимать организованные и неформальные усилия по защите и улучшению места обитания [Manzo, Perkins, 2006].

Кооперации людей, их участию в социальных и политических действиях, в сохранении локальной культуры способствует связь идентичности человека с конкретным местом, восприятие места как продолжения себя – это формирует и идентичность самого места (place identity) [Droseltis, Vignoles, 2010]. Она основана на символической зависимости жителей от него и образует привязанность к месту [Williams, Roggenbuck, 1989], укорененность [Cross, 2001]. Это части более широкого концепта «чувства места» (sense of place) [Jorgensen, Stedman, 2001]. Идентичность места и идентичность сообщества (community identity) – самоощущения, основанные на информации о месте и социальных взаимодействиях с соседями [Clarke, Gilmour, Garner, 2007]. Благодаря идентичности места вокруг конкретной территории объединяются ее жители и люди из других районов.

Кейсы Рио-де-Жанейро и Макклсфилда показывают, что большую роль в проектах восстановления играет желание жителей остаться в домах, готовность вкладывать свои силы и деньги в их реконструкцию [Instituto, 1989]. В Макклсфилде жители сами убедили архитектора, живущего в их квартале, возглавить план сопротивления сносу и смогли самоорганизоваться в группы самопомощи, вместе спланировать, спроектировать и выполнить строительные работы. Так они доказали властям, что дома подлежат восстановлению. В Рио-де-Жанейро жителей соединяли родственные и дружеские связи, семейные истории: это было частью их культурной идентичности. Некоторые имели небольшой бизнес прямо в своем доме или вблизи него и были заинтересованы в постоянном проживании там [Pereira, 2010]. Местный малый бизнес также поддержал проект, чтобы не быть вытесненным крупными компаниями, для этого они самоорганизовались в ассоциации [Pinheiro, Del Rio, 1993]. В Амаравати семьи, живущие в старых домах на протяжении нескольких

поколений, сохраняют неизменными культурные традиции. Они выражаются через экономическую активность (ремёсла) и образ жизни.

В Рио-де-Жанейро конце 1970-х годов возникали социальные движения — общественные группы и соседские ассоциации, — которые выступали против ухудшения качества городской жизни, транспорта, жилья, увеличения стоимости жизни. Они требовали сохранения исторических и природных ландшафтов, изменения зонирования и использования свободных общественных территорий для парков, спортивных площадок и школ. Арендаторы и ассоциации торговцев (в центре быломного малого бизнеса) были заинтересованы в сохранении, а не сносе исторических домов.

Некоторые архитекторы и представители власти считали, что в исторических кварталах нельзя разрешать новое строительство, так как это приведет к джентрификации. Из-за этого разработчики проекта не могли изменить параметры старого зонирования районов [Pinheiro, Del Rio, 1993]. В Барселоне в 1979 году в результате социального и политического давления со стороны движения за соседство городской совет привлек местные ассоциации к разработке городской политики, включив их лидеров в правящую коалицию [Degen, Garcia, 2012].

Благодаря сильному градозащитному движению Петербург имеет жесткие охранные законы, регламенты и сохраняет историческую соразмерность зданий [Гладарев, 2011]. В Коломне благодаря низовым предпринимательским инициативам возникла сеть социальных предпринимателей, которая создает творческие проекты, связанные с историей города и его наследием, восстанавливает здания и благоустраивает улицы. Благодаря этому в городе сильно вырос туристический поток, а бизнес создал множество рабочих мест. Городские и региональные власти тоже постепенно подключились к финансированию благоустройства [Pereira Roders, 2019].

В Амаравати местные общественные группы скооперировались и создали гражданское объединение, которое стало движущей силой сохранения и восстановления наследия. В городах, где голос градозащитников не слышен, проекты в исторических центрах зачастую не нацелены на защиту общественных интересов, а преследуют интересы отдельных групп. Например, проект исторического поселения

Самары ориентирован скорее на девелопмент, а не на сохранение исторического ландшафта, социальных практик и интересов жителей [Лащенко, Грозовский, 2019].

Мы видим, что соседские, градозащитные и предпринимательские движения способны существенно влиять на политики в отношении городского пространства. Но чтобы такие сообщества возникали, необходим достаточный уровень социального капитала и сильная эмоциональная связь с городским пространством. Привязанность к месту обитания, чувство идентичности с ним, чувство сообщества и наличие локальных практик способствуют готовности жителей тратить свои ресурсы на поддержание этого места и участвовать в практиках регенерации.

II. Условия реализации правовых и финансово-экономических механизмов регенерации

Регенерация исторических ландшафтов невозможна без правовых и финансовоэкономических механизмов (программы софинансирования, льготы, субсидии, налоги, кредиты и т.д.). Такие механизмы позволяют привлекать частные средства для восстановления зданий и благоустройства, обеспечивают правовую основу сохранения и участия в нем жителей, арендаторов исторических домов и других городских сообществ. Они мотивируют малый бизнес развиваться в исторической среде и финансировать реконструкцию.

К инфраструктурам, необходимым для реализации этих механизмов, относится институт частной собственности — он позволяет собственникам и арендаторам поддерживать дома и территории в надлежащем состоянии и способствует мотивации к этому. Также необходима политическая и административная автономия городских властей. Она дает властям полномочия создавать на местном уровне правовые и экономические условия для политик и долгосрочных проектов регенерации.

Бюджетная автономия позволяет городу быть менее финансово зависимым от высших уровней власти и самостоятельно перераспределять деньги на регенерацию, создавать местные финансовые механизмы. Также необходима проектная культура, позволяющая проводить комплексную регенерацию, разрабатывать локальные правовые механизмы, учитывающие внутренние ресурсы ландшафта, понимать особенности территории и бе-

режно взаимодействовать с ними, учитывать интересы всех городских групп.

1) Экономические механизмы регенерации крайне сложно запустить, когда в стране не функционирует институт частной собственности. Если многоквартирным домом и землей, на которой он расположен, управляет единый владелец, он собирает с проживающих в доме жителей плату за ремонт, может привлекать кредиты на восстановление здания, несет ответственность за поддержание его в надлежащем состоянии [Gruis, Tsenkova, Nieboer, 2009].

Когда же собственников у единого объекта много, как в России, им сложно договориться об управлении инфраструктурой общего пользования. Они обладают лишь частичными правами: собственность на здание в целом и землю государственная/муниципальная, а ответственность за поддержание дома – неопределенная. Дарованные государством, а не отвоеванные в ходе торга или конфликта права собственности являются номинальными (власть может лишить собственника прав или изменить их набор) [Трудолюбов, 2015]. Такие права не защищаются государством и социальными нормами, только усилиями самого собственника [Тамбовцев, 2015].

Вместо капиталистической собственности (когда на рынке обмениваются реальные права) действуют формально похожие юридические формы [Кузнецов, 2017]. В результате общая инфраструктура таких домов не принадлежит никому, постепенно ветшает, а жители ждут, что ремонт сделает государство. Они не собирают в достаточном количестве взносы на капремонт и не контролируют его проведение. Собственники разрознены, не понимают свои права и обязанности, не воспринимают общее имущество как объект права, не участвуют в общих собраниях, во многих домах не избран совет [Литвинцев, 2021]. Многие жители исторических домов в России не планируют жить в них долго, а ждут обещанного властями переселения.

В итоге государство приходит как «спаситель», когда в старом доме уже невозможно жить, и расселяет жильцов. Либо назначает крепкие дома «ветхими», на месте которых можно построить дорогие объекты недвижимости. Институт собственности в России не позволяет собственникам уберечься от сноса и переселения в другие районы из ветхого фонда.

Наоборот, в Макклсфилде архитектор, чтобы спасти от сноса дома в своем квар-

тале, организовал массовую скупку жителями жилья, арендованного у домовладельцев, и жители стали собственниками. Был составлен договор, который подписал каждый житель и местные власти. Когда подобные проекты регенерации стали применяться по всей Великобритании, премьер-министр Маргарет Тэтчер в 1979-1990 годах продала арендаторам миллион единиц жилья, что способствовало развитию community architecture. В Рио-де-Жанейро здания, находящиеся в государственной собственности, продавались частным владельцам для создания коммерческих и развлекательных функций [Pinheiro, Del Rio, 1993].

Жители станут с большей вероятностью вкладывать силы, финансовые и временные ресурсы в восстановление своих домов, если будут обладать реальными правами собственности, а владельцами зданий и земли будут конкретные люди, а не государство. Необходимы четкие, прозрачные правила по содержанию общего имущества и контроль за их выполнением. Важно понимание жителями, что их вложения окупятся (повысится стоимость квартиры, ее можно будет передать по наследству), а не будут напрасны (дом все равно снесут).

2) Следующим условием, важным для реализации финансовых и правовых механизмов, является наличие политической и административной автономии городских властей (местной автономии). Это способность местных властей влиять на благосостояние жителей независимо от высших уровней власти [Wolman, Goldsmith, 1990]. Местные власти должны обладать полномочиями создавать на уровне города правовые условия (законы, программы, нормативные акты, регламенты, механизмы планирования и партиципации), самостоятельно распоряжаться финансами, проводить собственные политики восстановления, реализовывать долгосрочные проекты.

Централизация управления мешает развитию городов [Смирнягин, 2007]. Чтобы достичь баланса интересов разных городских групп, необходима управленческая автономия городов, основанная на горизонтальных отношениях между различными группами, на сети государственных и негосударственных организаций [Городничев, Кулакова, Моисеева, 2021]. Важно, чтобы у городов были полномочия по пространственному развитию и городскому планированию. Локальную автономию могут затруднять доминирующие

группы, преследующие свои коммерческие или политические интересы, местная экономика, социальные условия [Wolman, Goldsmith, 1990].

Проект Black Road в Макклсфилде был успешно реализован именно благодаря поддержке городских властей. Местные власти подбирали сотрудников, которые будут работать с жителями, оказывали помощь в юридических вопросах. Спасти кварталы от бульдозеров удалось благодаря закону о жилье 1969 года, который разрешал снос только после разработки и тестирования альтернативной схемы реновации. Похожие проекты стали реализовываться и на других территориях, а затем по всей стране. После этого правительство приняло новый закон 1974 года, который перенаправлял средства, предназначенные для сноса, на восстановление старых домов, чтобы жители сами контролировали регенерацию своего района.

Местная автономия способствовала и регенерации исторического центра Риоде-Жанейро. В середине 1980-х годов Бразилия стала демократизироваться, а конституция 1988 года, на которую повлияли общественные движения, наделила муниципалитеты полномочиями контроля городского развития. Она гарантировала превалирование общественных интересов над частными. Например, правила и регламенты ограничивали индивидуальные права на строительство и использование земли. В главных городах появились агентства по планированию (проектно-технические офисы).

В 1979 году в Рио-де-Жанейро небольшое количество чиновников и архитекторов из департамента планирования предложили проект «Культурный коридор» с новыми идеями и методами развития исторического центра. Сначала он реализовывался на исполнительном уровне (вводилось зонирование, строительные ограничения и гайдлайны), потом на законодательном, а в 1984 году был утвержден городским советом [Del Rio, 1997]. Любые градостроительные и архитектурные изменения нужно было согласовывать на исполнительном и законодательном уровнях [Pereira, 2010].

Проект регенерации в Рио-де-Жанейро разрабатывался Институтом муниципального планирования и Институтом искусства и культуры и был поддержан мэром (хотя изначально власти не собирались это делать). На протяжении реализации проекта менялись мэры, но авторам удалось сохранить преемственность и развитие про-

екта [Brügger Cardoso, 2005], его субсидирование городскими властями. В него были включены различные программы. Были пересмотрены инструменты регенерации исторических кварталов, приняты законы, которые создали юридические условия для сохранения исторического центра, включая зонирование (с размерами участков и ограничением высоты). Также были приняты законы, которые предотвращали снос зданий, стимулировали реализацию культурных программ. Внесены поправки в землепользование, установлены границы зон охраны исторического центра, разработаны регламенты для рекламы.

Чтобы устранить разрыв между обществом и властями, был создан проектный офис, прикрепленный к муниципальному отделу культуры (в основном в него входили архитекторы). Они анализировали и утверждали каждый проект и план строительства, следили за строительными площадками, помогая с решениями владельцам и другим архитекторам, взаимодействовали с разными департаментами [Pinheiro, Del Rio, 1993]. Кроме того, власти создали организацию, в которую вошли известные художники и интеллектуалы города [Brügger Cardoso, 2005].

В малом городе Амбалема (Колумбия) благодаря местной автономии Министерство культуры (местный отдел по наследию) инициировал создание комплексного плана управления центром и его защиты [Pereira Roders, 2019]. В Алеппо (Сирия) комплексный стратегический план восстановления после военных разрушений местные власти разрабатывали вместе с международными организациями. В городе Мухаррак (Бахрейн) государство и арендаторы совместно восстанавливали отданные под снос старые дома. В Санкт-Петербурге принят местный закон, запрещающий сносить все здания, построенные до 1917 года.

Для успешной регенерации исторических ландшафтов важна ее поддержка на разных уровнях власти. Но чтобы город имел возможность привлекать к восстановлению местный бизнес, организации и сообщества, создавать механизмы регенерации, влиять на игроков, преследующих свои интересы в ущерб общественным, ему необходима политическая и административная автономия. Без нее городские власти будут вынуждены выполнять указания вышестоящих чиновников, которые не погружены в специфику проблем города и не заинтересованы в их решении,

а исторический центр тем временем будет разрушаться.

3) Для реализации правовых и финансовых механизмов регенерации также необходима бюджетная автономия городов. Она является производной от местной автономии [Городничев, Кулакова, Моисеева, 2021]. Бюджетная автономия позволяет городам самостоятельно формировать значимую по объему доходную часть городского бюджета и определять направления расходов, перераспределять финансовые ресурсы. В этом случае города обладают достаточным количеством средств (финансовой устойчивостью) для эффективного проведения политик, которые считают необходимыми городские акторы и которые соответствуют интересам города (включая политику ревитализации) [Lukas, 2019].

Централизация государственного управления и передача многих полномочий на региональный уровень снижают бюджетную автономию городов и ухудшают их экономическое положение [Городничев, Кулакова, Моисеева, 2021]. Если бюджетная система сверхцентрализована (налоги концентрируются в федеральном и региональном бюджетах), то у городов нет ресурсов для поддержки программ реконструкции, создания финансовых механизмов регенерации, нет стимулов развивать местный бизнес.

В Макклсфилде благодаря совместной поддержке городского и федерального бюджетов владельцы каждого дома, участвовавшего в проекте Black Road, получали грант, покрывающий 75% стоимости восстановления. Также власти компенсировали расходы сверх установленной суммы, если такие были. Восстановление необходимо было завершить до определенного времени, иначе сумма гранта уменьшалась до 50% стоимости работ. Жители получали кредиты от банков на покупку строительных материалов и строительные работы.

Налоговые реформы в Рио-де-Жанейро позволили перенаправлять значимые налоги обратно в муниципалитеты [Del Rio, 1997]. Это способствовало освобождению владельцев старых домов от налогов на недвижимость и строительных сборов. Жители получали кредиты на реставрацию, а малообеспеченные семьи — дополнительные кредиты. От налога были освобождены компании, проводившие реставрацию, а бизнес в историческом центре не платил большую часть налога на прибыль [Pinheiro, Del Rio, 1993].

Городской бюджет Коломны самостоятельно обеспечивает себя на 56,6% (при

среднем показателе по России – 36,6%). Город более экономически независим от региональных и федеральных бюджетов, чем многие другие города [Высшая школа урбанистики НИУ ВШЭ, 2018]. Это способствует заинтересованности местных властей в работе с малым бизнесом, в реализации проектов восстановления исторического центра, налоги от доходов которых пополняют городской бюджет.

В городе Роли (Северная Каролина, США) жители, которые долго живут в исторических районах, тоже были освобождены от налога на собственность, а власти поддерживали грантами местные организации [Pereira Roders, 2019]. В Сент-Луисе (Сенегал) семьям, живущим в старых районах, выдавались микрокредиты. В Амаравати стало возможным реинвестировать средства, полученные при реализации проектов в историческом центре, в инфраструктуру и сервис для местных жителей. Местные власти поддержали возрождение в деревнях вблизи Амаравати навыков традиционных ремесел, оказавшихся под угрозой исчезновения.

Часто для реализации финансовых механизмов регенерации необходимо государственно-частное партнерство. Участие в нем финансово самостоятельных городов более продуктивно, чем участие «городов-призраков». Оно позволяет бизнесу в партнерстве с государственными и негосударственными организациями создавать программы и инструменты, поддерживающие восстановление исторических центров.

4) Проектная культура – это умение экспертов и властей проводить предпроектные исследования территории (изучать морфологию пространства, местные практики, сообщества и ресурсы), выстраивать на основе этого долгосрочные политики сохранения, создавать планы, программы, механизмы (правовые и финансово-экономические), проекты регенерации. Это умение учитывать интересы всех городских групп, вовлекать в разработку проектов разных акторов, проводить качественную реставрацию. Если проектная культура отсутствует, власти и эксперты не проводят глубокие предпроектные исследования, не применяют механизмы соучастия. В итоге проекты и планы регенерации не учитывают особенности и ресурсы территории, мнение и интересы разных городских групп, а восстановление отдельных зданий имеет низкое качество. Такие проекты менее эффективны и могут привести к утрате наследия.

Для успешной регенерации городов необходимо стратегическое видение и планирование, долгосрочный подход к регенерации, а не реализация обособленных проектов [Carter, 2002]. Важно, чтобы стратегии и проекты были ориентированы на местный уровень и на партнерство друг с другом различных ведомств. Успех регенерации зависит от вовлеченности в нее местных сообществ и сочетания их знаний со знаниями экспертов (что вместе образует place-based knowledge) [Maclean, 2015].

Локальные сообщества понимают многое о физическом пространстве, истории места, практиках и ценностях обитателей. Эксперту не нужно приходить в сообщество со своим знанием, нужно вовлечь в дискуссии жителей, прислушиваться к ним, тогда они найдут решение в ходе обсуждений. Чтобы проект был успешным, он должен соответствовать местным условиям, быть актуальным и уместным. Чтобы не утратить при регенерации исторические слои пространства, а сделать их видимыми, важно исследовать историю места и ландшафта, объекты, которые там расположены [Bond, Worthing, 2016]. Heобходимо выявить ценности, которыми обладает территория, и на их основе разрабатывать стратегии и процессы сохранения.

Как можно это сделать, видно на примере Рио-де-Жанейро, где эксперты на протяжении четырех лет исследовали исторические районы и кварталы. Они детально фиксировали их особенности, историю, общались со многими жителями. После этого они разработали подробное и доступное каждому руководство для собственников домов, арендаторов и представителей госучреждений. В нем описаны юридические и архитектурные правила и схемы работы с исторической средой (реставрация старых зданий, строительство новых, дизайн общественных пространств), способы решения возникающих проблем, цели проекта. Руководство не просто контролировало эстетическое восстановление, но укрепляло традиции, идентичность [Instituto, 1989].

Авторы проекта активно привлекали местные культурные ресурсы. Имидж районов был оживлен через благоустройство и создание общественных пространств, возможность строительства на свободных участках, культурные программы и мероприятия (уличный театр, концерты, художественные выставки), создание частных инициатив (школы танцев, клубы,

пространства для искусства, творческие центры). Вклад художников и интеллектуалов придал проекту поэтическое и театральное измерение. Проект сохранял и расширял традиционные виды малого бизнеса: небольшие ремонтные мастерские и магазинчики. Он раскрывал символическую и культурную роль городского прошлого [Pinheiro, Del Rio, 1993].

В Амаравати власти реализовали проект, продвигающий связь гендерной политики в отношении женщин и девочек с идеей сохранения наследия, создали Центр и музей наследия, картировали материальные и нематериальные ценности. Эксперты нашли 29 мест со старыми деревьями, где раньше собирались старейшины для обсуждений и разбора конфликтов, принятия решений. Некоторые места снова стали использоваться для встреч общин – это помогло развитию демократии участия. В Сент-Луисе (Сенегал) и в городе Амбалема разрабатывался мастер-план для всего исторического центра. В городе Дженне (Мали, Западная Африка) эксперты сделали карту экономического ландшафта города для измерения рыночной цены использования наследия [Pereira Roders, 2019]. Они оценивали стоимость аренды, восстановления и доходов от бизнеса. При реконструкции домов в Макклсфилде был сохранен каждый здоровый деревянный брус и крепкий кирпич.

Без проектной культуры невозможно качественное восстановление исторических ландшафтов, но она должна быть поддержана законами и программами, иначе восстановление будет сильно затруднено. Кроме того, на проектную культуру влияет отношение жителей города и властей к наследию. Там, где его не ценят, проектная культура, скорее всего, будет развита слабо.

Выводы

Итак, для внедрения и работы механизмов регенерации нужны взаимодополняемые инфраструктуры участия, политическая культура, градозащитные движения и сообщества, защищающие исторические ландшафты от разрушения, локальная культура. Они позволяют осуществлять регенерацию «снизу вверх» с участием жителей, экспертов из разных областей, представителей разных уровней власти, бизнеса, местных организаций и сообществ. Потенциал регенерации должен формироваться на низовом уровне, но такое планирование едва ли возможно, если власть сосре-

доточена в руках одной политической партии (в этом случае немного помогает международное сотрудничество) [Pal, 2008].

Инфраструктуры, необходимые для запуска правовых и финансово-экономических механизмов регенерации, такие как институт частной собственности, политическая, административная и бюджетная автономия, проектная культура, дают возможность создавать правила и механизмы, учитывающие особенности конкретного города/района. Они позволяют конструировать собственные процессы восстановления и взаимодействия городских акторов, а не применять разработанные сверху, общие для всех и зачастую неэффективные методы. Это дает возможность городам обмениваться опытом, совершенствовать свои методы и быстрее находить решения, а не следовать по единственной и малоэффективной траектории.

Рассмотренные кейсы показывают, что удачные практики восстановления запускают дальнейшие процессы регенерации города. Так, восстановление архитектором и жителями Макклсфилда исторического квартала было воспринято правительством как пилотный проект. После этого власти стали реализовывать подобные проекты в соседнем квартале и в других частях города, а затем во всей Великобритании. Предпринимательская инициатива по созданию Музея пастилы в Коломне повлекла за собой другие бизнес-проекты и появление сети креативных предпринимателей, которые стали восстанавливать город. В будущих обзорах можно более подробно рассмотреть каждую из упомянутых инфраструктур, проанализировать, что способствует и препятствует ее формированию, как каждая из инфраструктур влияет на регенерацию или ее отсутствие.

Источники

Алмонд Г., Верба С. (2014) Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. С. 500.

Высшая школа урбанистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШУ ВШЭ) (2018) Стратегия пространственного развития г. Коломна. Режим доступа: https://urban.hse.ru/data/2018/10/22/1142321371/242-template_YourKlmn_template.pdf.

Гладарев Б. (2011) «Петербургское наследие» и его «наследники»: история культурного сопротивления//От общественного к публичному/научн. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство ЕУСПб. С. 530.

- Глазычев В.Л. (2017) Урбанистика. 2-е издание. М.: Издательство «Европа». С. 228.
- Городничев А.В., Кулакова Т.В., Моисеева М.А. (2021) Динамика бюджетной автономии российских городов в условиях перехода к многоуровневому управлению//Финансовый журнал. Т. 13. № 1. С. 39–57. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-39-57.
- Кузнецов Ю. (2017) Капитализм, которого не было//InLiberty. Режим доступа: https://old.inliberty.ru/blog/2565-Kapitalizm-kotorogo-ne-bylo (дата обращения 18.02.2022).
- Лащенко С.В., Грозовский Б.В. (2019) Поможет ли «историческое поселение» сохранить старый центр Camapы//Innovative project. Т. 4. № 10. С. 28-46. DOI: https://doi.org/10.17673/IP.2019.4.10.3.
- Литвинцев Д.Б. (2021) 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников?//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 186-212. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273.
- Смирнягин Л.В. (2007) Трудное будущее российских городов//Pro et Contra. № 1. С. 56-71.
- Тамбовцев В.Л. (2015) Права, формы и режимы собственности//Экономическая наука современной России. № 1. С. 7–18.
- Трудолюбов М. (2015) Люди за забором: Частное пространство, власть и собственность в России. М.: Новое издательство. С. 246.
- Abi Nader T. (2015) The Father of the Community Architecture Barefoot Project//Submission to the United Nations Building and Social Housing Foundation.
- Bond S., Worthing D. (2016) Managing Built Heritage. The Role of Cultural Values and Significance. Oxford: Wiley Blackwell. P. 270.
- Brown B.B., Perkins D.D. (1992) Disruptions in Place Attachment//Place attachment/
  I. Altman, S.M. Low (eds.). New York: Plenum. P. 287-304.
- Brügger Cardoso R.J. (2005) O Corredor Cultural Como Espaço Propulsor da Revitalização do Centro da Cidade do Rio de Janeiro No Período da Redemocratização//Confl uências-Revista Interdisciplinar de Sociologiae Direito-Ppgsd-Uff. P. 48-60.
- Carter A. (2002) Strategy and Partnership in Urban Regeneration//Urban Regeneration. A Handbook/P. Roberts, H. Sykes (eds.). London: SAGE Publications. P. 37–58.
- Clark J., Wise N. (2018) Introduction//Urban
  Renewal, Community and Participation.
  Theory, Policy and Practice/J. Clark,
  N. Wise (eds.). Cham: Springer P. 9-15.
- Clarke S., Gilmour R., Garner S. (2007) Home, Identity and Community Cohesion//Identity, Ethnic Diversity and Community Cohesion/ M. Wetherell, M. Laflèche, R. Berkeley (eds.). London: SAGE Publications. P. 87– 101.
- Cross J.E. (2001) What is Sense of Place?//Prepared for the 12th Headwaters Conference, Western State College, November 2-4.

- Degen M., Garcia M. (2012) The Transformation of the 'BarcelonaModel': An Analysis of Culture, Urban Regeneration and Governance//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 36. No. 5. P. 1-17.
- Del Rio V. (1997) Restructuring Inner-City
  Areas in Rio De Janeiro: Urban Design for a
  Pluralistic Downtown//Journal of
  Architectural and Planning Research.
  Vol. 14. No. 1. P. 20-34.
- Droseltis O., Vignoles V.L. (2010) Towards an Integrative Model of Place Identification:
  Dimensionality and Predictors of Intrapersonal-level Place
  Preferences//Journal of Environmental
  Psychology. Vol. 30. No. 1. P. 23–34.
- Gala A. (2019) Amaravathi Heritage Town—
  Reflections on the Historic Cultural
  Landscape Approachhe//Reshaping Urban
  Conservation. The Historic Urban Landscape
  Approach in Action/A. Pereira Roders,
  F. Bandarin (eds.). Singapore: Springer.
  P. 79-90.
- Gruis V., Tsenkova S., Nieboer N. (eds.)
   (2009) Management of Privatised Housing.
   International Policies & Practice.
   Chichester: Blackwell.
- Instituto Municipal de Arte e Cultura (1989) Corredor Cultural: Como Recuperar, Reformar Ou Construir Seu Imóvel.
- Jorgensen B.S., Stedman R.C. (2001) Sense of place as an attitude: Lakeshore owners' attitudes toward their properties//Journal of Environmental Psychology. Vol. 21. P. 233-248.
- Lelieveldt H. (2007) Neighbourhood
  Politics//The Handbook of Social Capital/
  D. Castiglione, J.W. Van Deth, G. Wolleb
  (eds.). New York: Oxford University Press.
  P. 327–348.
- Lowndes V., Pratchett L. (2007) Public Policy and Social Capital//The Handbook of Social Capital/D. Castiglione, J.W. Van Deth, G. Wolleb (eds.). New York: Oxford University Press. P. 677-707.
- Lukas M. (2019) Urban Governance//The Wiley
  Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional
  Studies/A.M. Orum (editor in chief).
  Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Maclean K. (2015) Cultural Hybridity and the Environment. Strategies to Celebrate Local and Indigenous Knowledge. Singapore: Springer. P. 215.
- Mannarini T., Fedi A (2009) Multiple Senses of Community: The Experience and Meaning of Community. Journal of Community Psychology Vol. 37. No. 2. P. 211–227.
- Manzo L.C., Perkins D.D. (2006) Finding Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Planning//Journal of Planning Literature. Vol. 20. No. 4. P. 335–350.
- Mihaylov N., Perkins D.D. (2014) Community
  Place Attachment and Its Role in Social
  Capital Development in Response to
  Environmental Disruption//Place Attachment:
  Advances in Theory, Methods and
  Applications/L. Manzo, P. Devine-Wright

(eds.). London: Routledge. P. 61-73.

Pal A. (2008) Planning from the Bottom Up.
Democratic Decentralisation in Action.
Delft: IOS Press.

Pereira D.A. (2010) Revisita ao Corredor Cultural-Resgate Do Processo De Revitalização No Centro Histórico do Rio de Janeiro//Cadernos Proarq 15. P. 30-44.

Pereira Roders A. (2019) The Historic Urban Landscape Approach in Action: Eight Years Later.//Reshaping Urban Conservation. The Historic Urban Landscape Approach in Action/A. Pereira Roders, F. Bandarin (eds.). Singapore: Springer. P. 21–54.

Perkins D.D., Brown B.B., Taylor R.B. (1996)
The Ecology of Empowerment: Predicting
Participation in Community
Organizations//Journal of Social Issues.
Vol. 52. No. 1. P. 85-110.

Pinheiro A.I., Del Rio V. (1993) Cultural Corridor: A Preservation District in Downtown Rio De Janeiro, Brazil//Traditional Dwellings and Settlements Review. Vol. 4. No. 2. P. 51-64.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. (1993)
Making Democracy Work. Civic Traditions in
Modern Italy. Princeton: Princeton
University Press.

Putnam R.D. (2000) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster. P. 746.

Scannell L., Gifford R. (2010) Defining Place Attachment: A Tripartite Organizing Framework//Journal of Environmental Psychology. Vol. 30. No. 1. P. 1-10.

Verba S. (1969) Conclusion: Comparative
Political Culture by Sidney Verba//Political
Culture and Political Development/Pye L.W.
Verba S. (eds.). New Jersey: Princeton
University Press. P. 512-560.

W. Van Deth J. (2007) Introduction: Social Capital and Democratic Politics//The Handbook of Social Capital/D. Castiglione, J.W. Van Deth, G. Wolleb (eds.). New York: Oxford University Press. P. 199-207.

Williams D.R., Roggenbuck J.W. (1989)

Measuring Place Attachment: Some Preliminary
Results//Leisure Research Symposium.

October 20–24. San Antonio, Texas.

Wolman H. (1990) Goldsmith M. Local Autonomy as a Meaningful Analytic Concept: Comparing Local Government in the United States and the United Kingdom//Urban Affairs Quarterly. Vol. 26. No. 1. P. 3-27.

WHICH INFRASTRUCTURES FACILITATE THE REGENERATION OF HISTORIC URBAN LANDSCAPES?

Snezhana V. Grozovskaya, Independent researcher, architect.

E-mail: snezhana.lashchenko@gmail.com

Abstract. The regeneration of historic urban landscapes, with the preservation of holistic morphology and residents' practices, is realised through the mechanisms of management, planning, public-private partnership, participation, financial and economic instruments, and cultural regeneration. These mechanisms operate under specific political, economic, managerial, and social conditions. This review, illustrated by case studies of cities from different countries, shows how different infrastructures (institutions, policies, governance systems) facilitate urban regeneration.

Regeneration requires participatory infrastructures. These include political culture (which allows urban actors to negotiate and implement participatory practices), the existence of urban conservation movements, and urban communities that value and want to protect the historic environment (which helps to make reconstruction more efficient and to control it). Local culture is also important. Local identity, continuity, and place attachment contribute to residents' willingness to participate in regeneration.

In order to implement regulatory, financial and economic mechanisms, a necessary prerequisite is the institution of private property (it makes it possible to maintain houses and yards in a proper condition and motivates users to do so). Another necessary prerequisite is the political and administrative autonomy of the city authorities (it enables them to implement their regeneration policies and to create tools for this purpose). Fiscal autonomy allows city governments to independently redistribute funds for regeneration, while project culture allows the development of local regulatory regeneration mechanisms based on the internal resources of the landscape and to implement comprehensive regeneration.

Key words: infrastructures of regeneration; regeneration mechanisms; historic urban landscape; historic center; heritage; institutions Citation: Grozovskaya S.V. (2013) Which Infrastructures Facilitate the Regeneration of Historic Urban Landscapes? Urban Studies and Practices, vol. 8, no 4, pp. 23–35. DOI: https://doi.org/10.17323/usp84202323-35 (in Russian)

References

Abi Nader T. (2015) The Father of the Community Architecture Barefoot Project, Submission to the United Nations Building and Social Housing Foundation.

Almond G., Verba S. (2014) Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five

- Countries]. M.: Mysl [Moscow: The
  thought]. (in Russian)
- Bond S., Worthing D. (2016) Managing Built Heritage. The Role of Cultural Values and Significance. Oxford: Wiley Blackwell.
- Brown B.B., Perkins D.D. (1992)
  Disruptions in Place Attachment,
  Place attachment/Altman I.,
  Low S.M. (eds.). New York: Plenum,
  pp. 287-304.
- Brügger Cardoso R.J. (2005) 0
  Corredor Cultural Como Espaço
  Propulsor da Revitalização do
  Centro da Cidade do Rio de Janeiro
  No Período da Redemocratização,
  Confluências Revista
  Interdisciplinar de Sociologiae
  Direito Ppgsd-Uff, pp. 48-60.
- Carter A. (2002) Strategy and
  Partnership in Urban Regeneration,
  Urban Regeneration. A Handbook/
  P. Roberts, H. Sykes (eds.).
  London: SAGE Publications, pp. 37–
  58
- Clark J., Wise N. (2018)
  Introduction, Urban Renewal,
  Community and Participation.
  Theory, Policy and Practice/
  J. Clark, N. Wise (eds.). Cham:
  Springer, pp. 9–15.
- Clarke S., Gilmour R., Garner S.
  (2007) Home, Identity and
  Community Cohesion, Identity,
  Ethnic Diversity and Community
  Cohesion/M. Wetherell,
  M. Laflèche, R. Berkeley (eds.).
  London: SAGE Publications, pp. 87-
- Cross J.E. (2001) What is Sense of Place? Prepared for the 12th Headwaters Conference, Western State College, November 2-4.
- Degen M., Garcia M. (2012) The Transformation of the 'BarcelonaModel': An Analysis of Culture, Urban Regeneration and Governance, International Journal of Urban and Regional Research, vol. 36, no 5, pp. 1–17.
- Del Rio V. (1997) Restructuring
  Inner-City Areas in Rio De
  Janeiro: Urban Design for
  a Pluralistic Downtown, Journal of
  Architectural and Planning
  Research, vol. 14, no 1, pp. 2034.
- Droseltis O., Vignoles V.L. (2010)
  Towards an Integrative Model of
  Place Identification:
  Dimensionality and Predictors of
  Intrapersonal-level Place
  Preferences, Journal of
  Environmental Psychology, vol. 30,
  no 1, pp. 23-34.
- Gala A. (2019) Amaravathi Heritage Town-Reflections on the Historic Cultural Landscape Approachhe, Reshaping Urban Conservation. The

- Historic Urban Landscape Approach in Action/A. Pereira Roders, F. Bandarin (eds.). Singapore: Springer, pp. 79-90.
- Gladarev B. (2013) "Peterburgskoe nasledie" i ego "nasledniki": istoriya kul'turnogo soprotivleniya ["Petersburg heritage" and its "heirs": the history of cultural resistance], Puti Rossii.

  Istorizaciya social'nogo opyta [Ways of Russia. Historicalization of Social Experience]/nauchn.
  red. O.V. Horhordin [ed. by O.V. Horhordin]. Moskva: NLO [Moscow: NLO], pp. 46-68. (in Russian)
- Glazychev V.L. (2017) Urbanistika.—
  2-e izdanie. [Urbanism] Moskva:
  Izdatel'stvo "Evropa" [Moscow:
  Publishing house "Europe"]. (in
  Russian)
- Gorodnichev A.V., Kulakova T.V.,

  Moiseeva M.A. (2021) Dinamika
  byudzhetnoj avtonomii rossijskikh
  gorodov v usloviyakh perekhoda k
  mnogourovnevomu upravleniyu
  [Dynamics of budgetary autonomy of
  Russian cities in the transition
  to multilevel governance],
  Finansovyj zhurnal [Financial
  Journal], vol. 13. no 1, pp. 39–
  57. (in Russian)
- Gruis V., Tsenkova S., Nieboer N. (eds.) (2009) Management of Privatised Housing. International Policies & Practice. Chichester: Blackwell.
- Instituto Municipal de Arte e
   Cultura (1989) Corredor Cultural:
   Como Recuperar, Reformar Ou
   Construir Seu Imóvel.
- Jorgensen B.S., Stedman R.C. (2001)
  Sense of place as an attitude:
  Lakeshore owners' attitudes toward
  their properties, Journal of
  Environmental Psychology, vol. 21,
  pp. 233-248.
- Kuznecov Yu. (2017) Kapitalizm, kotorogo ne bylo [Capitalism That
  did not Exist], InLiberty.
  Available at: https://old.inliberty.ru/blog/2565-Kapitalizm-kotorogo-ne-bylo (accessed February 18,
  2022). (in Russian)
- Lashchenko S.V., Grozovskij B.V.
  (2019) Pomozhet li «istoricheskoe
  poselenie» sokhranit' staryj centr
  Samary [Will the mechanism of
  preservation help to conserve the
  old center of Samara], Innovative
  project, vol. 4, no 10, pp. 24-46.
  (in Russian)
- Lelieveldt H. (2007) Neighbourhood Politics, *The Handbook of Social* Capital/D. Castiglione, J.W. Van Deth, G. Wolleb (eds.). New York: Oxford University Press, pp. 327–348.

- Litvincev D.B. (2021) 30 let privatizacii zhil'ya v Rossii: udalos' li vospitat' otvetstvennykh sobstvennikov? [30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Raise Responsible Owners?], Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], no 2, pp. 186–212. (in Russian)
- Lowndes V., Pratchett L. (2007)

  Public Policy and Social Capital,
  pp. 677-707, The Handbook of

  Social Capital/D. Castiglione,
  J.W. Van Deth, G. Wolleb (eds.).

  New York: Oxford University Press.
- Lukas M. (2019) Urban Governance, The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies/A.M. Orum (editor in chief). Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Maclean K. (2015) Cultural Hybridity and the Environment. Strategies to Celebrate Local and Indigenous Knowledge. Singapore: Springer.
- Mannarini T., Fedi A (2009) Multiple Senses of Community: The Experience and Meaning of Community. Journal of Community Psychology, vol. 37, no 2, pp. 211-227.
- Manzo L.C., Perkins D.D. (2006)
  Finding Common Ground: The
  Importance of Place Attachment to
  Community Participation and
  Planning, Journal of Planning
  Literature, vol. 20, no 4,
  pp. 335-350.
- Mihaylov N., Perkins D.D. (2014)
  Community Place Attachment and Its
  Role in Social Capital Development
  in Response to Environmental
  Disruption. Place Attachment:
  Advances in Theory, Methods and
  Applications/L. Manzo, P. DevineWright (eds.). London: Routledge,
  pp. 61-73.
- Pal A. (2008). Planning from the Bottom Up. Democratic Decentralisation in Action. Delft: IOS Press.
- Pereira D.A. (2010) Revisita ao Corredor Cultural-Resgate Do Processo De Revitalização No Centro Histórico do Rio de Janeiro, *Cadernos Proarq 15*, pp. 30-44.
- Pereira Roders A. (2019) The
  Historic Urban Landscape Approach
  in Action: Eight Years Later,
  Reshaping Urban Conservation. The
  Historic Urban Landscape Approach
  in Action/A. Pereira Roders, F.
  Bandarin (eds.). Singapore:
  Springer, pp. 21-54.
- Perkins D.D., Brown B.B., Taylor R.B. (1996) The Ecology of

- Empowerment: Predicting
  Participation in Community
  Organizations, Journal of Social
  Issues, vol. 52, no 1, pp. 85–110.
- Pinheiro A.I., Del Rio V. (1993)
  Cultural Corridor: A Preservation
  District in Downtown Rio De
  Janeiro, Brazil, Traditional
  Dwellings and Settlements Review,
  vol. 4, no 2, pp. 51-64.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R. (1993) Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University
- Putnam R.D. (2000) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.
- Scannell L., Gifford R. (2010)
  Defining Place Attachment:
  A Tripartite Organizing Framework,
  Journal of Environmental
  Psychology, vol. 30, no 1,
  pp. 1–10.
- Smirnyagin L.V. (2007) Trudnoe budushchee rossijskikh gorodov [Difficult Future of Russian Cities], *Pro et Contra*, no 1, pp. 56-71. (in Russian)
- Tambovcev V.L. (2015) Prava, formy i rezhimy sobstvennosti [Rights,

- Forms and Regimes of Property], Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economic Science of Modern Russia], no 1, pp. 7–18. (in Russian)
- Trudolyubov M. (2015) Lyudi za
  zaborom: Chastnoe prostranstvo,
  vlast' i sobstvennost' v Rossii
  [People Behind the Fence: Private
  Space, Power and Property in
  Russia]. M.: Novoe izdatel'stvo
  [Moscow: New Publishing House].
  (in Russian)
- Verba S. (1969) Conclusion:
  Comparative Political Culture by
  Sidney Verba, Political Culture
  and Political Development/
  L.W. Pye, S. Verba (eds.).
  Princeton, New Jersey: Princeton
  University Press, pp. 512-560.
- Vysshaya Shkola Ehkonomiki [HSE University] (2018) Strategiya prostranstvennogo razvitiya g. Kolomna [Spatial Development Strategy of Kolomna]. (in Russian)
- W. Van Deth J. (2007) Introduction:
  Social Capital and Democratic
  Politics, The Handbook of Social
  Capital/D. Castiglione,
  J.W. Van Deth, G. Wolleb (eds.).
  New York: Oxford University Press,
  pp. 199-207.

- Williams D.R., Roggenbuck J.W. (1989) Measuring place attachment: Some preliminary results, *Leisure Research Symposium*. October 20–24. San Antonio, Texas.
- Wolman H., Goldsmith M. (1990) Local Autonomy as a Meaningful Analytic Concept: Comparing Local Government in the United States and the United Kingdom, *Urban Affairs Quarterly*, vol. 26. no. 1, pp. 3–27.

Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatial Development in Krasnodar, Russia¹

Maria Karaselnikova Daria Maltseva Nikita Iskusov Ekaterina Fadeeva Linar Mardanov Maria Pisareva Mikhail Kharitonov Elizaveta Elkina

Introduction

Urban development is generally considered solely as the prerogative of city planners, city authorities and major developers. Indeed, these actors largely influence the processes taking place in the city, since they have more power and resources to intervene in the urban space. At the same time, individuals and small businesses have almost no influence on the

Maria V. Karaselnikova, Master of Urban Planning, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Planning (FURD), National Research University Higher School of Economics (HSE); Independent Researcher; Lead Analyst, Project DAL, 18 Bolshoi Sergievsky Lane, Moscow, Russian Federation. E-mail: karaselnikova.m@gmail.com

Daria M. Maltseva, Lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Planning (FURD), National Research University Higher School of Economics (HSE), 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-8328-7032 E-mail: dm.maltseva@gmail.com.

Nikita M. Iskusov, Master of Urban
Planning, Vysokovsky Graduate School
of Urbanism, Faculty of Urban and
Regional Planning (FURD), National
Research University Higher School of
Economics (HSE); Independent
Researcher; Department of Regulation,
Project DAL, 18 Bolshoi Sergievsky
Lane, Moscow, Russian Federation.
E-mail: iskusovn@gmail.com

Ekaterina A. Fadeeva, Master of Urban Planning, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Planning (FURD), National Research University Higher School of Economics (HSE); Urban Planner, 13 bldg. 4 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation.

E-mail: fadeevayekaterina@yandex.ru

Linar R. Mardanov, Researcher, Guest Lecturer, HSE University, RANEPA; Urban Planner, Samolet Group, 19, Yartsevskaya str., Moscow, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6144-3599 E-mail: lin.mardanov@gmail.com.

Maria S. Pisareva, Master of Urban Planning, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Planning, National Research University Higher School of Economics (HSE); Project Manager, BestPlace, 26 Leninskaya Sloboda Street, bldg. 28, Moscow, Russian Federation. E-mail: pisarevamss@gmail.com

Mikhail P. Kharitonov, Independent Researcher, Master of Urban Studies, 4CITIES Erasmus Mundus Joint, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Mikhail.Kharitonov@vub.be

Elizaveta A. Elkina, Master of Urban Planning, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and

^{1.} The research on which this paper is based was carried out in 2021–2022 and had the financial support of the Faculty of Urban and Regional Planning under the grant for student projects. We thank the faculty members for valuable comments during the research process and the participants of the International Seminar on Urban Form (ISUF) conference 2022 for the discussion of results.

processes. This inequality of opportunities displaces private actors from influencing the spatial development trajectories of the city. There is a need to evaluate the demands of actors displaced outside the established institutional framework. The study of this non-systemic aspect of urban development is important for understanding the current city transformations.

The conflict between actors is especially aggravated in post-socialist cities, where for decades the state was the only actor of urban development. The current inclusion of individual citizens in this process takes place in the conditions of emerging and undeveloped institutions of urban planning and the market economy.

Krasnodar is one of the largest cities in Russia, it has a population around 1,04 million people. The city is the administrative capital of the Krasnodar Krai and is one of the largest cities in the Southern Federal District. Krasnodar krai is one of the leaders in Russia in terms of the number of informal housing units, about 30% of the region's residents purchased apartments under a shared construction agreement, in fact, live in informal housing units.²

At the same time, Krasnodar is one of a few fast-growing cities in Russia. High rates of population growth and economic development are faced with limited land resources, an increase in the burden on infrastructure, southern specifics, and imperfect mechanisms of urban regulation on both levels of the city and federal authorities. Thus, the uniqueness of Krasnodar in the context of the study of urbanization processes in Russia is of particular interest and relevance for the research.

In this study we observe the informal practices of territorial development and their role in the transformation of the urban environment of Krasnodar. The idea of informal area development practices will be conceptualized in the study. The purpose of the study – to systematize the types of informalities and patterns of spatial, morphological, and qualitative features of unauthorized construction objects.

The work is organized as follows: the first part presents theoretical and applied research on the issue; the second part presents the research methodology; the third part aggregates the main results of the empirical research; the final part describes the main conclusions of the work.

Background

Informal urban development has been under thorough study by urban researchers. However, traditionally it has been studied on the example of cities in the Global South [Guibrunet, Broto, 2015; Mohanty, 2019; Goncalves, Gama, 2020]. When researchers began to apply the existing theory of informality to the cities of the Global North, it became clear that there were different processes and causes behind the emergence of buildings and districts, that at first sight were similar in their morphological and functional characteristics [Alterman, Calor, 2020]. In Russia, where the patterns of urban development differ from the mainstream division into Global North and Global South, the issue of informal urban development has not been studied enough.

Causes and consequences of informal urbanization

Informal urbanization is a form of urbanization that does not obey formal rules and regulations, it is a quasi-urbanization created by local economic development and market conditions [Perlman, 1979; Mohanty, 2019]. It is

Regional Planning, National Research University Higher School of Economics (HSE); Urban Planner, Project DAL, 18 Bolshoi Sergievsky Lane, Moscow, Russian Federation. E-mail: yolkina.2720@gmail.com

In the research environment, informal urban development has traditionally been studied in the cities of the Global South. However, in the Eastern European context, informal urban development differs as land use regulation goes through the process of post-socialist transformation. Krasnodar is one of the biggest and fastest growing cities in Russia, where informal construction practices and bottom-up approaches in spatial redevelopment are widely spread despite the strict regulation of housing construction and precise tools for identification of informality. The work presents a step towards the discovery of this phenomenon. In the spotlight we put the exploration of inner synergetic inconsistency of legal relations, connecting economic, institutional, demographic, and sociopolitical context to understand the contradiction between formal and informal urban life. The research methods include spatial and regulatory documents analyses, in-depth interviews with different collective actors (city administration, activists, experts in urban development, locals living in informal). The core of the research—the machinery of the conflict behind the legalization process. Findings of this work illustrate a number of reasons behind the spread of informal settlements in Krasnodar and their role in urban development. While administrative power does not seek compromise with locals and migrants, the mistrust of others embodies itself as unguided and spontaneous urban development.

Keywords: informal urbanization; urban conflict; morphology of informal buildings; illegal construction

Citation: Karaselnikova M.V.,
Maltseva D.M., Iskusov N.M.,
Fadeeva E.A., Mardanov L.R.,
Pisareva M.S., Kharitonov M.P.,
Elkina E.A. (2023) Reality vs
Regulation: Informal Practices of
Spatial Development in Krasnodar,
Russia, Urban Studies and Practices,
vol. 8, no 3, pp. 36–53. DOI:
https://doi.org/10.17323/
usp83202336-53 (in Russian)

^{2.} The unified register of self-builders in test mode began its work in the Russian Federation on January 1 (2020) *TASS*. Available at: https://tass.ru/nedvizhimost/7456741 (accessed 1 May 2022)

connected with the lack of legal relations between buildings and the land on which they are located, and is related to the lack of connection with formal urban regulation, planning, and design [Roy, AlSayyad, 2003]. Roy believes that informality is a political construct, and the state has the power to determine what is informal and what is not [Roy, 2005].

Urban informal urbanization can be considered in 3 main types of its manifestation: 1) free-standing unauthorized buildings; 2) informal settlements, favelas, or slums; 3) informal economy in service and production [Mohanty, 2019]. Each type has its own distinctive features, roots, and patterns.

However, by informal urbanization, we do not mean the opposition to 'formal' but the spectrum of informality manifested in the city. In order to show this diversity and heterogeneity of informality, Harris identified four thresholds that separate five modifications of informality [Harris, 2018]:

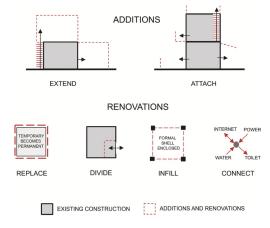
- 1. Latent. This is a 'potential' informality that may soon appear due to the introduction of new regulation. This regulation may apply either to a new territory or to types of economic activity (for example, a new regulation for leasing).
- 2. Diffuse. These are small, minor regulatory violations that are very difficult to track. At the same time, residents and other actors usually try to remain unnoticed by the state and city authorities, not to attract any attention. For example, the owner adds a room or rents out a basement without special permission. Other examples include asking to pay in cash to avoid paying taxes and organizing a business in a residential building despite the fact that only housing is allowed in zoning regulations. Authorities often ignore such violations deliberately, as it is too difficult to deal with them.
- 3. Embedded. This modification emerges after actions of a particular group of stakeholders become organized. This most often includes three aspects: "cooperation, physical concentration and popular legitimacy".
- 4. Overt. This modification appears as a result of a higher level of organization. At this stage informal settlements have leaders chosen or self-proclaimed. Usually, this kind of organization is

- needed to resist the authorities trying to combat informality.
- 5. Dominant. This modification appears when the informal is so widespread that it becomes the dominant form of urban development. In this case, the authorities do not control the situation and rarely try to suppress the informal but look for ways to ensure coexistence with the informal, which often generates corruption. Within the framework of this study, we also study informality in its diversity, trying to typologize the studied cases of informal development.

Richard Harris links the emergence of informality with 4 factors, which he divides into two subgroups [Ibid.]: (1) Residents cannot or do not want to follow the established regulation. (2) The authorities cannot or do not want to enforce the regulation. As a result, areas of informal development often fall outside the framework of urban infrastructure and housing modernization programs, communication between residents of these territories and city authorities becomes very rare and weak, resulting in the lack of awareness of residents and authorities about each other's motives, needs and desires [Ndukui, 2013]. All this complicates further processes of inclusion of informal development areas in the life of the city.

Another important factor in the spread of this type of urbanization is the acute contradiction between the interests of local residents-developers and the authorities, as well as resistance to any external means of intervention and distrust to the actions of the administration [Ndukui, 2013]. In such conditions, usually either residents are unable or unwilling to obey formal rules, or the state is unable or unwilling to force residents to comply with its norms [Harris, 2018]. As a result, there is low involvement of residents in the modernization programs of informally built-up areas, ignorance of the desires and motives of the authorities [Ndukui, 2013]. Main reasons for difficulties in introducing these programs also include the lack of budget allocations, the politicization of the entire process, the lack of the necessary number of vacant land plots for resettlement of residents of informal buildings and landscaping (Ibid.), difficulties in legalizing property rights [Ibid.; Karbainov, 2014]. The reasons for the emergence and spread of informality in developing countries most often include rural-urban migration, 'spontaneous'

Fig. 1. Typology of incremental changes in informal buildings Source: Dovey, Kamalipour, 2017.

urbanization, shortcomings in urban planning, lack of municipal control and resources to provide housing for the needy part of the population [lbid.].

Informal urbanization is sustainable and is supported by economic benefits for various socio-economic groups: individual illegal construction of low-rise housing allows savings from 30% [Harris, 2001] to 50% [Burgess, 1977] of its usual cost. It is important to emphasize that such a behavior is typical not only for the poor, but also for everyone who seeks to maximize the benefits of their investments [Devlin, 2018], as well as for elites who directly influence the housing and labor market and offer the most favorable prices and rates [Banks et al., 2020].

City authorities can apply several types of strategies in relation to the informal: (1) try to eradicate illegal settlements and unauthorized construction by conducting 'forceful' intervention or negotiate; (2) ignore the fact of the existence of the informal and turn a blind eye to it; (3) encourage the emergence of informal; (4) pursue a policy of adaptation and legalization [Harris, 2018; Gonçalves, Gama, 2020].

Ananya Roy, believes that the simple formalization of the informal leads to a whole set of problems. She proposes two principles for urban policies in relation to informal areas: exclusion from regulation (regulatory exceptions) and exclusion from regularity (regularity exceptions). Example of the first principle is the introduction of a 5-year moratorium on land and urban planning codes changes to carry out basic infrastructure during this transition period, as well as to provide financial mechanisms with which it would be possible to modernize informal settlements to a state that meets the requirements of codes and regulations. That is, the key feature of such a

policy is the gradual introduction of regulation. But due to legalization, an obligation of regular payments is created, which often becomes the reason for the relocation of residents of informal settlements, as they do not have a stable source of income. Therefore, an example of the second principle is leveling the discrepancy of 'time cycles of payments' instead of increasing housing affordability.

Typology of informal buildings and the peculiarity of their existence in Russian cities

Informal buildings refer to a term that is often used in relation to different types of structures differing in their morphological and functional characteristics. Depending on the actions performed on the object, the changes can be divided into two main types (fig. 1). The first type is additions. This category includes extensions and additional premises attached to the initial structure, constructed to increase the area of the premises. The second type of change is renovation. This category includes replacement of temporary structures with permanent ones, use of buildings for other purposes, functional separation of buildings, illegal connection to urban communication systems [Dovey, Kamalipour, 2017].

In Russian legislation, both types of changes fall under the term "reconstruction", which is defined in the Urban planning Code as "changes in the parameters of a capital construction object, its parts (height, number of floors, area, volume), including changes with additions, reconstruction, expansion of the capital construction object. as well as replacement and (or) restoration of load-bearing building structures of the capital construction facility, except for the replacement of individual elements of such structures with similar or other elements that improve the performance of such structures and (or) the restoration of these elements" (Article 1 of the Urban Planning Code of the Russian Federation). Changing these parameters without notifying the authorities is a violation that puts the object in the category of unauthorized construction.

Based on the definition of unauthorized construction in Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation, it is possible to identify the main criteria that render a construction illegal and unauthorized: a capital immovable structure is created on a site not designated for such purposes, or

Tab. 1. Hypotheses of study

Number	Formulation					
Hypotheses about the nature of unauthorized construction in Krasnodar						
H1.1	Unauthorized construction in Krasnodar exists and it is spatially distributed in different parts of the city					
H1.2	Differences in the strategies and tactics of actors in relation to urban public space, stemming from their motivations, beliefs and capabilities, contribute to the emergence of unauthorized construction. This can manifest as owners expressing disagreement with current legal regulations, while all interested parties have their own motives and opportunities for action.					
Hypotheses about	the strategies and tactics of actors					
General terms						
H2.1.	Lack of clear understanding among citizens regarding the key principles of land legislation [Kuznetsov, 2020]					
H2.2.	Inconsistent legal framework (contradiction between the procedure for seizure and legalization of informal property)					
Strategies						
H3.	The strategy of public authorities involves a mixed policy of ignoring, legalizing and counteracting, highlighting a lack of a well-developed decision-making algorithm					
Tactics						
H4.1.	Economic compulsion. Local residents want to turn their land into an asset and a platform for entrepreneurial activity, but do not realize the need to take into account the rules and regulations					
H4.2.	The existence of places where informal practices accumulate is linked to a perception of a low level of control (both administrative and social)					
H4.3.	In areas where unauthorized construction is concentrated, distinct communities of property owners are being formed					

created without the necessary permits (for example, for construction or commissioning) or with a significant violation of urban planning and building regulations and rules. A person who erects an unauthorized building does not have the right to own it and cannot dispose of it (sell, give, lease, make transactions). After the building is discovered and recognized as illegally erected, it is subject to demolition or brought into compliance with the necessary parameters and requirements. These actions must be carried out at the expense of the person who carried out the construction.

The actual use of the land plot must align with the type of permitted use (hereinafter referred to as the TPU) outlined in the town-planning regulations, specifically the Land Use Regulation Rules³, and must match the information recorded in Rosreestr (the State Registry of Property). However, local town-planning regulations may occasionally conflict with the data registered and published by the local Rosreestr office during the transfer or registration of ownership rights. Rosreestr issues TPU for the site based on the classifier of types of permitted use provided by the Ministry of Economic Development or local Land Use Regulation Rules, which creates room for confusion. Even in case of

a discrepancy between the TPU in the State Registry of Property and Land Use Regulation Rules, the Supreme Court of Russia recognizes the data in the State Registry of Property as legitimate since it is with it that the copyright holder and the local regulatory authority work. The impact of such contradictions on spatial planning and administration is still unclear in expert discussions, although it is recognized as a common problem.

Methodology

We define informal practices as the actions of actors in relation to real estate objects that meet one of the following conditions:

(1) violating the established type of permitted use of the land plot; (2) exceeding relevant limiting parameters (for example, the percentage of built-up area, the height of the object, etc.)

The use of the term "practices" underscores the importance of studying not only the urban planning aspect of violations, but also the system of relationships and connections that this phenomenon generates. Krasnodar is a

^{3.} rus. PZZ or Zoning Code.

Table 2. Information about informants

Nº	Sex	Age	Background
_			
Informant 1	female	31	Architect, previously worked in the city administration of Krasnodar
Informant 2	male	24	Employee of "Gorodskie Proekty" in Krasnodar, activist
Informant 3	female	61	Entrepreneur, social activist
Informant 4	female	37	Member of the Town Planning Council under the Governor of the Krasnodar Krai, public figure
Informant 5	female	45	Associate Professor at the Graduate School of Urbanism, not directly related to Krasnodar
Informant 6	female	30	Artist, born in Krasnodar, lives in Musicalny Microdistrict

vivid example of the clustering of informal practices in territorial development, which makes its study important in expanding the discussion about the causes of informality in Russia.

The definition of objects of unauthorized construction in Russian legislation and the practice of recognizing existing buildings and structures as such in Russian cities are almost entirely uncorrelated. Currently, objects built with violations continue to exist in different dimensions: legal/illegal statuses, having their own characteristics in the legal, economic and social context. That is why, we define our object of study through informality to take a deeper look at the phenomenon and understand the nature of the existence of objects that directly or indirectly violate urban planning legislation.

The aim of the study is to systematize the types of violations present in Krasnodar and investigate the role of informal practices in the territorial development and transformation of the urban environment.

Based on the previous studies reviewed earlier, we form the following hypotheses about the nature of unauthorized construction and informality in Krasnodar and about the strategies and tactics of actors, including the reasons for the emergence of informal practices (tab. 1).

The socio-economic situation and urban planning policy of Krasnodar were analyzed using official documents submitted provided by the city administration: the Strategy for the Socio-Economic Development of the Municipality of the City of Krasnodar Until 20304, the General Plan5 and the Land Use

Regulation Rules⁶, which have been in force over the past 15 years⁷.

Further in the study, we highlight the most striking cases of informal practices in the city—the clustering territories of unauthorized construction. The identification of these territories is based on media materials and intracity observation through visual panoramas on Internet GIS resources (Google Maps, Yandex.Maps). To establish the type of informality, we analyzed the key urban planning documents of the city, including temporal aspects) at the scale of the designated territories. Additionally, media sources were consulted to gain deeper insights into the issues associated with the selected areas.

To test hypotheses and describe the conflict from different points of view, 6 in-depth structured interviews with the experts, activists and residents of Krasnodar were conducted. An interview guide was preliminarily compiled, including several options for a set of questions based on the characteristics of the social group to which the informant belongs (tab. 2).

The basic interview guide included five broad blocks of questions: (1) Getting to know the informant; (2) Inquiries about the situation with self-building in Krasnodar and the informant's perspective on this phenomenon; (3) Exploration of the role of urban policy in urban development; (4) Discussion about the reasons for the spread of informal practices; (5) Discussion of areas where objects of unauthorized construction concentrate: aspects of daily life, the policy pursued in relation to these cases.

^{4.} Strategy for Socio-Economic Development of the Krasnodar Region until 2030 (2020) *economy.krasnodar.ru*. Available at: https://economy.krasnodar.ru/upload/iblock/581/i2f914v1yplwv6l68ljfwqh02e05f6ap/Strategiya-2030-s-izmeneniyami-ot-23.12.2022-goda.pdf.

^{5.} General Plan of Krasnodar issued January 26, 2012.

^{6.} Land Use Regulation Rules, issued January 30, 2007, p. 6 (as amended on March 28, 2019).

^{7.} All the documents were accessed via the Federal Geo-Information System for Territory Planning.

Results

Socio-Economic Situation and Urban Planning and Development Regulation in Krasnodar

Krasnodar ranks first among the largest cities in Russia in terms of population growth. Comfortable climate conditions, cultural and economic opportunities make Krasnodar an attractive city to live in. The main reason for positive population dynamics is the high level of migration from other regions of Russia that has persisted for the last decades.

Uncontrolled population growth has resulted in the failure of the tools of urban planning and development that have been operating in the city. During 2012–2019 the residential construction amounted to 20,000 thousand square meters when the General Plan prognosed only 9,000 thousand square meters by 2025. This case is a unique example for Russian cities where the expected indicators stated in the strategic documents for residential development are usually unreasonably high.

Krasnodar has the second place after Moscow in Russia for residential space construction. New construction is mainly developing on peripheral areas for multiunit buildings. These areas have a low level of transport accessibility and utilities development. Moreover, The city General Plan of 2012 prescribed a reduction of single-family's areas when in reality positive growth of such development was actually observed. This rapid housing construction leads to the emergence of point construction, a shortage of vacant land and an increase in the load on the scarce capacity of engineering infrastructure.

Natalia Zubarevich, an economist, notes that Krasnodar is one of the several Russian cities that have advantages in development with high population growth, the largest trade turnover per capita, maximum investment per capita and the volume of housing construction.⁸ The agglomeration of the city has the most significant development potential among other Russian cities. Rapid economic development increases the burden on the city's territorial resources and existing

infrastructure, which poses new challenges for the local urban planning system.

"This is the specifics of the southern regions where there are many tourists. Such unauthorized construction mainly takes place in the single-family's areas. The region temperature regime allows you to make construction not very expensive/ These are cities with high investment interest and limited land. Then the question is: who will do the unauthorized construction — individuals or large developers" [Informant 5].

In addition to the local specifics, the rules of both old and new Zoning Codes in Krasnodar, as everywhere in Russia, do not find a direct accordance with Land Development Plans⁹. The documents of urban planning may not follow the same logic and can even contradict each other.

"The General Plan and the Zoning Code did not match each other, the Zoning Code was brutally redrawn. After several cases the court decision was made regarding the General Plan in situations when the Zoning Code contradicted it. This helped the overall situation as the General Plan was redrawn less" [Informant 3].

Overall, the history of urban planning and development regulation in Krasnodar indicates that city governance tends to transform territories of single-family's areas to mid- and high-rise apartment buildings. Despite a great number of territories with permitted use for multi-unit buildings zones. unauthorized apartment construction in Krasnodar happened mainly on the territories with permitted use for singlefamily housing zoning. One of the reasons is the exclusion of small developers and private owners from the residential housing construction process due to high barriers to entry into the construction market and competition with large developers [Kosareva, 2013].

^{8.} Zubarevich N. (2017) Designated agglomerations. Economist Natalya Zubarevich about the main barriers to the million cities development. *Vedomosti*. Available at: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/07/714602-naznachennie-aglomeratsii (accessed July 2, 2022).

^{9. &}quot;Land Development Plan" (translation of «Градостроительный план земельного участка») – the official document for land development issued by the minicipality to the owner of the land plot.

Fig. 4. Map of the selected cases in Krasnodar: Musicalny microdistrict, Airport district and Karasunskie Lakes Source: Yandex. Maps.

Fig. 2. Separate unauthorized buildings Here: 1foundation, 2unfinished building, 3 - extension, 4 – singlefamily'sindividual residential housing, 5-multiunitapartment building, 6-singlefamily'sindividual residential housing with signs of multiunit apartment building, 7shopping or office center, 8-hotel or hostel Source: [Maltseva, 2022].

Selection of the cases

Krasnodar is full of objects with various types of violations, which makes such buildings unauthorized. Most of them are hardly recognizable since visually they may not stand out from neighboring sites. Despite this fact, the cases for the analysis in this work were selected through the reviewing of zoning and state property registries conformity, visual assessment of the urban space morphology from Panoramas images. Three concentrated areas were found: the Musicalny microdistrict, the Airport district and the Karasunskie Lakes, each of which vividly describe the practices of informality within the city (fig. 4).

Classification of unauthorized buildings

The following typology of the architectural morphology and incremental changes of unauthorized buildings in Moscow and Krasnodar regions [Maltseva, 2022] was made similarly to the work of Dovey and Kamalipour [2017] and is based on more than 5000 observations through the Yandex. Panorama¹⁰ (fig. 2).

We found that incremental changes in the Krasnodar region became a common way of adapting to the socio-economic needs and the need for more space for residential areas. For example, the cases considered in this study represent not only territorial clusters of unauthorized construction in Krasnodar but also the key problems of the city. For example, the Musicalny microdistrict reflects a high demand for housing; the Karasunskie Lakes – a breachesdead weight of the ecological framework of the city; the Airport district – the need for small business realization: it is the place with the largest number of identified violations and multifunctional use of buildings with the hotel business concentration. The Karasunskie Lakes is also the most dynamic area from the view of incremental changes: houses can be joined, their function can be separated, and the facade – refurbished to the common formal appearance. The violation of the type of permitted landuse ("infill"), the division of the object into separate parts ("divide") and extensions ("add") were found in all the inspected areas in Krasnodar (fig. 3).

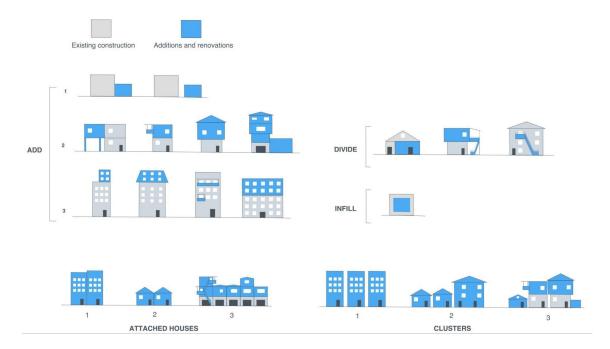
Analysis of unauthorized construction cases

The typology described in the last paragraph focuses on the morphological and functional characteristics of buildings that make them unauthorized or illegal. However, the unauthorized construction¹¹

^{10.} Yandex.Maps Street Panoramas Web-service. Yandex (https://yandex.ru/maps accessed5 May 2022).

^{11.} rus. 'samovol'noe stroitelstvo'.

Fig. 3. Additions and renovations of unauthorized buildings Source: [Maltseva, 2022].

is a broader phenomenon in the Russian context. It can include violations of different nature: functional, legal status and architectural changes. In this work we focused on the violations connected with official documentation and incremental changes of buildings. This broadened the studied range of informal practices and included others mutually connected to urban development procedures.

We combined the Harris scale of modes of urban informality [Harris, 2018] and the typology of unauthorized construction by Maltseva [2022], adapting the result to the selected cases in Krasnodar (fig. 5). According to the scale, informal urbanization on Karasunskie Lakes was diffused (since it had an individualistic social character and wide narrow scope), in Airport district - embedded (group character, broad scope and moderate visibility), and in Musicalny microdistrict dominant (societal social character, general scope, very high visibility and the fact of normalized informality). Below each case is described in a combination of findings from the interviews, document analysis and remote observations.

Case 1. Musicalny microdistrict

Musicalny microdistrict is a unique and simultaneously the most illustrative example of the spread of unauthorized development in Krasnodar. Its main form can be seen in a mix of multi-apartment unauthorized construction with single-family housing permitted here by zoning.

In the microdistrict, there are a minimum number of incremental changes (extensions, superstructures). In fact, these buildings are unauthorized construction with obvious technical, sanitary and fire violations. Some free-standing residential buildings were completely repurposed for a commercial function (retail or hospitality).

The violations present on the territory can be divided into three types (fig. 5; fig. 6):

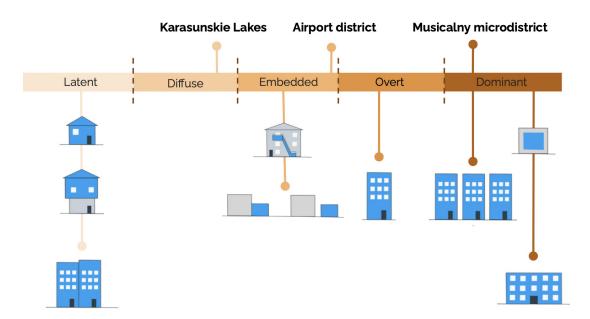
Type 1. Multi-apartment development in areas of single-family housing zoning;

Type 2. A significant excess of Urban Development Regulation (in terms of the percentage of built-up area allowed in any of the zones);

Type 3. The incongruity of the actual land use and the type of permitted land use in Rosreestr (often it occurs with two other types of violations, but in this case, zoning was subsequently changed to multiapartment building).

In the early 2000s and during the next ten years, in the Musicalny microdistrict, Large-scale illegal multi-apartment construction was carried on the plots where only single-family housing development was permitted. These houses were not commissioned in the legal way and were functioning based on specific court decisions about recognizing the developer's ownership of buildings. Many buildings were acquired as a share of ownership rather than as a separate property. This limited the rights of many apartment owners and had negative legal consequences, as well as problems with

Fig. 5. Researched cases in Krasnodar located in the modes of urban informality scale by Harris [2018] and architectural morphology by Maltseva [2022] Source: made by authors.

communications, maintenance of common areas and others.¹²

"There is nowhere to walk in Musicalny at all. Each piece of land becomes an impromptu park. At the same time, houses continue to be built even now, despite everything, there is less and less free land and spaces" [Informant 4].

It is important to note that a similar type of development was noted not only in the area itself, but also in the territories close to it, which indicates the presence of a certain trend towards the concentration and dissemination of these objects. There are more than 304 apartment buildings in the district, 30 of them are long-term construction or construction in progress. According to some estimates, at least 15 thousand people now live in the area.

The initial reason for issuing construction permits specifically for single-family housing construction, and not for multi-dwelling, was the high level of groundwater on the territory, which made high-rise construction in the area unsafe. However, the active midrise development that appeared in Musicalny, without taking into account the necessary infrastructure, eventually led to numerous problems: starting from the lack of normal storm sewerage, interruptions in heat supply and the lack of fire lanes and ending with a catastrophic shortage of schools and kindergartens.

"At some point, everyone suddenly realized that something terrible had happened. Authority officials have turned their attention to the neighbourhood. The most popular opinion was to demolish all the illegal housing. But where to get so much money for demolition and resettlement? In Krasnodar, I think this is impossible" [Informant 6].

According to construction regulations, distances (household gaps) between the long sides of residential buildings should be taken: for residential buildings with a height of 2–3 floors the distance should be at least 15 meters; for 4 floors – at least 20 meters; between the long sides and the ends of the same buildings with windows from living rooms – at least 10 m. In addition to the considered violations of urban planning regulations, other characteristics of unauthorized buildings are most clearly manifested in the area: lack of a building or commissioning permit, and violation of construction codes.

"Our native judicial system gave birth to Musicalny district. I assume that for 1 million sq. meters, handed over in 2010–2012, we had about 400 thousand unauthorized housing erected", says Former First Deputy Head of Krasnodar Frolov on the scale of the problem of unauthorized construction for Komsomolskaya Pravda.

^{12.} Musical microdistrict of Krasnodar from a bird's-eye view (2021) 93.RU. Available at: https://93.ru/text/gorod/2021/12/70312010/ (accessed June 24, 2022).

Fig. 6. Satellite image of Musicalny microdistrict and photos of the territory Source: made and photographed by authors, OSM, Yandex.Maps.

"The whole of Krasnodar consists of 'Musicalny neighborhoods'" [Informant 3].

The constructed multi-apartment buildings did not meet the necessary parameters for obtaining an act of commissioning. Three scenarios were possible in this case: (1) the local authorities that issued the commissioning permit turned a blind eye to existing violations; (2) already at the stage of appealing the decision of the commission in a court, a decision to put the housing into operation was made; (3) the sale or rental of apartments began without an act on the commissioning of the building. Such violations are found not only in Musicalny. The problem of illegal high-rise housing construction is relevant for the peripheral areas of the city, a vivid example can also be seen in the village of Rossiyskiy, located even further from the center of Krasnodar.

Case 2. Karasunskie Lakes

The second territorial cluster of unauthorized construction is located in the coastal area of Karasunskie Lakes in the south-east of Krasnodar. The Lakes were formed on the site of the river Karasun and are of significant historical and natural value to the city. The length of the main coastal area is about 8 kilometers. On the left bank, there are single-family residential areas on the right bank of the lakes and

soviet and modern apartment building areas.

Multi-apartment buildings are the main morphological form of unauthorized construction in this area. The commercial functions there are often presented on the first floors of the buildings or in attached premises. Additionally, such functions are implemented in the form of detached buildings and additions to low-rise objects. Unfinished unauthorized buildings also were found on this territory.

Examples of violations can be divided into two types (fig. 5; fig. 7):

Type 1. Multi-apartment construction in the land use zone with permitted use for single-family housing development (violation of permitted use in Zoning Code and Rosreestr)

Type 2. Multi-apartment construction in the land use zone with permitted use for recreation purposes and in protected green areas.

In the first type, informality of construction is obvious as we can observe the direct violation of urban development regulation when real land use does not correspond to ones legalized by the Zoning Code or Rosreestr.

However, the second type is more complicated as it illustrates the inconsistency of the main documents of urban planning and development regulation—the General Plan and the Zoning Code which led to the conflict of interests between main city actors. During the period of these transformations, the land use zones from the General Plan were not transferred to the Zoning Code according to which a construction permit can be issued. Due to this inconsistency, instead of creating recreational areas according to the Plan, the high-rise apartment construction was implemented.

Interviewed experts highlight the bad quality of illustrations in old urban planning and development regulation documents when it was not possible to determine functional zones of particular land plots. The document was interpreted in a convenient way by interested parties. And thereby many developers started illegal construction deliberately with the hope of getting approval after the change of local government. Experts also prove the predominant role of inconsistency between the Zoning Code and the General Plan as a factor of unauthorized development because it gave an opportunity for patchwork changes in the permitted use regulation.

Fig. 7. Satellite image of Karasunskie Lakes and photos of the territory Source: made by authors, OSM, Yandex.Maps, Yandex.Panorama.

"As everywhere else, electronic versions of General Plan and Zoning Code documents were in a raster format, so you saw land plots in blurred pixels when zoomed in. If this plot was less than 1 ha, then it was almost impossible to discern anything. Therefore, everyone interpreted it the way it was convenient for them" [Informant 1].

Interview insights showed that the deterioration of environmental requirements and the destruction of recreational areas in favor of housing construction is one of the most painful topics in Krasnodar. In the case of Karasunskie Lakes, the contradiction in urban development regulation caused public controversy, where public defenders and local residents defended the right to preserve the green area.

Case 3. Airport district

The Airport area is the most commercialized space of all researched. This is reflected in the number of detached hotels, apartment buildings, and single-family dwellings, which were repurposed for hotels and cafes. The

latter can combine several functions: residential and commercial. A cluster of apartment buildings can be constructed by joining houses and making commercial extensions. Buildings can become more 'attractive' over time, as expressed on their facades and signages.

In Russian legislation, the placement of any non-residential type of buildings is prohibited in areas of the permitted land use type as single-family housing zone (according to The State Registry of Property), and the implementation of hotel services is prohibited in areas of single-family housing development (according to the Zoning Code). Clustering of the objects with such characteristic types of violations is most clearly visible in this territory near the city airport.

These violations are combined in the following type: Non-residential types of buildings (e.g. commercial facilities) located in the areas of single-family housing development (fig. 5; fig. 8).

During the analysis of the existing land use of the territory, we detected objects of public facilities which are clustered and located singly within the boundaries of the

Fig. 8. Satellite image of the Airport District and photos of the territory Source: made by authors, OSM, Yandex.Maps, Yandex.Panorama.

entire territory of the Airport area: these are social facilities (schools, kindergartens), offices, etc. The map of the distribution of the density of commercial objects in the territory showed that commercial objects (mainly shops and hotel facilities) are also quite often localized along the main street of the district - Fadeeva Street, along which citizens can get from the airport to the city centre. The existing land use of the territory is becoming more differentiated than it is reflected in the analytical materials of the General Plan of the city (the map of the scheme of the land use of the territory). New residential complexes are emerging here, which also contributes to the formation of new commercial facilities.

The zoning map of the General Plan still indicates the vector of territory uniformity development, mainly by objects of single-family dwellings. Some objects in these territories are often recognized as unauthorized construction, owners can be prosecuted for administrative responsibility, and unauthorized construction must be brought into compliance with the current regulations. At the same time, a partial solution to the problem could arise before

the object is declared illegal (for most of the objects that were considered until February–May 2021); for example, when the owners apply with a constructive and/or collective and substantiating proposal to change the functional zone during the development of the Master Plan zoning, as an answer to the gradual transformation of the territory and its increasing multifunctionality and real context of the place.

"When everything goes without requirements and regulations, that does not mean that one can and does not mean thah one cannot. It means how it will turn out" [Informant 4].

Discussion

In the spotlight, we put the exploration of the inner synergetic inconsistency of legal relations connecting economic, institutional, demographic, and sociopolitical contexts. The case of the Krasnodar city is extremely important for the discussion due to the superior level of contradiction between formal and informal urban practices.

The research methods included spatial and regulatory document analyses, in-depth and express interviews with different collective actors (city administration, activists, experts in urban development, locals living in informal, legal, and institutionalized housing) and participatory observation. The core of the research relates to the machinery of the conflict behind the legalization process.

The findings of this work illustrate the set of reasons behind the spread of informal settlements in Krasnodar and its discrepancy for different social parties. While administrative power does not seek compromise with locals and migrants, the mistrust of others embodies itself as unguided and spontaneous urban development. It is not just an urban conflict anymore but a kind of feud.

The analysis of the theoretical aspects of the informal housing studies gave a deeper understanding of the trends and prerequisites for the development of selfconstruction in the southern cities of Russia, in particular in Krasnodar:

- 1. The observed cases from Krasnodar can be considered manifestations of informal urbanization
- 2. Unauthorized construction can be seen as a separate form of urbanization. Due to the fact that unauthorized construction is associated with a violation of legislative norms, it can be evaluated in terms of the Richard Harris scale of manifestation of informal urbanization, as well as in terms of the morphological characteristics of buildings.
- 3. Due to the specifics of the subject of the research, the cases considered are not only related to the causes of informal urbanization, but also to such illegal mechanisms as corruption, inconsistency in regulations and control systems, and legal voids.

Economic compulsion

'Informal' real estate is in demand among residents, primarily because of the low cost, and not only because of the 'legal illiteracy' of the owners. With the rapid growth of the city's population against the backdrop of a rapid increase in the value of real estate and general macroeconomic processes, people are looking for options for financially affordable implementation of their needs. Buyers of such properties are ready to take on the risks of operating outside the legal field.

Adapting to the trend of mass housing construction, local residents want to turn their land into an asset, but they cannot legally enter the housing market, which is facilitated by the monopolized developer market and bureaucratic difficulties in obtaining permits.

There are widely used 'semi-legal' ways to implement construction initiatives. For example, there is a mechanic of constructing a public and business facility under the guise of a single-family dwelling, for which a building permit is not required, with subsequent transfer from a residential to a non-residential building.

"It often happens that they build one object, and then it turns out to be a completely different object. For example, they are building a single-family house where you do not need to obtain a building permit. There is a notification system: you bring a notification to the administration that you are going to build a single-family house and that's it. Then, with the help of a transfer from residential to non-residential, all such buildings are legally transferred to a commercial facility by the city commission. These commercial properties, of course, do not have parking, there are not enough connections, etc. In general, they create a lot of problems" [Informant 1].

We call this approach 'semi-legal' because of the fact that despite formally following the law and official procedures, developers use this mechanism for their own purposes. Before the start of construction, they are planning non-residential development on the site. However, counting on further legalization, they are building a commercial facility under the guise of a single-family dwelling – saves a lot of different resources.

"Legal chaos"

The stance on the resolution of 'unauthorized construction' has a tactical and situational character. There are inconsistencies in legal acts. The 'managers' themselves do not fully understand the connections within the system. On the one hand, informal practices are a conscious or unconscious opposition to the existing norms. On the other hand, one of the reasons for the emergence of these informal practices is the non-optimality and

groundlessness of the documents establishing the regulations.

"They didn't pay attention to the consistency of the General plan. Changes were made every week. There were changes in some pieces of the functional zoning map, but no one changed the communal and social infrastructure construction plans" [Informant 3].

As previously mentioned, in Russia over the past thirty years a certain structure of documents regulating urban planning processes has been developed. However, these documents do not always work within the framework of one integral system. As a consequence, the inconsistency between the General Plan and the Zoning Code plays a significant role in the emergence of 'informality' and 'illegality'. A situation of legal uncertainty arises, in which actors begin to act based on their own views on the feasibility of fulfilling their needs.

"The General plan, the land use regulation rules and development did not correspond to each other, zoning rules were even more brutally redrawn. By the city commission decision, in cases where the rules for land use and development did not correspond to the General plan, they did it in favor of the General plan, which helped the situation a little, because it was less often redrawn" [Informant 3].

The action of reality against regulations is vividly illustrated in the case of Krasnodar. Residents definitely have a need for the construction of new apartments and individual housing, the development of recreational land plots, capitalization of development, and an increase in the cost of the housing stock. Spatial planning documents should consider these needs and stimulate urban development in accordance with them. In this sense, the General plan is intended to act as a social 'contract' of many collective actors with public authorities - the result of a compromise and the most optimal image of the future, including the necessary residential development and recreational areas for residents. This is a direct indication of defects in the control system. Without monitoring the implementation of territorial planning documents, which would allow tracking changes in urban development in relation to the General plan and the nature of the

response of the zoning rules to these changes, it is impossible to establish an effective management system.

The spread of informal urban development practices signals that the existing regulation is inefficient and does not take into account the real needs of city residents. In this sense, the possibility of ignoring the procedure for public hearings and public discussions, provided for by amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation [2022], significantly aggravates the situation, depriving residents of the ability to respond to initiatives to change land use conditions. In this case, there is no transparent, legally formalized platform for dialogue between various actors of urban development. Public authorities assume the sole right to determine the rules of the game, relieving themselves of the obligation to seek compromises and respond to grassroots initiatives. It is also worth emphasizing that this problem was quite acute even when public hearings were an obligatory part of the urban planning process.

"The awareness of residents is bad: they have very poor information, people are in complete apathy that public hearings and public discussions do not work—everyone perceives this as a stop-cock, not a dialogue or sending their comments and suggestions to make the document better. They are trying to abandon this document altogether, in the position 'we are against it, we don't need anything'" [Informant 5].

Residents in general do not feel confident that they can influence anything, as in many respects they do not have a sufficient level of awareness of the rules of the game, waiting for the fair execution of guarantees from the public authorities.

In addition, 'non-systematic' is not limited to inconsistencies between the two main urban planning documents (the General plan and the rules for land use and development). Information about land plots and constructed objects is stored in the Unified State Register of Real Estate (hereinafter referred to as the EGRN). And this system encounters several problems. Firstly, there are problems with the prompt updating of property information. Secondly, in contrast to the unified list of types of permitted use of land plots and capital construction projects contained in the urban planning regulations of the Land

Regulations, the EGRN uses free-form descriptions of real estate purposes. Lastly, there is a discrepancy between the type of permitted use specified in the Unified State Register of Real Estate Registration and the land use rules. In this case, the real estate rights holder may mistakenly consider the construction or reconstruction of an object to be legal, based on the information of the ERGN, which is contrary to the urban planning regulations of the territory.

Legal voids

The difficulty of the legalization process, due to the imperfection of the norms and rules of this procedure, often leads to 'postponing the issue' of transferring such housing into the legal field. And in some cases (Musical microdistrict), the process of legalization is practically impossible due to previously established forms of ownership. Attempts to seize land plots in the ownership of the city for the construction of the necessary infrastructure were met with resistance from residents. As a result, the presence of problems in the legal status of the territory and buildings, in fact, the basic ones, does not allow solving the problems related to making the area habitable.

"Before the Pandemic, a very important decision was made that at least roads should be constructed. The problem is that the vast majority of roads belong to homeowners, and the city cannot repair them. Before the Pandemic, they wanted to take the roads to the balance of the city. Either signatures were needed, or courts, but the pandemic began, and it was all over" [Informant 6].

Low culture of involvement of residents and low awareness of residents about the possibility of their influence on the development of urban planning processes

It is easier for residents to violate the rules than to follow established norms. This is also due to the rapid pace of transformation of urban regulation documents, which still "do not keep up with demand" and do not have time to meet changing conditions. The notification system about the changes has not been established – many citizens (especially in connection with the recent abolition of certain forms of citizen participation in urban development processes) remain

excluded from the decision-making process at the municipal level.

At the same time, it cannot be claimed that the population is completely excluded from urban activism. According to informants, there are public organizations in Krasnodar that come up with various city initiatives. Based on our observations, a significant part of the proposals relates to the improvement, preservation and development of recreational spaces. Meanwhile, more global urban planning decisions (including plans for the location of new buildings and infrastructure development) remain practically outside the process of grassroots activism.

Conflict between residents and authorities

The renovation, modernization and integration of informal development territories are hampered not only by the actions or inaction of the authorities but also by the resistance of the inhabitants of such territories. The issue becomes political and is closely related to the densely established distrust of the inhabitants of informal buildings towards the authorities. Their fears that interaction with the authorities will lead to the loss of housing or other negative consequences (fear of being deceived) further complicate matters.

"People do not trust the authorities and do not believe that they can influence" [Informant 3].

Distrust of the authorities is one reason why the process of transforming informal development into an urban fabric is deeply rooted. Due to the fact that people are afraid to lose their property and do not realize the cause-and-effect relationships in public authority initiatives, the process of bringing the territories into an optimal state suitable for life is stalled. Paradoxically, residents are not ready to agree to necessary property and legal procedures that would allow road network construction in the Musicalny microdistrict. It is especially difficult to explain why such a level of distrust of the authorities is shown by people who previously bought property in unauthorized construction from unreliable developers with minimal guarantees show such a high level of distrust towards authorities. The current situation allows us to conclude that there is a higher level of trust in business representatives than in public authorities.

The coalition nature of relations between the government and developers

There is a coalition nature of the relationships between the government and developers, which can go beyond established public norms and rules. Despite the presence of mandatory standards for infrastructure provision in development, there is still a lack of implementation of legally established requirements.

Developers are one of the actors in the spread of the phenomenon of 'informal practices'. At the same time, 'small developers' are almost excluded from the process of legal development in the city. Against the background of the lack of consistency in making urban planning decisions, the will of individual decision makers acquires an important, and often decisive, role.

As a result of the study, informal housing practices were analyzed. Studied cases made it possible to trace the causes of the emergence of the informality. The causes are similar to some cases in other countries (especially in the Global South). At the same time, Krasnodar has some specific aspects of the development of informal urban practices. Unauthorized construction is a reaction to urgent requests from citizens. It is necessary not to fight "informality", but to look at the problems and barriers that stand in the way of creating a shared multidimensional reality for all the actors.

References

- AlSayyad N., Roy A. (2003) Urban Informality: Transnational Perspectives from the Middle East, Latin America, and South Asia. Lanham: Lexington Books.
- Alterman R., Calor I. (2020) Between Informal and Illegal in the Global North: Planning Law, Enforcement, and Justifiable Noncompliance. Comparative Approaches to Informal Housing around the Globe/
  U. Grashoff (ed.). London: UCL Press, pp. 150-185.
- De Soto H. (1989) The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. London: I.B. Taurus.
- Devlin R.T. (2018) Asking 'Third World questions' of First World informality: Using Southern Theory to Parse Needs from Desires in an Analysis of Informal Urbanism of the Global North. *Planning Theory*, vol. 17, no 4, pp. 568-587.
- Dovey K., Kamalipour H. (2017) Informal/Formal Morphologies. Mapping Urbanities: Morphologies, Flows, Possibilities/K. Dovey, E. Pafka, M. Ristic (eds.). New York: Routledge, pp. 223-248.

Feige E.L. (1990) Defining and Estimating
Underground and Informal Economies: The New
Institutional Economics Approach. World
Development, vol. 18, no 7, pp. 989–1002.
General Plan of Krasnodar issued January 26,

2012

- Gonçalves J.M., Gama J.M.R.F. (2020)

  A Systematization of Policies and Programs Focused on Informal Urban Settlements:
  Reviewing the Cases of São Paulo, Luanda, and Istanbul. Journal of Urbanism:
  International Research on Placemaking and Urban Sustainability, vol. 13, no 4, pp. 466–488.
- Hall P., Pfeiffer U. (2000) Urban Future 21:
   A Global Agenda For 21st Century Cities.
  London: E & FN Spon.
- Harris R. (2018) Modes of Informal Urban
  Development: A Global Phenomenon. Journal of
  Planning Literature, vol. 33, no 3, pp. 267286.
- Information About the Situation in the Regions (2016) Annex № 2 to the Recommendations of the Council under the President of the Russian Federation for Civil Society Development and Human Rights following a special meeting on March 21, 2016. Available at: http://www.president-sovet.ru/files/16/a7/16a7293d663d4eb6b5bbdf11c8cb4e90.pdf (accessed 30 May 2022).
- Karbainov N. (2014) How the Owners (Do Not) Become Private Proprietors: Conflicts over Land in Ulan-Ude and Sochi, The Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 17, no 5, pp. 85-108.
- Kosareva N., Polidi T., Puzanov A. (2013)
  Housing Construction Market in the Russian
  Federation: Current Status and Development
  Prospects. Voprosy Ekonomiki, no 3, pp. 109–
- Land Use Regulation Rules, issued January 30, 2007, p. 6 (as amended on March 28, 2019).
- Maltseva D. (2022) Approaches of Typologization of Unauthorized Building: Illegality and Informality in the Moscow and Krasnodar Regions. Term paper. Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics.
- Mohanty M. (2019) Challenges of Informal Urbanization. Sustainable Cities and Communities. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals/W.L. Filho, A. Azul, L. Brandli, P. Özuyar, T. Wall (ed.). Cham: Springer, pp. 45-56.
- Musical microdistrict of Krasnodar from a bird's-eye view (2021).
- 93.RU. Available at: https://93.ru/text/ gorod/2021/12/12/70312010/ (accessed June 24. 2022
- Ndukui C.E. (2013) Challenges of Slum
  Upgrading for Urban Informal Settlements:
  Case of Soweto East Village in Kibera
  Informal Settlements, City of Nairobi.
  Postgraduate thesis, The University of
  Nairobi. Kenya.
- Perlman J.E. (1979) The myth of marginality: Urban poverty and politics in Rio de Janeiro. Berkeley, CA: University of California Press.

- Portes A., Haller W. (2005) The Informal Economy. The Handbook of Economic Sociology/N.J. Smelser and R. Swedberg (ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 403-425.
- Roy A. (2005) Urban Informality: Toward an Epistemology of Planning. Journal of the American Planning Association, vol. 71, no 2, pp. 147-158.
- Strategy for Socio-Economic Development of the Krasnodar Region until 2030 (2020) economy. Federation dated December 29, krasnodar.ru. Available at:
- https://economy.krasnodar.ru/upload/iblock/581/i2f914v1yplwv61681jfwqh02e05f6ap/ Strategiya-2030-s-izmeneniyami-ot-23.12.2022-goda.pdf.
- The unified register of self-builders in test mode began its work in the Russian Federation on January 1 (2020) TASS. Available at: https://tass.ru/nedvizhimost/7456741 (accessed 1 May 2022).
  - Urban Planning Code of the Russian 2004, no 190-FZ (as amended on

- January 5, 2022) (2022). Legal reference system "Consultant Plus".
- Zubarevich N. (2017) Designated agglomerations. Economist Natalya Zubarevich about the main barriers to the million cities development. Vedomosti. Available at: https:// www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/07/714602-naznachennie-aglomeratsii (accessed July 2, 2022).

53 REALITY VS REGULATION...

Конструктор городских преобразований: альтернативная практика Рыбинска¹

Ольга Кучина Екатерина Леттиева Софья Торосян

1. Введение

В последнее время в российских городах отмечается тенденция «комфортизации» (comfortization) пространства как способа борьбы «за людей и капитал», при этом создание комфортной городской среды обычно происходит по инициативе федеральной власти [Zupan, Gunko, 2019; Gunko et al., 2022]. Некоторые исследователи приходят к выводу, что преобразования пространства «сверху вниз» (top-down urban planning) практически являются формальными и безуспешными, то есть создание комфорта скорее становится «подменой комплексному городскому планированию» [Ibid.].

Изменение пространства города – процесс сложный и многогранный, требующий включения множества участников. Так, в управлении им могут быть задействованы представители власти разных уровней, профильные специалисты, местные жители, предприниматели, локальные сообщества, представители СМИ и др. [Heinelt, 2012]. Каждый случай можно рассматривать как уникальный конструктор преобразований, который включает набор инструментов – средства изменений – и формируемые ими «практики» [Де Серто, 2013] – действия с целью

Кучина Ольга Игоревна, студентка, бакалаврская программа «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: kuchina.ollie@gmail.com

Леттиева Екатерина Владимировна, студентка, бакалаврская программа «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. Е-mail: ekaterina.v.lettieva@gmail.com

Торосян Софья Гагиковна, студентка, бакалаврская программа «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4. E-mail: sgtorosyan@gmail.com

Создание комфортного пространства становится все более распространенной практикой в российских городах, на что в значительной степени повлиял Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и, в частности, конкурс лучших проектов в малых городах и исторических поселениях. Вместе с тем на местном уровне присутствует запрос на уникальность: оригинальные проекты преобразований пространства и среды могут выгодно выделить город среди остальных, способствуя привлечению внимания общественности и туристов. Рыбинск - город, прославившийся исключительным опытом обновления исторического центра. В этой работе такой комплексный объект исследования, как городские преобразования, метафорично представлен в виде конструктора, который включает набор инструментовсредств, а также практик-активных действий. Для выявления составляющих конструктора были проведены интервью с основными участниками преобразований Рыбинска, а также экспертами в области развития территорий. Результаты показали, что, даже при относительной устойчивости инструментов, практики как подвижные категории во многом зависят от местных усло-

^{1.} Мы выражаем признательность преподавателю Высшей школы урбанистики Городничеву А.В. за научное консультирование и Костенецкой Анастасии за помощь при сборе полевых данных. Отдельно приносим благодарности Горбачеву А.В., Нелидовой В.А., Харитоновой П.Е., Кузнецову Д.С., а также экспертам государственной корпорации развития ВЭБ.РФ за открытость и готовность к сотрудничеству.

преобразований. Описание инструментов и практик позволяет раскрыть устройство конструктора.

В Рыбинске сценарий городских преобразований сложился нетипичным для российского опыта образом: стремление повысить комфорт среды для горожан совпало с низовой инициативой, муниципальная власть взяла на себя ответственность за реализацию творческой идеи, в удачный момент вырос интерес к внутреннему туризму. В результате таких практик повысился интерес к городу, были привлечены туристы, центр города стал более привлекательным для предпринимателей и инвесторов; образ города постепенно изменился [Гржибовская, 2022].

Преобразования начались в 2016 году: местный предприниматель и активист Дмитрий Кузнецов предложил оформить центральную часть города в дореволюционном стиле - сменить вывески и восстановить облик фасадов [Кузнецов, 2020]. Идея понравилась администрации Рыбинска – пробно ее реализовали в 2017 году на Красной площади города с привлечением стороннего архитектурного бюро. Позже с участием Кузнецова разработали и утвердили дизайн-код и архитектурные регламенты для всего города. В 2019-2020 годах в дореволюционном стиле реконструировали две центральные улицы: Стоялую и Крестовую. Путем переговоров, а потом и предписанием предпринимателей убедили присоединиться к этому проекту и заменить вывески на стилизованные – из дерева и металла, со старой орфографией. Проект сначала вызвал интерес местных СМИ (например, «Рыбинские известия», «Черемуха» и др.), позже им заинтересовались региональные («76.ru», «Вести. Ярославль» и др.) и федеральные (ТАСС, «Известия», «Ведомости» и др.) издания – акцент с промышленности сместился на купеческое прошлое города. Тогда же в Рыбинске утвердили новую должность главного архитектора [АиФ-Ярославль, 2019], которую заняла Полина Харитонова, прошедшая программу обучения «Архитекторы.рф» [Харитонова, 2022]. Также произошли кадровые изменения, вызванные необходимостью привлечения в администрацию молодых специалистов [Крутикова, 2022].

Особый интерес для исследования представляют действия участников локального уровня. Мы считаем, что сами по себе инструменты для преобразования города нейтральны; вопрос в том, в каких случаях и как эти инструменты применяются и внедряются — в практиках их применения. В основу теоретической рамки работы легли такие концепции, как городское управление, соуправление, соучастие, территориальный брендинг.

2. Обзор литературы

2.1. Среда и люди

Изменения городов в настоящем исследовании описываются в терминах городского пространства и городской среды. Под городским пространством подразумеваются физические параметры города, под городской средой — социальные процессы, протекающие в нем. Проекты преобразования городского пространства меняют физический облик городов, что, в свою очередь, сказывается на городской среде — медиакультурном поле и социальной жизни городов. Пространство влияет на поведение горожан, а повседневные практики жителей формируют городскую среду [Де Серто, 2013].

Общественные пространства выступают полем для диалога горожан [Гейл, 2012]. Именно поэтому практики благоустройства общественных пространств — меры по поддержанию городского ландшафта, направленные на улучшение состояния территории и повышение качества жизни населения [Zupan, Gunko, 2019], — заслуживают особого внимания. В России благоустройство и комфортизация городского про-

вий. Именно поэтому универсального или лучшего экземпляра конструктора не существует, что подчеркивает важность углубленного качественного изучения случаев для формирования более обширной базы знаний о моделях преобразований городов для возможности их сопоставления.

Ключевые слова: городские преобразования; городское соуправление; соучастие; территориальный брендинг; реконструкция; дизайн-код

Цитирование: Кучина О.И.,
Леттиева Е.В., Торосян С.Г. (2023)
Конструктор городских преобразований:
альтернативная практика Рыбинска//Городские исследования и практики.
Т. 8. № 4. С. 54-68. DOI: https://doi.org/10.17323/usp8420254-68

странства вынесены в ранг федеральных задач [Минстрой России, 2023].

Человек постепенно начинает играть все большую роль в городских преобразованиях, а вовлечение горожан в процесс принятия решений становится неотъемлемой частью коллективного производства городов [Oliviera, Triana, 2023].

2.2. Городское (со)управление

Городское управление можно рассматривать как сетевое взаимодействие различных агентов по решению конкретных задач на локальном уровне [Сморгунов, 2001; Peters, Pierre, 2012; Sandford, 2020]. Проблема, которую выделяют исследователи городского управления, - это разрыв между вызовами и возможностями города [Charbit, 2020; Peters, Pierre, 2012]. Именно поэтому вопросы управления выходят за рамки государственных структур, так или иначе подразумевая формы гражданского участия [Heilnet, 2012]. Так, чтобы повысить свою способность действовать, местные власти прибегают к сотрудничеству «с предприимчивыми общественными деятелями» [Peters, Pierre, 2012, р. 4].

Городское управление часто изучается в контексте децентрализованных политических систем, где местный уровень действует относительно автономно. Например, в статье [DiGaetano, Strom, 2003] сравниваются процессы управления во Франции, ФРГ, США и Великобритании. Основное следствие децентрализации – ориентация городского управления на потребности местного избирателя [Faguet, 2014], что легитимирует его участие в делах города. Россия, однако, служит примером централизованной системы [Моляренко, 2021; Gunko et al., 2022], поскольку избиратель местной власти находится, наоборот, на более высоких уровнях. При принятии решений интересы местных жителей редко имеют первостепенное значение, и для местного самоуправления в России не характерна такая форма участия, как партнерство [Гунько, Пивовар, 2018]. В российском контексте под понятием «городское управление» не всегда подразумеваются коллаборативные отношения², поэтому они могут быть более точно описаны понятием «городское соуправление» [Титов, 2021].

Помимо местных, в городском управлении задействованы, как правило, и «надместные» (supralocal) участники [Sellers,

Lidström, 2007]. Взаимодействие правительств, а также неправительственных субъектов на разных территориальных масштабах может быть определено как многоуровневое управление [Alcantara et al., 2016]. При этом важными аспектами становятся соблюдение баланса интересов и координация действий участников.

2.3. Соучастие в городе

Синергия человеческих потенциалов – важный элемент гармоничного развития города, учитывающего историю и культуру места. В картине динамично изменяющегося мира стремительный технологический прогресс, новшества в городском планировании нередко дезориентируют специалистов и могут оказаться деструктивными для культурного ландшафта городов [Visser, 2010]. «Культурная эстетика» города уничтожается и унифицируется под наступающей глобализацией [lbid.]. Вовлечение горожан в разработку проектов, то есть соучастие в городском планировании, может способствовать сохранению «культурной эстетики» города [Sanoff, 2000; Sanoff, 2010].

Согласно определению соучаствующего проектирования Генри Саноффа, становление концепции соучастия разворачивается вокруг противоположных взглядов на развитие города. Функциональный модернизм Ле Корбюзье противопоставляется индивидуально-ориентированным (individual-oriented) подходам к городскому планированию, развиваемым в трудах Геддеса, Говарда, Мамфорда, Джекобс и Гейла [Абагеро, 2021]. В своем исследовании особенно важным направлением внедрения соучаствующего проектирования Генри Санофф выделяет ревитализацию малых городов, исторически обладающих богатым культурным потенциалом [Sanoff, 2010].

В российском исследовательском поле соучаствующее проектирование определяется как вовлечение горожан, местных сообществ, активистов и экспертов, представителей администрации, бизнеса и других заинтересованных лиц в процесс разработки проектов [Верещагина, 2021]. Наиболее распространенной формой соучаствующего проектирования служат дискуссии с населением: общественные слушания, открытые обсуждения, сессии, семинары и др. При этом практики соучастия в го-

^{2.} Government и governance одинаково переводятся как «управление», при этом понятие governance, в отличие от government, не выделяет роль государственных агентов в управлении как основную.

Таблица 1. Информация о проведенных интервью Источник: составлено авторами.

ID	Роль	Сведения об информанте	Формат интервью
LG1	Представитель админи- страции	Горбачев А.В., руководитель департамента туризма	Экспедиция
LG2	Представитель админи- страции	Нелидова В.А., директор департамента архитектуры и градостроительства	Экспедиция
LG3	Представитель админи- страции	Харитонова П.Е., главный архитектор	Экспедиция
Α	Активист проекта	Кузнецов Д.С., российский музыкант, общественник	Онлайн
E1	Эксперт	Сотрудник корпорации развития ВЭБ.РФ	Онлайн
E2	Эксперт	Сотрудник корпорации развития ВЭБ.РФ	Онлайн

родском планировании в России «гиперперсонализированы», то есть в них сохраняется фокус на конкретных людях драйверах процесса изменений [Там же].

2.4. Брендинг

Активное участие горожан в жизни города влияет на образ, узнаваемость города, иначе говоря, на его бренд. Инициативность и предприимчивость местных жителей выступает фактором повышения привлекательности территорий [Моscardo et al., 2017]. Территориальный брендинг необходим для создания в городе благоприятного инвестиционного климата, повышения в нем туристической активности. Его долгосрочными следствиями являются увеличение городского бюджета, развитие местной экономики, а также укрепление локальной идентичности [Бурлакова, Качалова, 2019].

Медиа становятся полем для городских дискуссий как между горожанами, так и между местными жителями и представителями власти. Новые городские средства массовой информации, локальные медиапроекты меняют городскую среду, конструируют городскую идентичность [Маккуайр, 2014]. Все больше набирает обороты «цифровой территориальный брендинг», проекты развития территорий становятся неотъемлемы от медиапродвижения [Лебедева и др., 2014]. В этом контексте медиа выступают драйверами развития территорий через популяризацию городов в медиаисточниках, формируют новые нарративы, создавая образы в медиаполе [Silverstone, 2013]. Помимо внешнего влияния на жизнь города через медиапродвижение, медиа сказываются и на внутренних городских процессах, изменяя культурные ландшафты городов [Appadurai, 1996].

Впоследствии медиапродвижение бренда города оказывает положительное влияние на местный туризм. Опираясь на уникальность, города работают над репутацией, привлекая туристов, капитал и человеческие ресурсы [Shirvani Dastgerdi, De Luca, 2019].

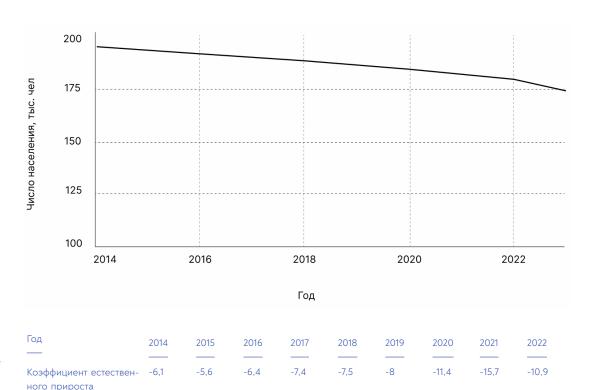
3. Данные и методы

Эмпирическая часть работы основывается на полуструктурированных интервью с представителями администрации Рыбинска и активистом проекта – основными действующими лицами преобразований³, а также экспертами (табл. 1). Задачами интервью с представителями администрации и активистом было установление того: (1) кто участвовал в подготовке «Музея Живой Старинной Вывески» и как строилось взаимодействие между участниками, (2) какой была стратегия преобразований и какие ожидались результаты, (3) какую роль сыграли медиа, (4) как участники оценивают социально-экономические эффекты преобразований; с экспертами обсуждались (5) перспективы Рыбинска, особенно в связи с включением города в мастер-план Большого Золотого кольца [Труханова, 2021].

Помимо этого, был проведен анализ демографического и экономического состояния Рыбинска в динамике. Источник данных для анализа — база данных показателей муниципальных образований. В условиях ограниченного доступа к ретроспективным данным выборка релевантных показателей для изучения включала б параметров. К ним относятся: численность населения (демография), коэффициент естественного прироста (демография), коэффициент миграционного прироста (демография), доходы местного бюджета (экономика), число коллективных средств

^{3.} В статье используется личная информация об интервьюируемых с их предварительного согласия.

Рис. 1. Динамика численности населения города Рыбинска, 2014–2022 гг. Источник: составлено авторами на основе информации Базы данных муниципальных образований.

-1,8

-3,7

-2,4

Таблица 2. Динамика демографических показателей
города Рыбинска,
2014–2022 гг.
Источник: составлено авторами
на основе информации Базы данных муниципальных образований
и личных расчетов
авторов.

размещения (экономика). Также изучались данные СберАналитики по числу туристов с 2018 по 2022 год, предоставленные департаментом туризма города Рыбинска. В ходе анализа выявлялось, оказали ли городские преобразования влияние на демографическую и экономическую ситуацию в Рыбинске.

-1.7

-2,2

-1

4. Результаты

Коэффициент миграци-

онного прироста

4.1. Демография и экономика

Рыбинск – второй по численности населения город Ярославской области после региональной столицы. Анализ демографической ситуации в городе проводился за период с 2014 по 2022 год (или по 2020-й в случае отсутствия более свежих данных) — период рассматриваемых в настоящем исследовании городских преобразований и предшествующие им годы.

На 2022 год, согласно базе данных муниципальных образований, численность населения Рыбинска составляла 179,6 тыс. человек (рис. 1). В городе наблюдается отрицательный демографический тренд: в период с 2014 по 2022 год число жителей сократилось на 7,8%. Значения коэффициентов естественного и миграционного прироста также указывают на негативные демографические тенденции (табл. 2). Динамика коэффициента

естественного прироста Рыбинска соотносится с общероссийским трендом убыли. Динамика коэффициента миграционного прироста алогична: в период комплексного благоустройства и реализации концепции стилизованных вывесок (2018–2019) отток жителей из города только усугубился.

-0,7

0,1

-3,8

Соответственно, во время активных городских преобразований и в последующие годы резкого роста численности постоянного населения не произошло. Отсутствие прямых демографических эффектов от изменений в архитектурноградостроительном облике города также отмечали информанты:

Пока, конечно, демография не в нашу пользу. Город потихоньку вымирает, надо все-таки быть честными. [...] Как бы мы ни плясали и ни устраивали эти вывески, люди [ради вывесок] могут приехать на выходной, но [остаться] жить здесь — нет [LG1].

Касательно демографии пока нечем похвастаться, многие уезжают из города. [...] Недостаточно создать просто красивую среду, потому что молодежи нужно еще учиться. У нас, к сожалению, не хватает в Рыбинске гуманитарного образования — руководство города этим очень активно занимается. [...] Поэтому

Рис. 2. Динамика доходов местного бюджета города Рыбинска, 2014–2020 гг. Источник: составлено авторами на основе информации Базы данных муниципальных образований.

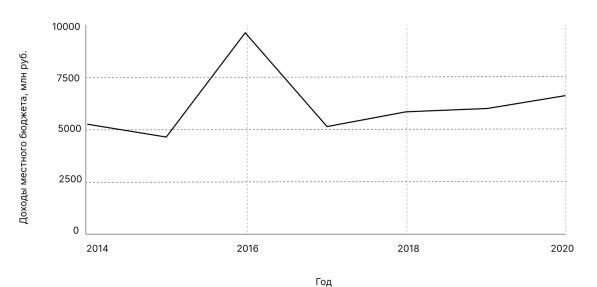
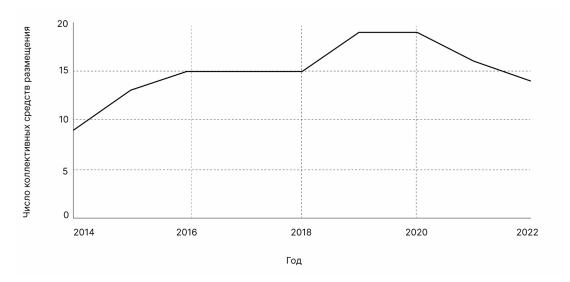

Рис. 3. Динамика числа коллективных средств размещения города Рыбинска, 2014–2022 гг. Источник: составлено авторами на основе информации Базы данных муниципальных образований.

просто обустройство городской среды не способно дать вот этот результат удержания жителей у себя дома [A].

Что касается состояния экономики города, динамика доходов местного бюджета с 2014 по 2020 год нестабильна и характеризуется как положительными, так и отрицательными колебаниями (рис. 2). При этом в период активных городских преобразований (2018–2019) и в последующий год показатели доходов местного бюджета росли.

По словам информантов, реализация проекта «Музей Живой Старинной Вывески» должна была вывести местный туризм на новый уровень. На деле динамика числа коллективных средств размещения с 2014 по 2022 год не отражает значительного увеличения спроса на туристическое жилье (рис. 3). В 2018 году действительно наблюдался рост объектов размещения, но с 2019 года число коллективных средств

размещения в городе стагнирует или уменьшается. При этом кульминацией городских преобразований, интереса СМИ к проекту стали как раз 2019 и 2020 годы.

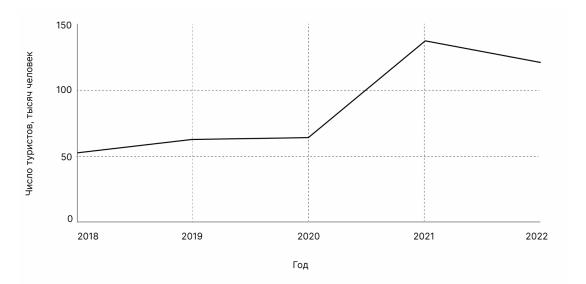
Несмотря на отсутствие значительного увеличения коллективных средств размещения в городе, число туристов в Рыбинске возросло по сравнению с 2018 годом (рис. 4). В 2021 году произошел резкий рост туристических потоков: прирост числа туристов составил 118% к предыдущему году. В 2022 году наблюдается уменьшение числа туристов на 12%. Однако в среднем туристические потоки больше предшествующих 2020 году лет.

4.2. Музей Живой Старинной Вывески

4.2.1. Опыт соуправления

«Музей Живой Старинной Вывески под открытым небом» – проект возрождения исторического облика дореволюционного

Рис. 4. Динамика числа туристов города Рыбинска, 2018–2022 гг. Источник: составлено авторами на основе информации СберАналитики, предоставленной департаментом туризма города Рыбинска.

Рыбинска, который был разработан в артрезиденции «Этно-Кузня» для площади и двух центральных улиц (рис. 5). Автор проекта, Дмитрий Кузнецов, представил идею первому заместителю главы администрации Рыбинска, Дмитрию Рудакову, после чего получил одобрение на реализацию. По утверждению активиста, работа над проектом представляла собой «партнерство художника и маленького круга артели с администрацией» [А]. Действительно, местная власть быстро пошла на сотрудничество: «Когда они [Кузнецов и Рудаков] предложили эту идею, администрация сразу подключилась» [LG3].

[...] я прочитал в рыбинской газете, что в следующем [2017] году будет реставрироваться Красная площадь. Там было написано, что фасады домов будут украшены историческими вывесками. В тот момент я понял, что идея моя была принята [A].

Тем не менее изначально участие Кузнецова не предполагалось: «Разговора со мной в дальнейшем о плане реализации проекта не было» [А]. По его словам, в качественном исполнении идеи не были заинтересованы ни администрация, ни рекламные агентства; вывески были выполнены из пластика из-за «сжатых сроков» [А]. Только после того, как была вывешена изготовленная лично Кузнецовым вывеска для букмекерской конторы BingoBoom (рис. 6), в администрации приняли оригинальные требования активиста к реализации проекта.

Одним из итогов совместной работы над реконструкцией Красной площади стало внесение изменений в Правила землепользования и застройки Рыбинска. В со-

ответствии с ними, «на уровне муниципалитета [был] разработан свой порядок размещения наружной информации на территории города, по которому Рыбинск разделился на три зоны информационного контроля» [LG2]. Так, в зоне особого информационного контроля (историческом ядре города) к вывескам предъявляются требования, выдвинутые активистом: использование натуральных материалов, соответствие текста правилам дореволюционной орфографии, учет стиля и времени постройки здания. Таким образом, идея обрела правовую основу, в связи с чем информантом было отмечено, что «роль администрации одна из основных, поскольку если бы она не разработала и не утвердила соответствующие нормативные правовые акты, то эта идея осталась бы идеей и не более того» [LG2].

«Не то чтобы можно было просто принять регламент» [LG3]: в администрации также подчеркнули, что изменения стали возможны только после выстраивания диалога с предпринимателями – основными стейкхолдерами. Необходимо было обосновать идею и правовые изменения, а также необходимость вложить собственные средства в разработку вывески. Переговоры вели как представители администрации, так и автор проекта, их суть сводилась к объяснению, что текущие финансовые издержки для бизнеса лягут в основу будущей выгоды от привлечения посетителей. «Нам важно было убедить предпринимателей в том, что именно им это нужно. И это именно не то, что навязано сверху, а то, в чем они сами заинтересованы» [LG2]. Сегодня часть расходов на установку вывески покрывает субсидирование [Администрация ГО город Рыбинск, 2019]. На условиях города в Рыбин-

Данные картографической основы: © Участники проекта ОреnStreetMap, МарTiler. Рис. 5. Картосхема преобразований центра Рыбинска Источник: подготовлено авторами.

ске открываются новые точки: ВкусВилл – один из самых ярких примеров (рис. 7).

Сейчас эта работа спокойно ведется: все уже привыкли, что это [требования информационного контроля] нужно выполнять, что эти правила одинаковые для всех. Но в начале, конечно же, было очень тяжело. Фактически никто не понимал цели: «Почему я должен свою пластиковую вывеску менять на какую-то еще?» И расходы, конечно, — приходилось тратиться [LG3].

«Мне кажется, людям было вообще все равно» [LG1]: как было отмечено информантами, взаимодействия с местными жителями по вопросам проекта не подразумевалось вовсе. Причиной указывался «вечный диалог» между сторонами, не позволяющий принимать решения [LG1]. По словам Дмитрия Кузнецова, проект априори не подлежал широкому обсуждению из-за его резонансности: «Люди практически не приняли эту идею, меня разносили в пух и прах и как только не называли» [А]. Как утверждал информант, при реализации больших проектов «компромисс оказывает медвежью услугу» [A].

4.2.2. «Если Рыбинск – значит, вывески»

Имидж города появился не спонтанно, цель — привлечь внимание широкой общественности к городу — была сформулирована изначально. Дмитрий Кузнецов подчеркивает огромную роль СМИ: сразу после реконструкции улиц исторического ядра о рыбинских вывесках начали писать местные издания. Особенно большой резонанс вызвал преобразившийся «Магнит Косметик» (рис. 8), с которым администрация вела наиболее длительные переговоры:

Когда мы повесили «Магнит Косметик», все соцсети посходили с ума, начали выкладывать нашу вывеску—здесь пошел мощный шквал. Мы начали связываться с федеральными каналами, нас стали крутить по телевидению, радио, в прессе. И все ресурсы СМИ выходили на меня [A].

После реконструкции улиц (рис. 9) Рыбинск посетили известные блогеры, среди которых Юрий Дудь⁴, Илья Варламов⁵, Артемий Лебедев и др.: «Конечно же, благодаря таким крупным игрокам, блогерам уже пошла раскрутка. Понятно, что неинтересную идею раскручивать никто не будет» [А]. Раскрутка города в медиа также означала возможность «получить новое финансирование федеральное» [LG3], увеличить туристический поток, поэтому опыт Рыбинска заинтересовал администрации многих городов, например Смоленска, Твери, Липецка и др.

Кто только ни приехал. У нас проект начался — [отреагировала] вся федеральная повестка, не говоря уже о региональной, местной [...] Всевозможные блогеры [...] побывали все, кому не лень [LG2].

«Мне кажется, что нужно эти вывески воспринимать просто как маркетинговый ход» [LG1]: за счет широкого распространения и привлекательности для туристов реализованный проект был призван обеспечить выгоду для города. Такого же мнения придерживается Дмитрий Кузнецов:

Для меня вывеска, как я называю, — это окно в русскую культуру, [...] я так к ней отношусь и всегда относился. Но с точки зрения маркетинга это очень инте-

^{4.} Включен Минюстом России в реестр СМИ-иноагентов.

^{5.} Признан Минюстом России иностранным агентом.

Рис. 6. Бинго-Бум Фото ©Этно-Кузня.

Источник: фото авторов.

Рис. 7. ВкусВилл.

Рис. 8. Магнит Косметик. *Источник*: фото авторов.

Источник:

http://kuznya.ru/muzej-zhivoj-starinnoj-vyiveski.

Рис. 9. Реконструированные улицы Рыбинска *Источник:* фото авторов.

ресная история для развития в туристической области [А].

Таким образом, привлечение туристов в город было основной задачей проекта «Музей Живой Старинной Вывески», что подтвердили обе стороны участников. В администрации города отмечают, что за последние годы действительно произошло увеличение туристического потока, на что оказали влияние внешние обстоятельства, например, пандемия COVID-19. Однако проблемой для муниципалитета является фрагментарность статистики, которую департамент туризма Рыбинска получает в агрегированном виде от областного департамента, что не позволяет подтвердить наблюдения более точной оценкой.

По словам руководителя местного департамента туризма, главная задача в Рыбинске заключается в разработке гостевой

инфраструктуры: «Наш КРІ – увеличение количества коллективных средств размещения» [LG1]. Более того, упоминался ма-

стер-план, который «нацелен на задачу увеличения туристической гостевой инфраструктуры» [LG1]. Однако сегодня статистика не фиксирует роста в этой сфере. Также администрация видит своей задачей насыщение исторического ядра новыми функциями: «Мы немножко ушли в производство и забыли про сферу услуг» [LG1].

4.3. Рыбинск в перспективе

4.3.1. Локальный уровень: благоустройство как драйвер развития

Благоустройство набережной реки Черемухи – проект, который будет реализовываться в Рыбинске на средства, полученные в связи с победой в конкурсе Минстроя РФ по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях (рис. 5). «Мы с чего вообще начали: мы сделали чат такой городской, назвали его в телеграме как "экспертный совет"» [LG1]: при подготовке заявки администрация вовлекала сообщества (например, ВелоРыбинск, Союз Рыболо-

вов и др.) в соучаствующее проектирование. Первый такой опыт не только стал залогом успеха заявки, но и выявил «очень разное представление [жителей] о городе» [LG1].

Я считаю, что это была очень системная, очень правдивая работа. То есть это не просто было так, что администрация представила свое видение, а здесь все-таки [было задействовано] соучаствующее проектирование [LG1].

Согласно материалам проекта, планирование в городе будет происходить в соответствии с комплексным подходом: город старается постепенно увеличивать связность благоустроенных территорий, а также работать над их насыщением [Администрация городского округа город Рыбинск, 2022]. В центре внимания администрации находится развитие исторического ядра города: «Развивать исторический центр, насыщать его какими-то интересными функциями, безусловно, нужно» [LG2]. На данный момент нет желаемого разнообразия в функциях, какие должны быть у городского центра. Тем не менее «сейчас акцент немножечко сдвинулся» [LG2]: развитие периферийных территорий также является важной задачей города. Например, в отдаленных от центра районах администрацией планируется благоустройство парков и скверов, необходимых для повседневного досуга жителей:

Мы понимаем необходимость жителей города в своем микрорайоне иметь социальную инфраструктуру. [...] Мы стараемся как здесь [в центре], так одновременно и там [на периферии], постепенно с годами наращивать объем благоустроенных территорий [LG2].

Таким образом, одну из своих ключевых задач местная власть видит именно в благоустройстве, которому планирует придать системный характер. Такая заинтересованность вызвана прежде всего тем, что за трансформацией городского центра последовало повышение предпринимательской активности: «Уже планка поднята, появляются новые рестораны, и это о чем-то явно говорит [...] Заходит дорогой сегмент» [LG1]. Необходимо отметить, что благоустройство само по себе без экономических стимулов не способно дать такой эффект.

4.3.2. Надлокальное развитие: Большое Золотое кольцо

Перспективы Рыбинска также связаны с включением города в состав макротерритории «Большое Золотое кольцо». Мастер-план туристических зон на территориях девяти регионов Центральной России разрабатывается Государственной корпорацией развития ВЭБ.РФ. По словам экспертов, мастер-план включает логистически связанные «курорты» – «территории, на которых размещены какие-то большие, связанные комплексы туристической инфраструктуры» [E2]. Мастер-план разрабатывается в масштабе субъектов, соответственно, прямое взаимодействие происходит с региональным уровнем, при этом муниципалитеты прямого участия в принятии решений не принимают.

Мы постарались максимально интегрировать действия администраций относительно городской среды в наш проект. Хотя предложения непосредственно по городу наш проект не предполагал [E1].

Мы общались с администрацией Рыбинска, и там как раз говорили о том, что у них есть некие проблемы с туристами и [...] свои решения, которые они хотели бы отражать в мастер-плане. [...] У нас история такая: поскольку у нас стратегический документ, приоритетная коммуникация ведется на уровне регионов, [а] города и муниципалитеты мы подключаем на уровне проработки [E2].

Так, мы предполагаем, что проект только косвенно отразится на дальнейшем развитии города, особенно в связи с тем, что, по словам экспертов, в черте города Рыбинска не были выделены участки под размещение новых объектов инфраструктуры [Е2]. Иными словами, с точки зрения методологии проекта Рыбинск не является приоритетной зоной развития туризма в Ярославской области.

Мы [...] смотрим, какие города могут быть приоритетными с точки зрения развития туризма, где есть возможность размещения дополнительной туристской инфраструктуры. [...] Иногда получалось так, что мы упирались в отсутствие материальной базы: отсутствие земельных участков, инфраструктуры,

которая нужна для дальнейшего развития [Е2].

Таким образом, стремление администрации Рыбинска к увеличению гостевой инфраструктуры объяснимо, однако, по всей видимости, между пониманием туристического мастер-плана на местном уровне как плана по развитию гостевой части города и замыслом проекта федерального уровня есть явные противоречия. Это свидетельствует о пробелах в коммуникации между уровнями управления развитием территорий.

5. Заключение

В настоящей статье представлен взгляд изнутри на городские преобразования в Рыбинске – городе, который стал широко известен благодаря дореволюционному облику центра. Городские преобразования в рамках статьи – широкий термин, под которым понимаются изменения в городе, проявляющиеся в виде физических, средовых и социально-экономических индикаторов. Конструктор городских преобразований был концептуализирован как совокупность инструментов (средств) и практик (действий). Целью исследования было выявление инструментов и описание практик с помощью интервью с основными участниками преобразований. Этот анализ подкреплялся экспертным интервью и обзором некоторых экономических и демографических показателей.

Доступные данные не позволяют говорить о коренных социально-экономических изменениях после реализации проекта; более того, видимая тенденция – рост туристического потока – оказалась нестабильной.

Исследуемые городские преобразования, во-первых, включают изменения в физическом пространстве. В Рыбинске главным индикатором выступили вывески и фасады, а также элементы благоустройства площади и двух исторических улиц. Идея воссоздания исторического образа Рыбинска не могла быть реализована посредством одного лишь монтажа вывесок, поскольку само физическое окружение должно было в первую очередь соответствовать историческому контексту, к которому отсылают вывески, а также привлекать к себе внимание со стороны жителей и туристов. Задачей администрации города было также оживление центра города. Пример Рыбинска показал, что реконструкция может служить самостоятельной

практикой по повышению привлекательности города.

В ходе интервью с представителями администрации, которое произошло уже после победы Рыбинска в конкурсе от Минстроя РФ, они проявляли высокую заинтересованность в благоустройстве города. Это служит отражением ориентации на комфорт, продвигаемой федеральным проектом и конкурсом, а также влияния программ по повышению квалификации муниципальных служащих. Тем не менее качественные эффекты от реализованных проектов в рамках конкурса только предстоит изучить исследователям.

Городские преобразования, во-вторых, включают средовой аспект (находятся в плоскости концепта городской среды) – медиакультурную и социальную жизнь города. Важно отметить, что Рыбинск стал городом с узнаваемым образом. Цель проекта – привлечь внимание общественности и туристов к Рыбинску – не могла быть достигнута без медиапродвижения, даже при условии грамотной работы с культурным наследием. Большую роль здесь сыграл активист проекта, который является медийной личностью. Изменения в идентичности города произошли во многом благодаря обширному освещению рыбинских вывесок в СМИ.

В качестве инструментов преобразования города в Рыбинске использовались реконструкция и дизайн-код, благоустройство, медиапродвижение и территориальный брендинг, а также соуправление.

Практика соуправления проектом «Музей Живой Старинной Вывески» – пример самостоятельной стратегии по развитию города. Случай Рыбинска подчеркивает важность изучения городского соуправления и в централизованных политических системах. И хотя готовность администрации разделить обязанности по реализации проекта с инициативным жителем присутствовала не с самого начала, диалог произошел и между участниками сложились партнерские отношения, которые, по-видимому, и стали решающим инструментом городских преобразований в Рыбинске.

Источники

Абагеро Д.Д. (2021) Концепция соучаствующего проектирования Генри Саноффа//Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 27. № 1. С. 239—250. Администрация городского округа город Рыбинск (2022) Всероссийский конкурс лучших проектов

- создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Материалы проекта.
- Администрация городского округа город Рыбинск (2019) Постановление Администрации городского округа город Рыбинск № 1349 от 27 мая 2019 г. «О комиссии по отбору юридических лиц, индивидуальных предпринимателей на получение субсидий на возмещение части затрат, связанных с приобретением (изготовлением) информационных конструкций».
- Бурлакова Е.В., Качалова С.М. (2019) Стратегия повышения конкурентоспособности бренда территории//Инновационная экономика и право. № 1. С. 13-17.
- Верещагина Е.И. (2021) Соучаствующее проектирование: особенности подхода в России//Городские исследования и практики. Т. 6. № 2. С. 7-25.
- Гейл Я. (2012) Города для людей. М.: Альпина Паблишер.
- Гржибовская О. (2022) Рыбинск привлекает капитал//Рыбинские известия. Режим доступа: https://gazeta-rybinsk.ru/2022/02/25/98280 (дата обращения: 29.07.2023)
- Гунько М.С., Пивовар Г.А. (2018) Участие/неучастие населения в городском планировании//Регион: экономика и социология. № 2. С. 241–263.
- Де Серто М. (2013) Изобретение повседневности. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Должность главного архитектора появится в Рыбинске (2019) АиФ-Ярославль. Режим доступа: https://yar.aif.ru/society/persona/dolzhnost_glavnogo_arhitektora_poyavitsya_v_rybinske (дата обращения: 29.07.2023).
- Крутикова С. (2022) Дмитрий Рудаков объявил о новых назначениях в администрации Рыбинска//Вести.Ярославль. Режим доступа: https://vesti-yaroslavl.ru/novosti/item/65426-dmitrij-rudakov-obyavil-o-novykh-naznacheniyakh-v-administratsii-rybinska (дата обращения: 06.08.2023).
- Кузнецов М. (2020) Музей Живой Старинной Вывески (Рыбинские вывески)//Этно-Кузня. Мультимедийная усадьба. Режим доступа: http://kuznya.ru/muzej-zhivoj-starinnoj-vyiveski (дата обращения: 06.08.2023).
- Лебедева Т., Ассадель А., Кормановская Т., Эпштейн Л. (2014) Геобрендинг: практическая коммуникация в продвижении территорий. Париж: L>Harmattan.
- Маккуайр С. (2014) Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. Москва: Strelka Press.
- Моляренко О.А. (2021) Местное самоуправление в современной России, или Хроники крайней власти//Мир России. Социология. Этнология. Т. 30. № 1. С. 8–28.
- Сморгунов Л.В. (2001) Сетевой подход к политике и управлению//ПОЛИС. Политические исследования. № 3. С. 103-112.
- Титов Э.А. (2021) Эффективность городского соуправления в региональных городах России (на примере Якутии)//Городские исследования и практики. Т. 6. № 2. С. 48-64.
- Труханова Э. (2021) Большое Золотое кольцо сделают туристическим макрорегионом//RG.RU.

- Режим доступа: https://rg.ru/2021/11/30/reg-cfo/bolshoe-zolotoe-kolco-sdelaiut-turisticheskim-makroregionom.html (дата обращения: 06.08.2023).
- Минстрой России (2023) Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». Режим доступа: https://minstroyrf.gov.ru/trades/zhilishno-kommunalnoe-hozyajstvo/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkkhi-gorodskaya-sreda/ (дата обращения: 11.08.2023).
- Федеральная служба государственной статистики. База данных показателей муниципальных образований. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst78&r=78715000.
- Харитонова П. (2022) О назначении главным архитектором Рыбинска, влиянии на облик города и знаменитых рыбинских вывесках//Архитекторы.рф. Режим доступа: https://apхитекторы.pф/blog/polina-haritonova-stala-glavnym-arhitektorom-rybinska (дата обращения: 06.08.2023).
- Alcantara C., Broschek J., Nelles J. (2016)
  Rethinking Multilevel Governance as an
  Instance of Multilevel Politics:
  A Conceptual Strategy//Territory, Politics,
  Governance. Vol. 4. No. 1. P. 33-51.
- Appadurai A. (1996) Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Charbit C. (2020) From 'de Jure' to 'de Facto'
  Decentralised Public Policies: The MultiLevel Governance Approach//The British
  Journal of Politics and International
  Relations. Vol. 22. No. 4. P. 809819.
- DiGaetano A., Strom E. (2003) Comparative Urban Governance: An Integrated Approach//Urban Affairs Review. Vol. 38. No. 3. P. 356-395.
- Faguet J.P. (2014) Decentralization and Governance//World Development. Vol. 53. P. 2-13.
- Gunko M., Zupan D., Riabova L., Zaika Y.,
  Medvedev A. (2022) From Policy Mobility to
  Top-down Policy Transfer: 'Comfortization'
  of Russian Cities Beyond Neoliberal
  Rationality//Environment and Planning C:
  Politics and Space. Vol. 40. No. 6. P. 1382–
  1400.
- Heinelt H. (2012) Local Democracy and Citizenship//The Oxford Handbook of Urban Politics/ed. by P. John, K. Mossberger, and S.E. Clarke. Oxford: Oxford University Press.
- Moscardo G., Konovalov E., Murphy L.,
  McGehee N.G., Schurmann A. (2017) Linking
  Tourism to Social Capital in Destination
  Communities//Journal of Destination
  Marketing & Management. Vol. 6. No. 4.
  P. 286–295.
- Oliveira L.A. D., Triana B. (2023) A

  Postcolonial Approach to the Right to the
  City//Oxford Research Encyclopedia of
  Anthropology/ed. by S. Chirikure. Oxford:
  Oxford University Press. https://doi.
  org/10.1093/acrefore/9780190854584.013.590.

- Peters B.G., Pierre J. (2012) Urban
  Governance//The Oxford Handbook of Urban
  Politics/ed. by P. John, K. Mossberger,
  S.E. Clarke. Oxford: Oxford University
  Press
- Sandford M. (2020) Giving Power Away? The 'De-words' and the Downward Transfer of Power in Mid-2010s England//Regional & Federal Studies. Vol. 30. No. 1. P. 25-46.
- Sanoff H. (1999) Community Participation Methods in Design and Planning. New York: John Wiley & Sons.
- Sanoff H. (2010) Democratic Design:
  Participation Case Studies in Urban and
  Small Town Environments. Saarbrucken,
  Germany: VDM.
- Sellers J.M., Lidström A. (2007)

  Decentralization, Local Government, and the Welfare State//Governance. Vol. 20. No. 4. P. 609-632.
- Shirvani Dastgerdi A., De Luca G. (2019)
  Strengthening the City's Reputation in the Age of Cities: An Insight in the City
  Branding Theory//City, Territory and
  Architecture. Vol. 6. Article 2. https://doi.org/10.1186/s40410-019-0101-4.
- Silverstone R. (2013) Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. New York: John Wiley & Sons.
- Visser R. (2010) Cities Surround the Countryside: Urban Aesthetics in Postsocialist China. Durham, NC: Duke University Press.
- Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model: Researching Russian Urban Planning and Design Through Policy Mobilities//Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 7–22.

"CONSTRUCTION SET" OF URBAN TRANSFORMATION: ALTERNATIVE PRACTICE OF RYBINSK, RUSSIA

Olga I. Kuchina, Bachelor's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: kuchina.ollie@gmail.com Ekaterina V. Lettieva, Bachelor's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000. Russian Federation. E-mail: ekaterina.v.lettieva@gmail.com Sofya G. Torosyan, Bachelor's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: sgtorosyan@gmail.com

Abstract. Nowadays in Russia, construction of convenient urban spaces has become a prevalent practice, influenced by "The Comfortable City Environment" federal project and, specifically, the contest of projects in cities and historic settlements. Nevertheless, a request for uniqueness is present on the local scale. Ingenious projects of space and place transformation allow the cities to stand out among others, drawing the attention of tourists and the general public. The case study focuses on the city of Rybinsk, Yaroslavl region, Russia, famous for its exceptional experience of the city centre renovation. In this paper, a complex notion of space transformation was metaphorically presented as a «construction set». It contains a set of tools (facilities) and practices (dynamic actions). For better understanding of the arrangement of the «construction set» we interviewed the main contributors to Rybinsk transformation and spatial development experts. Findings demonstrate that even with a relatively stable set of tools, practices as flexible categories are highly dependent upon local circumstances. That is why a single universal or best example of «construction set» does not exist and it is necessary to create a more extensive corpus of data on urban space transformation, based on in-depth qualitative research, for potential compari-

Key words: urban transformation; urban governance; participatory planning; place branding; reconstruction; design code

Citation: Kuchina O.I., Lettieva E.V.,

Torosyan S.G. (2023) "Construction Set" of
Urban Transformation: Alternative Practice of
Rybinsk, Russia. Urban Studies and Practices,
vol. 8, no 4, pp. 54-68. DOI: https://doi.
org/10.17323/usp8420254-68 (in Russian)

References

Abagero D. (2021) Kontseptsiya souchastvuyushchego proyektirovaniya Genri Sanoffa [Henry Sanoff's Concept of Participatory Design] Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya [Bulletin of

- Moscow University, Series 18, Sociology and Politology], vol. 27, no 1, pp. 239–250. (in Russian)
- Administratsiya gorodskogo okruga gorod Rybinsk (2022) Vserossiyskiy konkurs luchshikh proyektov sozdaniya komfortnoy gorodskoy sredy v malykh gorodakh i istoricheskikh poseleniyakh. Materialy proyekta [Best Projects Contest for Creating a Comfortable Urban Environment in Small Towns and Historical Settlements all over Russia. Project Materials]. (in Russian)
- Administratsiya gorodskogo okruga gorod Rybinsk (2019) Postanovleniye Administratsii gorodskogo okruga gorod Rybinsk No. 1349 ot 27 maya 2019 g. "0 komissii po otboru yuridicheskikh lits, individual'nykh predprinimateley na polucheniye subsidiy na vozmeshcheniye chasti zatrat, svyazannykh s priobreteniyem (izgotovleniyem) informatsionnykh konstruktsiy" [Decree of the Administration of Rybinsk Urban District No. 1349 of 27 May 2019 "On the Selection Commission of Legal Entities, Individual Entrepreneurs to Receive Subsidies for Reimbursement of a Part of the Costs Associated with the Acquisition (Manufacture) of Information Constructions"]. (in Russian)
- Alcantara C., Broschek J., Nelles J. (2016) Rethinking Multilevel Governance as an Instance of Multilevel Politics: A Conceptual Strategy. Territory, Politics, Governance, vol. 4, no 1, pp. 33-51.
- Appadurai A. (1996) Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Burlakova E.V., Kachalova S.M.
  (2019) Strategiya povysheniya
  konkurentosposobnosti brenda territorii [Strategy for Increasing
  the Competitiveness of a Territory
  Brand] Innovatsionnaya ekonomika i
  pravo [Innovational Economics and
  Law], no 1, pp. 13–17. (in
  Russian)
- Charbit C. (2020) From 'de Jure' to 'de Facto' Decentralised Public Policies: The Multi-Level Governance Approach. The British Journal of Politics and International Relations, vol. 22, no 4, pp. 809-819.
- De Certeau M. (2013) Izobretenie povsednevnosti [The Practice of Everyday Life]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeiskoko Universiteta

- [Publishing House of European University]. (in Russian)
- DiGaetano A., Strom E. (2003)
  Comparative Urban Governance: An
  Integrated Approach. *Urban Affairs*Review, vol. 38, no 3, pp. 356-
- Faguet J.P. (2014) Decentralization and Governance. World Development, vol. 53, pp. 2-13.
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Federal State Statistics Service] Baza dannykh pokazateley munitsipal'nykh obrazovaniy. [Database of Indicators of Municipalities]. Available at: https://rosstat.gov.ru/scripts/ db_inet2/passport/pass.aspx-?base=munst78&r=78715000. (in Russian)
- Gehl J. (2012) Goroda dlya lyudej
   [Cities for People]. M.: Alpina
   Publisher. (in Russian)
- Gunko M.S., Pivovar G.A. (2018)

  Uchastiye/neuchastiye naseleniya v
  gorodskom planirovanii.

  [Participation/Non-participation
  of the Population in Urban
  Planning] Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: economics and
  sociology], no 2, pp. 241–263. (in
  Russian)
- Gunko M., Zupan D., Riabova L.,
  Zaika Y., Medvedev A. (2022) From
  Policy Mobility to Top-down Policy
  Transfer: 'Comfortization' of
  Russian Cities Beyond Neoliberal
  Rationality. Environment and
  Planning C: Politics and Space.
  Vol. 40. No. 6, pp. 1382–
  1400.
- Heinelt H. (2012) Local Democracy and Citizenship. The Oxford Handbook of Urban Politics/P. John, K. Mossberger, and S.E. Clarke (eds.). Oxford: Oxford University Press..
- Lebedeva T., Assadel' A.,
  Kormanovskaya T., Epshteyn L.
  (2014) Geobrending: prakticheskaya kommunikatsiya v prodvizhenii territoriy. [Geobranding:
  Practical Communication in
  Promoting a Territory.] Paris:
  L'Harmattan. (in Russian)
- McQuire S. (2014) Medijnyj gorod: media, arhitektura i gorodskoe prostranstvo [The Media City: Media, Architecture and Urban Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian).
- Molyarenko O. (2021) Mestnoye samoupravleniye v sovremennoy Rossii, ili Khroniki krayney vlasti [Local Self-Government in Contemporary Russia, or Regional Government Chronicles]. *Mir Rossii*. *Sotsiologiya*. *Etnologiya*. [Universe of Russia. Sociology.

- Ethnology.], vol. 30, no 1, pp. 8-28. (in Russian)
- Moscardo G., Konovalov E.,
  Murphy L., McGehee N.G.,
  Schurmann A. (2017) Linking
  Tourism to Social Capital in
  Destination Communities. Journal
  of Destination Marketing &
  Management, vol. 6, no 4, pp. 286–
  295.
- Oliveira L.A. D., Triana B. (2023)

  A Postcolonial Approach to the Right to the City. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology/
  S. Chirikure (ed.). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acrefore/
  9780190854584.013.590.
- Peters B.G., Pierre J. (2012) Urban Governance. The Oxford Handbook of Urban Politics/P. John, K. Mossberger, S.E. Clarke (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Sandford M. (2020) Giving Power
  Away? The 'De-words' and the
  Downward Transfer of Power in Mid2010s England. *Regional & Federal*Studies, vol. 30, no 1, pp. 25–
  46.
- Sanoff H. (1999) Community
  Participation Methods in Design
  and Planning. New York: John Wiley
  & Sons.
- Sanoff H. (2010) Democratic Design:
  Participation Case Studies in
  Urban and Small Town Environments.
  Saarbrucken, Germany: VDM.
- Sellers J.M., Lidström A. (2007)
  Decentralization, Local
  Government, and the Welfare state.
  Governance, vol. 20, no 4,
  pp. 609-632.
- Shirvani Dastgerdi A., De Luca G. (2019) Strengthening the City's Reputation in the Age of Cities: An Insight in the City Branding Theory. City, Territory and Architecture, vol. 6, article 2. https://doi.org/10.1186/s40410-019-0101-4.
- Silverstone R. (2013) Media and Morality: On the Rise of the Mediapolis. New York: John Wiley & Sons.
- Smorgunov L.V. (2001) Setevoy podkhod k politike i upravleniyu. [Network Approach to Policy and Management] *POLIS. Politicheskiye* issledovaniya [POLICY. Political Studies], no 3, pp. 103-112. (in Russian)
- Titov E. (2021) Effektivnost'
  gorodskogo soupravleniya v regional'nykh gorodakh Rossii (na primere Yakutii) [Efficiency of Urban
  Governance in Regional Cities of
  Russia (on the Example of
  Yakutia)]. Gorodskiye issledovaniya i praktiki [Urban Studies and

Practices], vol. 6, no 2, pp. 48-64. (in Russian) Vereshchagina E. (2021)

Souchastvuyushcheye proyektirovaniye: osobennosti podkhoda v Rossii [Participatory Planning: The Features of the Approach in Russia]. Gorodskiye issledovaniya i praktiki [Urban Studies and

Practices], vol. 6, no 2, pp. 7–25. (in Russian) Visser R. (2010) Cities Surround the Countryside: Urban Aesthetics in Postsocialist China. Durham, NC: Duke University Press. Zupan D., Gunko M. (2019) The Comfortable City Model:

Researching Russian Urban Planning

and Design Through Policy Mobilities. Gorodskie issledovaniya i praktiki [Urban Studies and Practices], vol. 4, no 3, pp. 7-22.

Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование появляется в муниципальных округах Петербурга¹

Алина Дмитриева

Введение

С 60-х годов XX века о практиках вовлечения жителей не только в обсуждение, но и в сам процесс разработки решений местных вопросов стали говорить как о новой волне городского активизма или эксперименте в местном управлении. В эти годы в США объединения людей, получившие название grassroots movement, активно выступали за соблюдение и расширение гражданских прав, за поддержку низовых инициатив и самостоятельное управление вопросами локального уровня. Немного позже страны Латинской Америки с запуском неолиберальных реформ начали искать способ снизить не только уровень безработицы, но и дезинтеграции разных групп населения, способ сократить разрыв между этими группами и встроить их в одну структуру общественной жизни. Так в 1989 году в Бразилии появился партисипаторный бюджет – распределение доли городского бюджета на нужды,

Автор выражает благодарность Дмитрию Аркатову— за помощь с регрессионным анализом и членам научно-учебной группы НИУ ВШЭ— за содействие в сборе базы данных. Дмитриева Алина Евгеньевна, социальный исследователь, урбанист, специалист по вовлечению жителей в проекты пространственного развития; Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 123. E-mail: ahdmitrieva@gmail.com

Автор анализирует причины появления практики соучаствующего проектирования на уровне муниципальных округов в Санкт-Петербурге. Сформулировав на основе опыта крупных российских городов пять случаев использования соучаствующего проектирования, автор сосредотачивается на последнем-на инициативе муниципальных советов применять практики вовлечения. Почему эта инициатива рождается, несмотря на сужающееся поле полномочий и урезающийся бюджет? Обзор существующей литературы позволил вывести гипотезы: на появление практик вовлечения в муниципальных округах может влиять средний возраст членов совета и ценности партий или обшественных объединений, к которым они принадлежат. Была составлена база данных, содержащая сведения о 111 муниципальных советах в Санкт-Петербурге: количество депутатов в советах, попавших туда после выборов 2019 года, их партийная принадлежность, субъект выдвижения главы совета, средний возраст депутатов, ссылки на официальные и неформальные информационные ресурсы округа в интернете. Так как одним из принципов практик вовлечения, в частности соучаствующего проектирования, является прозрачная информационная кампания, автор использовал поиск в интернет-ресурсах анонсов о проектных семинарах по ключевым словам в качестве инструмента сбора сведений о наличии или отсутствии соучастия в округе. С помощью регрессионного анализа автору удалось подтвердить две гипотезы из трех: с возрастанием доли депутатов, выдвинутых условно демократическими силами, росла и вероятность встретить в округе соучаствующее проектирование, а с ростом среднего возраста депутатов в совете эта вероятность снижалась. Партийная принадлежность главы совета не показала значимого эффекта.

Ключевые слова: практики вовлечения; соучаствующее проектирование; муниципальный округ; муниципальный совет; Санкт-Петербург

Цитирование: Дмитриева А.Е. (2023) Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)» в 2022 г. (НУГ).

которые горожане сами выделяют как приоритетные. Помимо соучастия в принятии бюджета появляются практики соучастия в проектировании городского пространства. Так, например, после падения Берлинской стены соучаствующее проектирование применяли для переосмысления освободившихся от ограждения территорий [Щукин, 2018]. Сегодня некоторые механизмы соучастия уже входят в программные документы: соучаствующее проектирование, например, включено в руководство по городскому устойчивому развитию для муниципалитетов, подготовленное Программой ООН по населенным пунктам [UN-HABITAT, 2007]. В то же время в России, где все еще распространено отношение к соучаствующему проектированию как к эксперименту, обязательное вовлечение горожан в проекты благоустройства уже прописано в паспорте программы «Жилье и городская среда» Министерства строительства РФ [Минстрой России, 2018].

Под соучаствующим проектированием понимают «процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта» [Санофф, 2015, с. 5]. В отличие от устоявшихся широко используемых институтов гражданского участия, например публичных слушаний, где происходит сбор мнений по уже подготовленному проекту, соучаствующее проектирование предполагает вовлечение во все этапы подготовки проекта. Это и совместная разработка общей идеи планировки и благоустройства участка, формулировка функций, которые проект должен выполнять, ценностей, которые важно сохранить, и проблем, которые важно решить, и совместная доработка предварительных концепций, и корректировка финального проекта; нередко жители также могут выбрать общественный участок земли, на котором будет реализован проект и который наилучшим образом соответствует их требованиям и нуждам.

Институт развития городов Башкортостана предлагает разделять развитие российской практики вовлечения в проектирование на три периода. Это зарождение и первые эксперименты с вовлечением в 2000-х годах, появление проектных бюро и специалистов по вовлечению, создание первых крупных проектов в 2010-х и попадание соучаствующего проектирования общественных пространств в федеральную повестку в 2015–2020-е годы [ИРГБ, 2021]. Период первого опыта вовлечения связывают с такими именами, как В. Л. Глазычев, К.В. Кияненко, С. Малахов, Е. Репина, и другими поздне- и постсоветскими исследователями и практиками человекоцентричного преобразования городской среды. Нередко в качестве отправной точки отмечается экспедиция В.Л. Глазычева «Глубинная Россия», по окончании которой он написал книгу о жизни и устройстве малых городов России. Помимо культурологических заметок о городах, автор также отмечает свои наблюдения о трудностях взаимодействия местного гражданского общества с администрациями, рассуждает о том, как можно было бы наладить их диалог и как бы это помогло развитию городской среды [Глазычев, 2005]. А в 2000-е художник Николай Полисский и его коллеги переезжают в деревню Никола-Ленивец в Калужской области и случайно открывают для себя вовлечение: после того как они начали лепить снеговиков в поле, к ним присоединились многие жители деревни; так родился проект «Снеговики», который художники и местные жители повторяли из года в год [Никола-Ленивец, 2018]. Сегодня Никола-Ленивец стал самым крупным ленд-арт-парком Европы – художники, местные ремесленники и жители делают инсталляции и вписывают их в ландшафт, из года в год меняя среду вокруг себя.

появляется в муниципальных округах Петербурга//Городские исследования и практики. Т. 8. № 4. С. 69-84. DOI: https://doi.org/10.17323/usp84202369-84

И опыт первых постсоветских урбанистов, и эксперименты в Никола-Ленивце внесли идею совместной работы над преображением среды с местными жителями в обсуждение на архитектурных и художественных конференциях. Спустя годы в России появляются первые проектные бюро, которые ищут пути вписать соучастие в свою регулярную работу. Так, например, возникла «Проектная группа 8», запустившая первые проекты с соучаствующим проектированием в Вологде в 2011-2012 годах. Одним из первых вологодских проектов стал проект «Активация», в рамках которого по всему городу совместно с жителями, представителями органов власти и инвесторами команда архитекторов спроектировала пять мультифункциональных общественных пространств [Снигирева, 2014, с. 63]. В тот же период появляется такое направление, как «городской консалтинг», пионерами в котором можно назвать конструкторское бюро «Стрелка», созданное в 2013 году. Одним из их основных направлений работы стали социальные исследования, консультирование проектировщиков общественных пространств, чтобы те были разработаны исходя из нужд потенциальных пользователей. Наконец, в те же годы первых специалистов, владеющих инструментами вовлечения и понимающих их, начали выпускать Высшая школа урбанистики имени А. А. Высоковского и Московская высшая школа социальных и экономических наук.

Активная работа появившихся бюро и исследовательских центров, интерес активистских групп к урбанистике, городской среде и качественным общественным пространствам были замечены на федеральном правительственном уровне. В 2018 году Министерство строительства РФ публикует национальный проект «Жилье и городская среда», в который включено вовлечение: в документ вписан критерий «создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды» и установлена доля в 30% для жителей, которых необходимо вовлечь [Минстрой России, 2018]. В том же 2018 году был запущен федеральный конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды. Наконец, в 2020 году Агентство стратегических инициатив и Министерство строительства разработали стандарт вовлечения с подробными рекомендациями по проведению соучаствующего проектирования и других форматов вовлечения в решение вопросов благоустройства (рейтинговое голосование,

городские квесты и прогулки и пр.) [АСИ, 2020].

Суммируя около двух десятилетий российского опыта применения соучастия в проектировании, можно выделить пять типов ситуаций, когда мы сталкиваемся с этой практикой:

- 1. Когда муниципалитеты участвуют в программе «Формирование комфортной городской среды» (далее – ФКГС), в частности, готовятся к Всероссийскому конкурсу лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. В этих случаях вовлечение жителей в разработку проекта общественных пространств является обязательным при оценке проектов экспертами. Зачастую благоустройство небольших пространств в маленьких поселениях, обустраиваемых за субсидию по ФКГС, обходится вовлечением в виде общественных слушаний, регионального голосования, онлайн-опроса. Регионы с сильными центрами компетенций могут себе позволить более глубокое вовлечение, организацию проектных семинаров для таких маленьких проектов. Для победы во Всероссийском конкурсе предпроектное исследование, соучаствующее проектирование и дополнительные разнообразные форматы вовлечения заинтересованных групп жителей необходимы.
- 2. Когда конкретный муниципалитет устраивает локальный эксперимент. Так, например, произошло в Санкт-Петербурге. Комитет финансов в 2016 году организовал удачный проект инициативного бюджетирования «Твой бюджет», а в 2020 году Комитет по благоустройству решил применить вовлечение и в проектировании, запустив проект «Твой город». Также известен случай организации правительством города международного ландшафтного конкурса с соучаствующим проектированием парка «Тучков буян» в Петроградском районе.
- 3. Когда в дело вступают прогрессивные девелоперские компании. Медленными темпами появляются примеры использования соучаствующего проектирования специалистами компаний-застройщиков: с дольщиками разрабатываются проекты внутренних дворов, с жителями соседствующих жилых комплексов обсуждается будущий соседский центр. В 2022 году так был возведен и сдан

- в эксплуатацию центр впечатлений SCANDI на площади Туве Янссон в Новой Москве. Концепция была разработана специалистами ГК «A101» и активными жителями ЖК «Скандинавия».
- 4. Соучаствующее проектирование может проводиться по инициативе городских активистов при поддержке местных администраций. В 2017 году группа активистов провела исследование набережной реки Карповки, выявила запрос жителей на реорганизацию территории и с практически готовым проектным предложением пришла в администрацию Петроградского района. Сессии соучаствующего проектирования помогли сформулировать и воплотить проект современного общественного пространства, создать соседское сообщество «Друзья Карповки».
- 5. Наконец, соучаствующее проектирование может применяться как новая практика на уровне местного самоуправления. Для меня особенно интересны примеры городов федерального значения, где город разделен на районы, а районы – на еще меньшие единицы, муниципальные округа, со своими администрациями и советами. Муниципальные депутаты в таких округах имеют крайне ограниченные полномочия. В целом задачи не выходят за рамки принятия бюджетного плана, проведения депутатских приемов, выпуска газеты. Однако в настоящее время в некоторых муниципальных образованиях появляются свои экспериментальные форматы: соседские фестивали, районные шеринг-ярмарки, соучаствующее проектирование дворов. Кто-то ищет более эффективный способ выполнять свои полномочия, кто-то поддерживает идею соседских сообществ – причины для появления соучастия на уровне МСУ могут быть разные.

В центре внимания этой статьи – пятый тип истории, рассмотренный в контексте Санкт-Петербурга. Как город федерального значения Петербург поделен на районы, а те – на 111 муниципальных округов. В каждом из округов есть своя муниципальная администрация и совет, поддерживающие состояние муниципальных территорий по мере своих крайне ограниченных полномочий и ресурсов. Однако в условиях этой ограниченности в 2020-е годы в разных муниципальных округах стали появляться новые практики управления округом и практики добросо-

седства: соучаствующее проектирование дворов или общественных пространств, соседские фестивали и ярмарки, тактический урбанизм.

Но почему, имея большие ограничения и в полномочиях, и в бюджете, некоторые муниципальные округа проявили инициативу и запустили подобные соседские практики, в частности соучаствующее проектирование? Ключевое предположение этой статьи строится вокруг муниципальных выборов 2019 года в Санкт-Петербурге. После этих выборов многие муниципальные советы заметно изменились в составе, пополнившись депутатами новой волны. Это было особенно заметно в муниципальных округах центра города. Так, например, Владимирский округ получил значительно обновленный муниципальный совет, состоящий из самовыдвиженцев, не сталкивавшихся с политикой на практике до этого, но занимавшихся социальным предпринимательством или активизмом, членов партии «Яблоко» и членов партии «Справедливая Россия». Однако контекст любого города, в том числе Санкт-Петербурга со своей своеобразной структурой местного самоуправления, не будет полностью раскрыт, если рассматривать его без связки с режимом управления федерального уровня.

Теоретический обзор и вывод гипотез

Практики соучастия в государственном управлении и местном самоуправлении зачастую относят к более широкому понятию демократических инноваций. Под демократическими инновациями имеются в виду процессы, практики или институты, новые для органов власти, организаций и пр., ответственных за принятие и воплощение решений, направленных на углубление роли жителей в процессах управления (governance) с помощью расширения возможностей для их участия, делиберации и влияния [Elstub, 2019, p. 11]. Это комплексное понятие развивалось под влиянием моделей партисипаторной и делиберативной демократий.

Обе демократические модели возникли во второй половине XX века как реакция на все более ощутимое неравенство прав граждан и ограничение возможности влиять на принимаемые властями решения. В 1960-х годах в США расцвело движение «Студенты за демократическое общество» (Students for a Democratic Society or SDS), активно продвигавшее идею партисипа-

торной демократии. Они не были изобретателями самих принципов консенсусного решения, инклюзивности, всего того, что лежит в основе партисипаторной модели, но их активная декларация этих идей в болезненное для значительной части американского общества время войны во Вьетнаме стала одним из сильных толчков для развития партисипаторной демократии как теоретической концепции. Призывая правительство своей страны выйти из войны, группа так называемых радикальных демократов распространяла и идеи механизмов, через которые население могло бы делиться своим мнением, напрямую влиять на будущие решения. В теоретической литературе появляются типологии гражданского участия: Шерри Арнштейн и ее лестница гражданского участия возникла как раз на пике активности студенческого демократического движения и дружественных им активистских сообществ. В этой работе я определяю партисипаторную демократию как модель, базирующуюся на прямом участии жителей в обсуждении и принятии решений в тех сферах, которые непосредственно влияют на их качество жизни. Нередко идею делиберативной демократии, возникшую в 80-х годах в трудах Ю. Хабермаса, Д. Ролза и др., представляют как критику партисипаторной модели, но с другой стороны, делиберативную модель можно назвать ее смысловым продолжением. Я придерживаюсь второй позиции и считаю, что обе модели не противоречат друг другу, наоборот, включают множество общих элементов. Самое главное – и делиберативная, и партисипаторная модели предполагают непосредственное участие граждан в процессе принятия управленческих решений. Ключевая разница в том, на чем в моделях фокусируют внимание: партисипаторная демократия акцентирует внимание на обеспечении полного равенства и инклюзивности, а делиберативная – на проблеме знания, вдумчивого и разумного решения.

Интересно, что эта разница до сих пор вызывает обсуждения среди практиков о том, что же для соучастия важнее: акцент на полном равенстве и доступности или на повышении осведомленности участников и их глубоком, взвешенном решении? Демократические инновации, отмечают в литературе, движутся в двух конфликтующих направлениях: одни стремятся расширить инклюзивность, а другие – повысить «вдумчивость» (thoughtfulness) [Elstub, 2019, р. 17]. На практике это выливается в две

проблемы. Если внимание уделяется лишь инклюзивности без должного фокуса на обучении и повышении грамотности, обсуждения перерастают в сложно регулируемые конфликты. С другой стороны, при организации практик соучастия с акцентом на вдумчивости, с организацией образовательных сессий для жителей, нередко возникает демотивация участников, столкновение житейского опыта с суровой реальностью бюрократии и нормативных актов, когда оказывается, что многие желания юридически или бюджетно нереализуемы.

Практики соучастия, однако, при реализации в России сталкиваются с противоречивой ситуацией. С одной стороны, правительство приглашает общественность к обсуждению насущных проблем, с другой стороны, тщательно контролирует темы, которые доступны для общественного обсуждения [Owen, Bindman, 2017, р. 100]. В качестве примера можно вспомнить историю парка «Тучков буян» в Санкт-Петербурге. Архитектурный и дизайн-проект большого парка в Петроградском районе формировались на сессиях соучаствующего проектирования с местными жителями, на основе выводов с проектировочных сессий составлялось техническое задание для архитекторов. Был объявлен международный конкурс, где архитекторы из разных стран готовили свои предложения, пытаясь сформировать их как можно ближе к общественному техническому заданию. Соучаствующее проектирование «Тучкова буяна» могло бы стать красивой и запоминающейся историей о вовлечении жителей и формировании неравнодушного сообщества в большом городе. Однако в январе 2022 года от концепции парка решили отказаться: федеральное правительство вновь думает о возведении на территории судебного квартала, против которого выступали местные градозащитники [Лурье, Элькина, 2022]. Таким образом, пример парка иллюстрирует, как создавалась возможность участия и как результат этого участия при случае был проигнорирован.

Зачем внедрять партисипаторные практики? Одно из наиболее распространенных объяснений заключается в поддержке легитимности институтов исполнительной власти [Маегz, 2019, р. 6]. В случае России можно предположить, что Москва и Санкт-Петербург обладают флагманскими проектами, отчасти имитирующими партисипаторные практики («Активный гражданин» в случае Москвы и сегодняшний «Твой

бюджет» в случае Петербурга) не только потому, что это два богатых ресурсами города, не испытывающих недостатка в профильных специалистах и обладающих неограниченным доступом к экспертной поддержке. Так как федеральный центр требует в основном лояльности и результатов от глав регионов, а мегаполисы наиболее уязвимы в плане предоставления результатов абсолютной поддержки [Визудіпа, 2017], для крупных городов введение партисипаторных практик может быть удобным способом выведения энергии и несогласия в безопасные карманы активности.

У районных уровней есть своя причина поддерживать введение партисипаторных практик - это появление нового источника финансирования. Участники проекта «Твой бюджет» в Санкт-Петербурге отмечают, что с каждым годом все больше бюджетных образовательных учреждений от разных районов участвуют в конкурсе [Гавриэлова, 2021]. Их инициативы касаются не общих городских территорий, как по идее и должно быть, а, например, укомплектовки какого-то школьного кабинета современными компьютерами. Таким образом, инициативное бюджетирование становится соревнованием не инициатив активных горожан между собой, а горожан с районными администрациями, которые хотят сократить расходы по своим обязательствам за счет конкурсного финансирования.

В 2019 году после муниципальных выборов в Санкт-Петербурге состав муниципальных советов значительно изменился, получив примерно на 15% избранников, не связанных с партией власти, больше по сравнению с предыдущим созывом. В этом же году и до событий февраля 2022 года в муниципальных округах можно было наблюдать случаи использования соучаствующего проектирования дворов и общественных пространств, а также других практик вовлечения. Эти поствыборные перемены привели меня к вопросу: влияет ли состав муниципального совета на появление в муниципальном образовании практики соучаствующего проектирования? На примере Санкт-Петербурга я проверила три гипотезы:

H1: чем больше в совете муниципальных депутатов, не связанных непосредственно с правящей партией, тем выше вероятность использования в округе соучаствующего проектирования.

H2: если главой совета является депутат, непосредственно не связанный с правящей партией, то вероятность использования соучаствующего проектирования выше.

Н3: чем ниже средний возраст депутатов муниципального совета, тем вероятнее появление в нем соучаствующего проектирования.

В исследовании муниципальных округов Чехии Х. Хуртикова и М. Соукоп оценивали наличие или отсутствие связи между «политическими переменными» и использованием партисипаторных практик и практик электронного участия. Под политическими переменными исследователи подразумевают такие данные, как количество партий, представленных в совете (фрагментированность совета), был ли избран новый глава или предыдущий глава совета переизбран на новый срок и т. д., при этом авторы отмечают, что не акцентировали внимания на идеологических различиях партий [Hurtíková, Soukop, 2019]. Гипотезы 1 и 2 были вдохновлены исследованиями чешского опыта и применены в этой статье, но скорректированы с учетом идеологических различий кандидатов. Результаты проверки этих двух гипотез могут не только показать наличие или отсутствие корреляции между высокой долей условно демократических депутатов и наличием опыта соучаствующего проектирования в округе. Они также могут подсказать, на верном ли пути я нахожусь, предполагая, что практики соучастия на уровне МСУ в Петербурге можно в принципе воспринимать как демократические управленческие инновации. В случае если никакой значительной корреляции наблюдаться не будет, можно предположить, что мы имеем дело с механизмами увода активности горожан в безопасное и полностью контролируемое русло, описываемыми Кэтрин Оуэн. Последняя гипотеза 3 исходит из феномена геронтократии. Недавние исследования показывают взаимосвязь между высоким средним возрастом политических элит и низким экономическим развитием стран, отсутствием институциональных инноваций [Atella, Carbonari, 2017]. Таким образом, я предполагаю, что появление соучаствующего проектирования в муниципальных советах с высоким средним возрастом будет менее вероятно, чем в более «молодых» советах.

О сборе базы данных

Для проверки выдвинутых гипотез была собрана база данных по 111 муниципальным советам Санкт-Петербурга. База данных представляет собой общую (именную) базу и преобразованную рабочую (анонимную) базу, использованную для дальнейшего анализа. Информация о муниципальных советах и их депутатах бралась с официальных сайтов МО и портала ЗАКС. Муниципал. Именная база данных включает в себя следующую информацию:

- названия муниципальных образований и в состав каких районов города они входят;
- базовые характеристики муниципального совета на момент выборов муниципальных депутатов 2019 года (численность муниципального образования, явка на выборы, бюджет на 2019 год);
- полный поименный состав муниципальных депутатов, избранных в каждый совет в 2019 году;
- данные о партийной принадлежности избранного в 2019 году главы муниципального совета;
- данные о партийной принадлежности избранных в 2019 году депутатов муниципального совета;
- даты рождения, места рождения и места работы на момент избрания муниципальных депутатов;
- факт поддержки кандидата проектом «Объединенные демократы»:
- ссылки на официальные сайты муниципальных образований;
- ссылки на официальные сообщества муниципальных образований в социальной сети «ВКонтакте» (включая группы отдельных депутатов или депутатских фракций);
- ссылки на неформальные сообщества (добрососедские группы, сообщества жителей округа и пр.).

Часть данных была собрана для возможных дальнейших исследований, часть преобразована и включена в «анонимную» рабочую базу, состоящую из:

- указания партийной принадлежности главы муниципального совета;
- общего количества муниципальных депутатов в каждом совете, избранных в 2019 году;
- доли муниципальных депутатов от общего количества депутатов в совете, принадлежащих к группе условно про-

- властных, неопределенных и условно демократических сил;
- отметок о наличии или отсутствии практики соучаствующего проектирования в муниципальном совете.

Отдельное внимание необходимо уделить двум аспектам: тому, как происходило распределение муниципальных депутатов на три группы и как выставлялась отметка о практике соучаствующего проектирования в муниципальном совете.

Именная база, лежащая в основе рабочей анонимной базы, включала в себя указания партийной принадлежности или факта самовыдвижения того или иного депутата. К группе условно провластных муниципальных депутатов были отнесены депутаты, выдвинутые партией «Единая Россия», ЛДПР, а также самовыдвиженцы, факт принадлежности к фракции «Единой России» которых был обнаружен при дополнительной проверке. Дополнительная проверка заключалась в поиске информации о предыдущих выдвижениях депутата, проверки материалов СМИ с упоминанием имени депутата и т. п. Дополнительная проверка могла также выявить принадлежность депутата к условно демократической группе: на это, в частности, указывала принадлежность человека к сообществу районных активистов, поддержка кандидата проектом «Объединенные демократы», предыдущие избрания от партий «Яблоко» или «Справедливая Россия». Таким образом, в группу условно демократических депутатов вошли лица, выдвинутые партиями «Яблоко», «Справедливая Россия», Партия роста, а также ряд самовыдвиженцев. Наконец, в неопределенную группу вошли самовыдвиженцы с невыявленной позицией, а также представители КПРФ, партии «Родина», Партии социальной защиты, Трудовой партии России и партии «Коммунисты России».

Такое групповое деление, однако, может встретить справедливую критику. Например, можно оспорить включение представителей партии «Справедливая Россия» в группу условно демократических или включение представителей КПРФ в неопределенную группу. В случае «Справедливой России» я считаю выбранное решение обоснованным по двум причинам. Во-первых, в ранних исследованиях, посвященных анализу муниципальных выборов в Санкт-Петербурге, отмечают значительное отличие городского отделения «Справедливой России» от федерального уровня партии, подчер-

кивая, что петербургская «Справедливая Россия» «до недавнего времени составляла полноценную оппозицию» [Медведев, 2018, с. 81]. Во-вторых, именно представители «Справедливой России», «Яблока» и ряд самовыдвиженцев получали поддержку проекта «Объединенные демократы» на выборах 2019 года. На выборах в Законодательное собрание Санкт-Петербурга 2021 года кандидаты в депутаты, аффилированные с «Объединенными демократами» и победившие ранее на муниципальных выборах 2019 года, выдвигались в городской парламент от «Справедливой России» и «Яблока». В случае КПРФ и их попадания в неопределенную группу я считаю это компромиссным решением. С одной стороны, КПРФ нельзя отнести к группе, объединенной по признаку вероятной приверженности к демократическим ценностям. С другой стороны, КПРФ также нельзя полноценно отнести к условно провластной группе, так как коммунисты были поддержаны оппозиционным проектом «Умное голосование» на выборах 2019 года в ряде муниципальных округов.

Зависимая переменная, а именно выявление, применяется или не применяется практика соучаствующего проектирования в муниципальном округе, определялась с помощью поиска объявлений об этой практике в официальных онлайн-каналах связи этих округов (сайт, группы в соцсети «ВКонтакте») по ключевым словам. Набор ключевых слов был составлен исходя из сравнительного анализа объявлений о соучаствующем проектировании в тех округах, где о применении практики мне было заранее известно. В этих объявлениях использовались слова и словосочетания: соучаствующее проектирование, совместное проектирование, проектировочная сессия, сессия проектирования, проектный семинар, совместное обсуждение/решение, проект благоустройства. Порядок ключевых слов указан от более характерных для объявления о практике СП к менее характерным, но не исключающим того, что в объявлении говорится о СП. Далее был произведен поиск объявлений по официальным сайтам и сообществам муниципальных образований с использованием ключевых слов по очереди, применяя временной фильтр для объявлений с 2019 по 2022 год, чтобы охватить настоящий созыв. Получившаяся выборка объявлений далее вручную фильтровалась следующим образом. Объявления исключались, если речь шла:

- 1) о публичных слушаниях по вопросу уже готового проекта;
- 2) о соучаствующем проектировании, организованном районными администрациями, а не муниципальными советами, в рамках подготовки к участию в программе «Формирование комфортной городской среды»;
- 3) о соучаствующем проектировании, организованном архитектурными бюро совместно с исследовательскими группами.

Второй и третий пункты также представляют собой практики соучаствующего проектирования, однако не связаны с низовой инициативой и муниципальными образованиями, а напрямую или косвенно относятся к конкурсу ФКГС, где применение СП входит в критерии оценки проекта. Таким образом, если после фильтрации объявлений у муниципального совета обнаруживалась практика СП, реализованная в промежуток с 2019 по 2022 год, муниципальному образованию присваивалась ци- Φ ра 1, в случае отсутствия практики — 0. Важно отметить, что в фокусе данного исследования находится сама инициатива применения СП, поэтому поиск информации о том, был ли полученный проект реализован, не велся, как не оценивалась и методология проведения практики.

Проверка гипотез

Для анализа собранных данных была построена логистическая модель с использованием программного обеспечения R Studio. Зависимой переменной является наличие или отсутствие практики соучаствующего проектирования, представленное в виде бинарного значения (1 – при наличии и 0 – при отсутствии).

Для выявления того, влияют ли такие характеристики муниципального совета, как партийная принадлежность депутатов, партийная принадлежность главы совета и средний возраст муниципальных депутатов в совете, на вероятность использования практики соучаствующего проектирования в муниципальном образовании, была построена обобщенная линейная регрессия (generalised linear model, GLM). Я установила биномиальный тип распределения, так как зависимая переменная представляет из себя два исхода – наличие или отсутствие опыта использования соучаствующего проектирования в МО. Всего для проверки было построено четыре модели, представленных в табл. 1.

De	pend	ent '	variab	le:

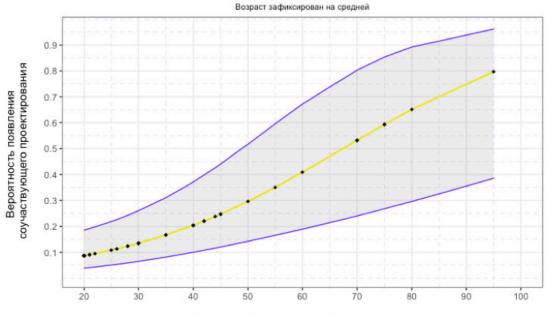
Соучаствующее проектирование

	(1)	(2)	(3)	(4)	
Средний возраст	-0.259***	-0.272***	-0.286***	-0.299***	
	(0.078)	(0.080)	(0.086)	(0.095)	
Кол-во усл. демократических депутатов	0.303***				
	(0.090)				
Доля усл. демократических депутатов		4.966***	5.694***	7.302***	
		(1.345)	(1.854)	(2.249)	
Глава совета от КПРФ			-16.303	-14.775	
			(2,636.925)	(9,497.105)	
Глава совета от ЛДПР			-13.865	-14.584	
			(3,956.180)	(6,522.639)	
Глава совета от Партии роста			-1.194	-158.496	
			(1.842)	(41,765.260)	
Глава совета — самовыдвиженец (гос.)			-1.348	1.788	
			(1.716)	(1.855)	
Глава совета — самовыдвиженец (дем.)			1.444	-104.233	
			(1.624)	(28,054.930)	
Глава совета от «Справедливой России»			-1.159	121.874	
			(1.643)	(25,312.500)	
Глава совета от «Яблока»			16.012	21.036	
			(2,691.492)	(23,517.710)	
Доля * глава совета от КПРФ				-9.754	
				(36,897.620)	
Доля * глава совета от ЛДПР					
Доля * глава совета от Партии роста				231.974	
				(61,496.030)	
Доля * глава совета – самовыдвиженец (гос.)				-8.849*	
				(5.236)	
Доля * глава совета – самовыдвиженец (дем.)				293.063	
				(76,870.030)	
Доля * глава совета от «Справедливой России»	,			-151.196	
				(31,954.230)	
Доля * глава совета от «Яблока»				-7.840	
				(36,897.620)	
Constant	9.787***	10.264***	10.812***	11.075***	
	(3.640)	(3.695)	(3.891)	(4.242)	
Observations	111	111	111	111	
Log Likelihood	-32.169	-32.467	-30.283	-25.357	
Akaike Inf. Crit.	70.338	70.934	80.566	82.714	
Note:	*p<0.1; **p<0	.05; ***p<0.01			

Рис. 1. График зависимости вероятности появления СП от доли условно демократических депутатов в совете

Источник: составлено на основе данных автора.

Вероятность внедрения соучаствующего проектирования в муниципалитетах Санкт-Петербурга

Доля условно демократических депутатов

Первая модель отличается от последующих тем, что условно демократические депутаты в ней выражены в количестве подобных депутатов в совете, а не в доле. Однако, например, 3 муниципальных депутата в совете из 10 и в совете из 20 человек – это большая разница. Так как муниципальные советы в Санкт-Петербурге различаются по размеру, была построена вторая модель, берущая это в расчет. Во второй модели условно демократические депутаты выражены в виде доли, которую они составляют от своего совета. В обоих моделях обе переменные (средний возраст, условно демократические депутаты) оказались статистически важными, а значения функции правдоподобия и информационного критерия Акаике отличаются незначительно, поэтому я считаю вторую модель лучше из-за ее чувствительности к размеру совета. Вдобавок стоит отметить, что показатель среднего возраста имеет негативный коэффициент. Это означает, что вероятность использования соучаствующего проектирования в муниципальном образовании выше, когда средний возраст муниципального совета ниже. Показатель доли условно демократических депутатов имеет положительный коэффициент: чем выше доля, тем выше вероятность использования СП. И тот и другой показатели имеют уровень значимости p-value менее 0.01.

Модели 3 и 4 позволяют оценить роль главы совета. Если в третьей модели партийная принадлежность главы рассматриватийная принадлежность главы рассматриватийная

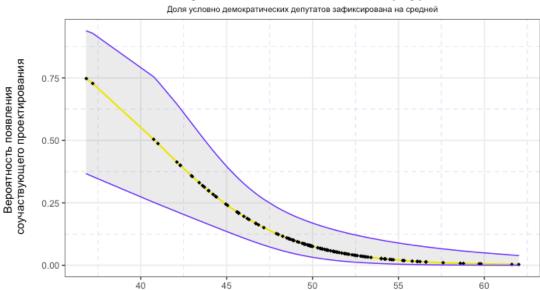
ется как отдельная независимая переменная, то четвертая – модель с интеракцией. В целом партийная принадлежность главы не показывает какого-либо значимого эффекта. В модели с интеракцией знак значимости появляется у главы совета, шедшего на выборах самовыдвиженцем, но связанным с партией власти (состоял или состоит, ранее избирался от ЕР и т. п.). Интерпретировать полученный результат можно так: в советах, где выше доля условно демократических депутатов и ниже средний возраст, вероятность использования соучаствующего проектирования выше, но, если главой оказывается провластный самовыдвиженец, эта вероятность снижается. Значение p-value < 0.1 достаточно велико, чтобы мы могли принять третью гипотезу и доверять этой интерпретации, но результат определенно интересен и может быть шагом к последующим качественным изучениям подобных советов.

Далее я визуализирую связь статистически значимых переменных и вероятности использования соучаствующего проектирования в муниципалитетах. Рис. 1 показывает связь доли условно демократических муниципальных депутатов и вероятности увидеть в округе соучаствующее проектирование. При росте доли демократически настроенных депутатов в совете растут и шансы появления практик соучастия.

Связь среднего возраста депутатов в муниципальном совете и вероятности

Рис. 2. График зависимости вероятности появления СП от среднего возраста депутатов в совете Источник: составлено на основе данных автора.

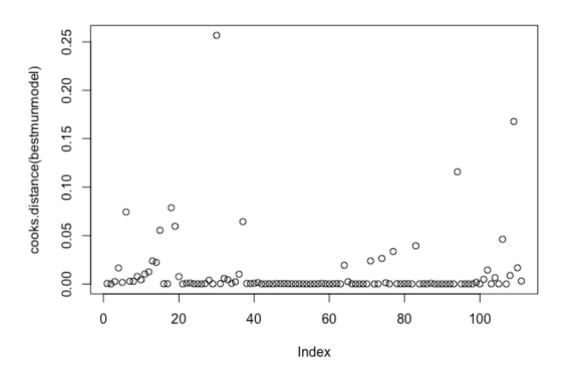
Вероятность внедрения соучаствующего проектирования в муниципалитетах Санкт-Петербурга

Средний возраст муниципальных депутатов в муниципальном совете

Рис. 3. Дистанция Кука Источник: составлено на основе

данных автора.

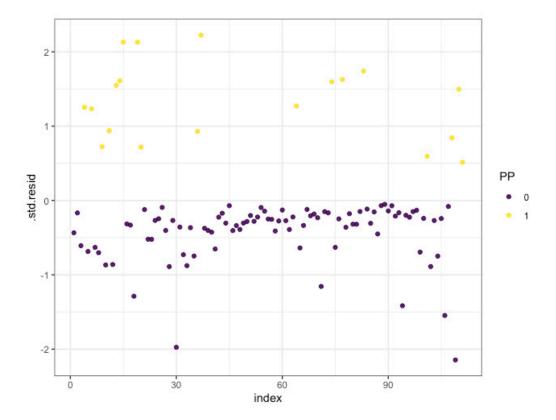

появления практик СП в муниципальном образовании отражена на рис. 2. На нем видно, как с увеличением среднего возраста значительно уменьшаются шансы на внедрение соучаствующего проектирования.

Наконец, важно отметить, что рабочая модель (с переменными «средний возраст» и «доля условно демократических депутатов») была проверена на присутствие влиятельных наблюде-

ний. График с изображением дистанции Кука показывает некоторые значения, которые отличаются от остальных. Существует дискуссия о том, какой порог выставлять для интерпретации: популярными значениями являются CD <1 и CD <4/n, где n — это количество наблюдений. Ни одно из значений на графике не превышает единицу (рис. 3), но в случае выбора более строгого порога возникает необходимость в дополнительной про-

Рис. 4. График распределения стандартизированных остатков *Источник*: составлено на основе данных автора.

верке модели на выбросы и влиятельные наблюдения.

График распределения стандартизированных остатков (рис. 4) не выявил ни одного значения больше 3. Это значит, что данные, на которых построена модель, не страдают проблемой влиятельных значений и не искажают результат.

Если не большой бюджет и не законодательная обязанность, то что мотивирует муниципальные советы использовать такую управленческую инновацию - соучаствующее проектирование? Основным предположением этой работы было то, что на появление соучаствующего проектирования влияют характеристики совета. Проще говоря, важны люди, которые в этот состав вошли. Отталкиваясь от понимания соучаствующего проектирования как демократической инновации, нацеленной на расширение и углубление возможностей участия граждан в принятии управленческих решений, которые непосредственно влияют на их качество жизни, я выдвинула гипотезу о том, что условно демократически настроенным депутатам будет более свойственно проявить инициативу и организовать соучастие в своем округе. Очевидно, что в условиях современной России нельзя точно определить приверженность условно демократическим ценностям: нужно учитывать и специфику региональных отделений партий, и быть знакомым со стратегиями выдвижений

в каждый электоральный сезон. Так, например, региональное отделение партии «Справедливая Россия» значительно отличается от федеральных эсеров и нередко становится площадкой для безопасного выдвижения петербургских условно демократических активистов на выборах. Также, например, стоит учитывать стратегию партии «Единая Россия», когда многие члены партии отказались на время выборов от партийного бренда и пошли в муниципальные депутаты самовыдвиженцами. Такие нюансы я учитывала при сборе и обработке данных. Как итог, первая гипотеза о взаимосвязи доли условно демократических депутатов и использования в округе СП подтвердилась.

Была выдвинута также вторая гипотеза о связи использования СП с партийной принадлежностью главы совета – это предположение в целом не подтвердилось. Был обнаружен некоторый эффект в интерактивной модели, который оказывает главасамовыдвиженец, ассоциирующийся с партией власти, на советы с более высокой долей условно демократических депутатов и использование соучастия. Однако с учетом достаточно высокого значения p-value и небольшого количества наблюдений я считаю некорректным заявлять о подтверждении гипотезы. Одно из возможных объяснений, почему гипотеза о главе не подтвердилась, заключается в разном характере использования практики в округах – где-то она носит разовый экспериментальный характер, а в некоторых округах используется достаточно регулярно. Также важно отметить нормативный статус СП – его нет. Соучаствующее проектирование в настоящее время – это не право и не обязанность муниципального совета, а скорее инициатива, она не противоречит закону о местном самоуправлении и, самое главное, ее разовое использование не всегда утверждают на собрании совета. Муниципальным депутатам, вероятно, не нужно согласие главы, если соучаствующее проектирование воспринимается ими как добровольная организация встреч с жителями помимо своих основных обязанностей

Наконец, было выдвинуто предположение о влиянии среднего возраста муниципальных депутатов на использование соучаствующего проектирования в округе эта гипотеза подтвердилась. При этом важно отметить, что выбранная переменная – средний возраст - не позволяет понять, что важнее: чтобы совет был равномерно «молод» или чтобы в совете присутствовала группа очень молодых муниципальных депутатов, которая инициирует соучастие и которая своим наличием снижает общий средний возраст совета. Из моего опыта в работе с муниципальными образованиями можно сказать, что есть истории об использовании СП в округах и того и другого типа.

Заключение

Сегодня практики вовлечения отражаются как обязательные элементы в программных документах разных стран, включая Россию. Не встает вопрос и о том, как проводить вовлечение, — это не создание чего-то с нуля; в России наработано немало методических материалов и рекомендаций от активистов, проектных бюро, НКО и комитетов, переводятся книги.

Другое дело – применить эти наработки на практике. Распространению соучаствующего проектирования в России посодействовало и включение вовлечения в национальный проект «Жилье и городская среда», и создание Всероссийского конкурса малых городов и исторических поселений, где вовлечение стало одним из важнейших критериев отбора конкурсных заявок. В этом конкурсе участвуют междисциплинарные команды, для продумывания архитектурных решений приглашаются проектные бюро, эти крупные городские проекты становятся предметом

исследования. Но есть и низовые практики, когда соучаствующее проектирование организовывается общественными деятелями, инициативными группами в отдельном районе города. В случае городов федерального значения, чьи районы поделены на муниципальные образования, соучастие может появиться на уровне муниципального округа. Бюджетные возможности муниципальных округов не позволяют нанять архитектурное бюро, команду социологов или антропологов, которые помогли бы с полноценным предпроектным исследованием и организацией вовлечения. Полномочия муниципального депутата не обязывают проводить соучаствующее проектирование, поправка в 131-й Федеральный закон наделила правом, а не обязанностью муниципальные советы работать с инициативами жителей. Тем не менее и на этом уровне местного самоуправления, самом маленьком и с самыми ограниченными возможностями, мы видим интерес к практикам вовлечения.

Муниципальные образования в городах федерального значения – объект малоизученный, но очень интересный. Вероятно, из-за малых (и постоянно сокращающихся) полномочий и ограниченных финансовых возможностей подобные муниципальные образования не так привлекательны для исследователей: непонятно, на что они могут влиять, а тогда что изучать? Основной мой интерес к муниципальным округам в городах федерального значения возник из работы в поле: из интервью для предыдущих исследований [Сунгуров, Дмитриева, 2023], из практической работы и методической поддержки тех муниципальных советов, которые хотели использовать практики вовлечения в своей работе. Если не большой бюджет и не законодательная обязанность, то сами люди, входящие в советы, их ценности и убеждения могут быть предиктором появления практик вовлечения в округе. В результате выборов 2019 года в управление округами вошли новые народные избранники, что позволило перезагрузить муниципальные советы. Так новизна, молодость и уникальный, часто не связанный ранее с муниципальной службой опыт заставили обновленные советы придумывать себе новые возможности и новые полномочия.

Однако трансформация разовых практик в постоянное устойчивое вовлечение жителей на местном уровне невозможно без доступной экспертной поддержки инициативных округов. Результаты этого ис-

следования могут быть практически полезны для экспертного сообщества – специалистов по вовлечению, групп социальных исследователей, проектировщиков, дизайнеров и архитекторов, владеющих инструментами, разделяющих ценность вовлечения и желающих продвигать партисипаторные и делиберативные подходы на локальном уровне. Анализ характеристик обновленных советов после муниципальных выборов может помочь выявить те округа, которые будут наиболее заинтересованы в совместных проектах и применении новых практик, вложение сил и времени в которые окупятся реализованными инициативами.

Источники

- АСИ и Минстрой разработали стандарт работы с жителями при благоустройстве городов (2020) Агентство Стратегических Инициатив. Режим доступа: https://asi.ru/news/124948/.
- Гавриэлова А. (2021) Как бюджетники пилят «Твой бюджет»//MR-7.RU. Режим доступа: https://mr-7.ru/articles/2021/07/02/kakbiudzhetniki-piliat-tvoi-biudzhet.
- Глазычев В.Л. (2005) *Глубинная Россия: 2000-2002*. Москва: Новое издательство.
- История одной деревни (2008)//nikola-lenivets. ru. Режим доступа: https://nikola-lenivets. ru/history.
- Лурье Л., Елькина М. (2022) «Тучков буян», или Почему Смольный не умеет радовать//Фонтанка. py. Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2022/01/14/70375697/.
- Медведев М.С. (2018) Выборы в муниципальные советы Санкт-Петербурга: эффект применения электоральной формулы//Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Том 14. № 1. С. 77-86.
- Национальный проект «Жильё и городская среда» (2018) Минстрой России. Режим доступа: https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilve-i-gorodskava-sreda/.
- Санофф Г. (2015) Соучаствующее проектирование: практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов. Казань: Проектная группа 8.
- Снигирева Н. (2014) Соучаствующее проектирование обновляет город//Государственная служба. Том 90. № 4. С. 63–65.
- Соучаствующее проектирование: определение, история, практика (2021) Институт развития городов Башкортостана. Режим доступа: https://irgrb.ru/participation.
- Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. (2023) Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга//Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 103-125. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125.
- Щукин А. (2018) Как вовлечь жителей в проектирование городов//Expert.ru. Режим доступа:

- https://expert.ru/expert/2018/40/kak-vovlech-zhitelej-v-proektirovanie-gorodov/.
- Atella V., Carbonari L. (2017) Is Gerontocracy
  Harmful for Growth? A Comparative Study of
  Seven European Countries//Journal of Applied
  Economics. Vol. 20. No. 1. P. 141–168.
  https://doi.org/10.1016/s1514-0326(17)30007-7.
- Busygina I. (2016) How does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation//Journal of Borderlands Studies. Vol. 32. No. 1. P. 105-119. https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1197790.
- Elstub S., Escobar O. (2019) Defining and Typologising Democratic Innovations//Handbook of Democratic Innovation and Governance/S. Elstub, O. Escobar (eds.). Edward Elgar Publishing Inc. P. 11–31. https://doi.org/10.4337/9781786433862.00009.
- Hurtiková H., Soukop M. (2019) Participative and Deliberative Democracy on the Local Level: How the Political Characteristics of Municipalities in the Czech Republic Relate to the Use of Selected Democratic Innovation Within their Territory?//Lex Localis. Vol. 17. No. 2. P. 369-393. https://doi. org/10.4335/17.2.369-393.
- Inclusive and Sustainable Urban Planning:
  A Guide for Municipalities (2007)/S. Narang (ed.). Nairobi: UN-HABITAT (UNON Publishing Service Section). Available at: https://unhabitat.org/sites/default/files/downloadmanager-files/A%20guide%20for%20
  Municipalities%20Inclusive%20and%20
  Sustainable%20Urban%20Development%20
  Planning%20%2C%20Volume%201.pdf
- Maerz S.F. (2019) Simulating Pluralism: The Language of Democracy in Hegemonic Authoritarianism//Political Research Exchange. Vol. 1. No. 1. P. 1–23. DOI: https://doi.org/10.1080/ 2474736x.2019.1605834.
- Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia//Government and Opposition. Vol. 54. No. 1. P. 98-120. DOI: https://doi. org/10.1017/gov.2017.13.

A GOOD YARD BEGINS WITH THE COUNCIL: HOW PARTICIPATORY DESIGN ARISES IN THE MUNICIPAL DISTRICTS OF ST. PETERSBURG

Alina Ye. Dmitrieva, Social researcher, urbanist, public relations specialist in spatial development projects; 123 emb. Griboedov Canal, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: ahdmitrieva@gmail.com

Abstract. This article analyzes the reasons for the emergence of the participatory design at the level of municipal districts in St. Petersburg. Why is this initiative being born despite a narrowing field of authority and a shrinking budget? The emergence of participatory practices in municipal districts may be influenced by the average age of council members and the values of the party or public association to which they and the head of the council belong. A database was compiled containing information about 111 municipal councils in St. Petersburg: the number of deputies in the councils who got there after the 2019 elections, their party affiliation, the subject of the nomination of the head of the council, the average age of deputies, links to official and informal media resources of the district. Since one of the principles of participatory practices, in particular participatory design, is a transparent information campaign, the author searched for announcements about co-design workshops in media resources using keywords as a tool for collecting information about the presence or absence of participatory design practice in the district. Using regression analysis, the author was able to confirm two out of three hypotheses: the higher the proportion of deputies nominated by conditionally democratic forces in the council, the higher the probability of participatory design emerging in the district, and the higher the average age of deputies in the council, the lower the probability to see participatory design was. The party affiliation of the head of the council had no significant effect.

Key words: engagement practices; participatory design; municipal district; municipal council; St. Petersburg

Citation: Dmitrieva A.E. (2023)
A Good Yard Begins with the Council:
How Participatory Design Arises in
the Municipal Districts of St.
Petersburg, Urban Studies and
Practices, vol. 8, no 4, pp. 69-84.

DOI: https://doi.org/10.17323/ usp84202369-84 (in Russian)

References

- ASI i Minstroj razrabotali standart raboty s zhitelyami pri blagoustrojstve gorodov [ASI and the Ministry of Construction Have Developed a Standard for Working with Residents When Improving Cities]. (2020). Agentstvo Strategicheskih Iniciativ [Agency for Strategic Initiatives]. Available at: https://asi.ru/news/124948/. (in Russian)
- Atella V., Carbonari L. (2017) Is
  Gerontocracy Harmful for Growth?
  A Comparative Study of Seven
  European Countries. *Journal of*Applied Economics, vol. 20, no 1,
  pp. 141–168. DOI: https://doi.
  org/10.1016/s1514-0326(17)30007-7.
- Busygina I. (2016) How does Russian Federalism Work? Looking at Internal Borders in the Russian Federation. Journal of Borderlands Studies, vol. 32, no 1, pp. 105–119. DOI: DOI: https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1197790.
- Elstub S., Escobar O. (2019) Defining and Typologising Democratic Innovations. Handbook of Democratic Innovation and Governance/S. Elstub, O. Escobar (eds.). Edward Elgar Publishing Inc. DOI: https://doi.org/10.4337/9781786433862.00009.
- Gavrielova A. (2021) Kak byudzhetniki pilyat «Tvoj byudzhet» [How State Employees Cut "Your Budget"]. MR-7.RU. Available at: https://mr-7.ru/articles/2021/07/02/kak-biudzhetniki-piliat-tvoi-biudzhet. (in Russian)
- Glazychev V.L. (2005) Glubinnaya Rossiya: 2000–2002 [Deep Russia: 2000-2002]. *Novoe Izdatel'stvo* [New Publishing House]. (in Russian)
- Hurtíková H., Soukop M. (2019)

  Participative and Deliberative

  Democracy on the Local Level: How
  the Political Characteristics of

  Municipalities in the Czech

  Republic Relate to the Use of

  Selected Democratic Innovation
  Within their Territory? Lex

  Localis, vol. 17, no 2, pp. 369
  393. DOI: https://doi.
  org/10.4335/17.2.369-393.
- Inclusive and Sustainable Urban
  Planning: A Guide for
  Municipalities (2007) S. Narang
  (ed.). Nairobi: UN-HABITAT (UNON
  Publishing Service Section).
  Available at: https://unhabitat.
  org/sites/default/files/download-manager-files/A%20guide%20

- for%20Municipalities%20 Inclusive%20and%20Sustainable%20 Urban%20Development%20Planning%20 %2C%20Volume%201.pdf
- Istoriya odnoj derevni [The Story of
   One Village] (2008) nikola-leniv ets.ru/. Available at: https://
   nikola-lenivets.ru/history. (in
   Russian)
- Lur'e L., El'kina M. (2022) "Tuchkov buyan", ili Pochemu Smol'nyj ne umeet radovat' ["Tuchkov buyan" or Why Smolny Does Not Know How to Please]. Fontanka.Ru ["Tuchkov buyan" or Why Smolny Does Not Know How to Please]. Available at: https://www.fontanka.ru/2022/01/14/70375697/. (in Russian)
- Maerz S.F. (2019) Simulating
  Pluralism: The Language of
  Democracy in Hegemonic
  Authoritarianism. Political
  Research Exchange, vol. 1, no 1,
  pp. 1–23. DOI: https://doi.org/10.
  1080/2474736x.2019.1605834.
- Medvedev M.S. (2018) Vybory v municipal'nye sovety Ssankt-peterburga: effekt primeneniya elektoral'noj formuly [Elections to The Municipal Council of St. Petersburg: The Effect of Applying the Electoral Formula]. Politeks, no 1. (in Russian)
- Nacional'nyj proekt «zhil'yo Zhil'yo i gorodskaya sreda» [National Project "Housing And and Urban Environment"] (2018) Minstroj Rossii [Ministry of Construction of Russia]. Available at: https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskayasreda/. (in Russian)
- Owen C., Bindman E. (2017) Civic
  Participation in a Hybrid regime:
  Limited Pluralism in Policymaking
  and Delivery in Contemporary
  Russia. Government and Opposition,
  vol. 54, no 1, pp. 98–120. DOI:
  https://doi.org/10.1017/
  gov.2017.13.
- Sanoff G. (2015) Souchastvuyushchee proektirovanie: praktiki obshchestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shih i malyh gorodov [Participatory Design: Practices of Public Participation in Shaping the Environment of Cities and Towns]. *Proektnaya gruppa 8* [Project group 8]. (in Russian)
- Shchukin A. (2018) Kak vovlech'
  zhitelej v proektirovanie gorodov
  [How to Involve Residents in City
  Design]. Expert.ru. Available at:
  https://expert.ru/expert/2018/40/
  kak-vovlech-zhitelej-v-proektirovanie-gorodov/. (in Russian)

Snigireva N. (2014)

Souchastvuyushchee proektirovanie obnovlyaet gorod [Participatory Design Renews the Cityl. Gosudarstvennaya Sluzhba [Civil Service], no 4. (in Russian) Souchastvuyushchee proektirovanie: opredelenie, istoriya, praktika [Participatory Design: Definition, History, Practice] (2021). Institut Razvitiya Gorodov Bashkortostana [Institute for Urban Development of

Bashkortostan]. Available at:

https://irgrb.ru/participation.

Sungurov A.Yu., Dmitrieva A.E. (2023) Obshchestvennoe uchastie v deyatel'nosti vlasti: obshchestvennoe i partisipatornoe byudzhe-tirovanie i souchastvuyushchee proektirovanie na urovne municipalitetov Sankt-Peterburga [Public Participation in Government Activities: Public and Participatory Budgeting and Participatory Design at the Level of Municipalities of St. Petersburg]. Voprosy Gosudarstvennogo I Municipal'nogo Upravleniya [Issues of State and

Municipal Administration], vol. 2, pp. 103-125. DOI: https://doi. org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125. (in Russian)

Работа в большом городе, или Как индивиды выигрывают от участия в городских рынках труда

Ульяна Корюгина

Почему в больших городах наблюдается опережающий рост численности населения? Чем объясняется постоянная миграция индивидов из сельской местности в города, из малых городов – в большие? Какие стимулы ими движут? Среди множества объяснений, апеллирующих, например, к потребительским качествам городских сервисов [Glaeser et al., 2001] или развитию креативного класса [Джекобс, 2008], городские экономисты часто рассматривают этот вопрос в том числе с точки зрения характеристик городских рынков труда.

В экономической оптике города являются, прежде всего, зоной концентрации хозяйствующих людей и фирм. Большое внимание в этой связи как экономистов, обращающихся к теме города, так и администраторов, непосредственно занимающихся городским управлением, уделяется вопросам рынка труда, состоянию рабочей силы [Glaeser, Saiz, 2004]. Рынки труда обладают уникальной характеристикой: индивиды формируют предложение, в то время как фирмы определяют спрос. Подобная инверсия обуславливает важную роль рабочей силы в конкурентоспособности городских экономик как таковых: рабочая сила описывает положение городского общества, которое, в свою очередь, становится детерминантом в локализации ориентированных на работников фирм [Gordon, Turok, 2005].

В большом корпусе работ отмечается существование разрыва в размере оплаты труда в зависимости от размера рынка труда: идентичные работники на рынках большего масштаба имеют больший размер оплаты труда—в частности, работники в крупных городах в сравнении с работниками в малых городах или сельской местности. Данный феномен в англоязычной литературе принято называть urban wage premium («премия городской

Корюгина Ульяна Александровна, аналитик, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13/4.

E-mail: ukoryugina@hse.ru

В обширном корпусе научных работ отмечается существование разрыва в оплате труда, зависящего от масштаба рынка: одинаково квалифицированные работники на рынках большего масштаба имеют более высокую оплату труда — явление, известное в англоязычной научной литературе как «премия городской оплаты труда» (urban wage premium). Настоящая статья представляет собой обзор существующих исследований данного феномена. В ней демонстрируется, как ранние работы по пространственной дифференциации доходов и последующее развитие теории об экономии агломерации помогают объяснить разрыв в заработной плате на рынках различных размеров. Описываются ключевые исследования по теме, включая исследования источников премии городской оплаты труда, которые традиционно лежат в микрооснованиях экономии агломерации. Автор также изучает текущую дискуссию, связанную с дискриминацией на рынке труда и спецификой премии в развивающихся странах.

Ключевые слова: премия городской оплаты труда; городской рынок труда; экономия агломерации; эффекты роста и уровня оплаты труда; человеческий капитал

Цитирование: Корюгина У.А. (2023) Работа в большом городе, или Как индивиды выигрывают от участия в городских рынках труда//Городские исследования и практики.

T. 8. № 4. C. 85-91. DOI: https://doi. org/10.17323/usp84202385-91

оплаты труда»¹), вслед за Глейзером и Маре, впервые предложившими его в 1994 году [Glaeser, Mare, 1994]. Авторы считают, что именно эта премия позволяет объяснять наблюдаемый рост населения в больших городах, а также занимает важное место в обосновании развития в них экономики и предпринимательства.

Как утверждают Глейзер и Маре [Glaeser, Mare, 1994], а вслед за ними продолжают эту логику Гулд [Gould, 2006] и Янкоу: «в понимании, почему работники зарабатывают больше в городах, лежит ответ на центральный для всей экономики города вопрос: почему города существуют?» [Yankow, 2006]. В этом смысле исследование городской зарплатной премии является прежде всего поиском ответа на экзистенциальный вопрос городских экономистов о сущности города как феномена, концентрирующего в себе экономические субъекты, а не попыткой выявить точечные характеристики городских рынков труда.

Данная статья посвящена обзору существующей литературы о феномене премии городской оплаты труда. Определение исследовательской мысли в отношении размеров премии, ее источников, структуры и фокусов позволяет установить существующее дискуссионное поле. В статье показывается, как ранние исследования экономистов о пространственной дифференциации доходов индивидов, а также чуть более позднее развитие теории об экономии агломерации объясняют разрывы в заработных платах на рынках разного масштаба. Дискуссия исследователей в отношении источников этих разрывов лежит традиционно в основаниях экономии агломерации. Кроме того, определяются текущие вопросы исследователей в отношении премии города, они оказываются близки к вопросам дискриминации на рынке труда, а также к исследованию премии в развивающихся странах.

Пространственные различия в заработных платах локальных рынков труда

Экономистам давно известны различия характеристик экономической деятельности между урбанизированными и неурбанизированными территориями. Еще Адам Смит писал о городах как о местах с высокой производительностью, связанной с повышенной концентрацией людей и фирм [Смит, 2007]. В ранних работах, исследующих пространственные различия в размере заработных

плат, отмечался разрыв в оплате труда между Севером и Югом США [Gallaway, 1963], между городскими и сельскими территориями [Weber, 1899; Hall, 1972].

Одна из первых попыток оценить пространственные различия в оплате труда на локальных рынках с учетом отраслевых специфик, навыков работников и характеристик занятости была предпринята Виктором Фуксом в исследовании 1967 года [Fuchs, 1967]. Фукс отмечает, что, несмотря на устойчивое внимание экономистов к проблеме, в его исследовании впервые размер почасовой оплаты труда используется для определения стоимости труда работника. Далее мы увидим, что именно почасовая оплата сотрудника будет традиционной метрикой, характеризующей труд, в исследованиях локальных рынков труда, (например, [Oaxaca, 1973; Glaeser, Mare, 2001; Wheaton, Lewis, 2002; Yankow, 2006]).

Отвечая на вопрос, почему существует региональный разрыв в заработных платах, Фукс полагает, что причина тому – различия в неизмеримых характеристиках работников на рынках разного масштаба; в частности, пишет Фукс, работники крупных рынков оказываются более мотивированными и имеют более высокие когнитивные способности [Fuchs, 1967].

Ряд исследовательских работ указанного направления посвящен оценке межотраслевых [Thaler, 1989], межгендерных различий в оплате на локальных рынках труда [Malkiel, Malkiel, 1973; Gunderson, 1989], в том числе на городских рынках труда [Оахаса, 1973], и иным разрывам (например, зависимости от размера фирмы [Brown, Medoff, 1989]).

Премия городской оплаты труда и базовые оценки

В исследованиях, непосредственно посвященных изучению феномена премии городской оплаты труда, проводится оценка и выявление источников различий в оплате труда между работниками больших городов и неурбанизированных территорий. Эти работы продолжают линию предыдущих исследований пространственных различий в размерах заработных плат разных рынков. Данное исследовательское поле рассматривается в контексте теории об экономии агломерации— в традиционно применяющейся к экономике города рамке. В этом плане описанная Адамом Смитом [Смит, 2007] высокая производительность труда работников

^{1.} Перевод автора (далее также используются термины «городская зарплатная премия», «премия города»).

в городах является фреймом, в который встраиваются исследования премии (и вообще экономии агломерации как таковой). Причину, по которой особенное внимание в последующих исследованиях уделялось зарплатам индивидов, обычно видят в следующем: «зарплаты в конкурентных рынках формируются исходя из предельного продукта труда, а значит, отлично отражают разницу в производительности на тех или иных территориях» [Rosenthal, Strange, 2004]. Так возникает дискуссия об экономии агломерации в контексте городских рынков труда.

Говоря о городской зарплатной премии, исследователи описывают прежде всего разрыв в оплате труда между идентичными работниками – работниками с одинаковыми выявляемыми характеристиками – на рынках разного масштаба [Glaeser, Mare, 2001; Yankow, 2006; Wheeler, 2006; Combes et al., 2008 и др.]. В основополагающей работе Глейзер и Маре определяют размер премии, сравнивая метрополитенские ареалы, в центре которых есть крупный город (с населением свыше 500 тыс. человек), со всеми остальными статистическими территориальными единицами. Для таких урбанизированных территорий премия составляет, согласно оценке авторов, порядка 25%, 11% - с учетом индивидуальных неизмеримых характеристик работников [Glaeser, Mare, 2001].

В поиске ответа на вопрос об источниках премии городской оплаты труда Глейзер и Маре обнаруживают, что премия не является результатом сортировки наиболее образованных и квалифицированных работников в пространстве – гипотеза, сформулированная Фуксом [Fuchs, 1967], касательно неизмеримых характеристик работников как источников премии городской оплаты труда, оказывается неприменимой². Авторы обнаруживают более быстрый рост оплаты труда в городе, сохраняющийся для работников, покинувших городские рынки труда, что свидетельствует о более высоких темпах накопления человеческого капитала в городе, а также эффектах роста оплаты труда [Glaeser, Mare, 2001].

Уитон и Льюис продолжают оценивать премию городской оплаты труда, но уже для одинаковых отраслей и профессий (с учетом рыночной концентрации и специализации); оценки городской зарплатной премии, та-

ким образом, для производственных отраслей варьируются от 12 до 30% [Wheaton, Lewis, 2002]. Получая данные выводы, авторы рассуждают об агломерационных эффектах, свойственных крупным городам.

Декомпозиция источников премии: экономия агломерации

Дальнейшие исследования делают все больший акцент на источниках премии городской оплаты труда, механизмах возникновения, связанных с экономией агломерации, нежели на размерах премии или вообще ее наличии.

В одной из классических работ по экономии агломерации Дюрантон и Пуга определяют три микрооснования экономии агломерации, задействующие механизмы, позволяющие получать внешнюю экономию: совместное пользование неделимыми благами (sharing), ожидаемое более оптимальное сочетание запросов работодателя и навыков работника (matching) и перетоки знаний между экономическими субъектами (learning) [Duranton, Puga, 2004]. В контексте городской зарплатной премии исследователи формулируют две гипотезы относительно того, какие механизмы экономии агломерации задействуются в формировании премии.

Первая – гипотеза координации (coordination hypothesis) – базируется на том, что в городах, в условиях рынка большего масштаба, лучшее качество мэтчингов (от англ. matching), а потому имеет место эффект уровня оплаты труда. Подтверждение этой гипотезе обнаруживается в исследованиях Янкоу [Yankow, 2006], эффекты уровня оплаты труда – также в более поздних работах (например, [D`Costa, Overman, 2014; Roca, Puga, 2017]). Вторая гипотеза – гипотеза обучения (learning hypothesis) — строится на более высоких темпах накопления человеческого капитала в городах (ввиду более быстрого перетока знаний в урбанизированных территориях с высокой плотностью населения), что описывается через эффект роста доходов. Человеческий капитал часто определяется как источник повышения производительности труда [Glaeser, Saiz, 2003; Glaeser, Resseger, 2009]. Эффект роста оплаты труда обнаруживается в исследованиях, например, Глейзера и Маре [Glaeser, Mare,

^{2.} Аналогичные результаты получили Рока и Пуга в работе [Roca, Puga, 2017]. Learning by working in big cities. The Review of Economic Studies, 84(1), 106-142. Несмотря на заявленную позицию Комбса и др. [Combes et al., 2008] о важности сортировки работников в пространстве, наличие премии города с учетом контролирования эндогенных характеристик работников, отвечающих за большую часть премии, – признак действительно сортировки, – не позволяет нам говорить о сортировке как об источнике премии городской оплаты труда.

2001], Уилера [Wheeler, 2006] и Моретти [Moretti, 2010; Moretti, 2013].

Одной из ключевых работ, в которых была предпринята попытка оценить премию и определить, какая из гипотез касательно источников премии более правдоподобна, является исследование Джефри Янкоу, опубликованное в 2006 году. Янкоу выявляет, что размер премии работников, проживающих в больших городах, на 19% выше, чем у работников, проживающих на неурбанизированных территориях, и на 8% превышает размер премии работников из малых городов [Yankow, 2006]. Помимо двух гипотез, описанных выше, Янкоу также обращает внимание на возможность объяснения премии городской оплаты труда через компенсаторную функцию: различия в стоимости жизни на разных территориях могут детерминировать разницу в размере оплаты труда, однако данная гипотеза не подтверждается. Автор находит присутствие обоих эффектов уровня и роста оплаты труда и подчеркивает важность механизма мэтчинга в формировании оплаты труда работников крупных городов. Данный тезис поддерживается другими исследованиями городских рынков труда, рассматривающих последние с точки зрения экономии агломерации [Gautier, Teulings, 2009; Papageorgiou, 2013].

Меж тем в попытке определить источники премии возникают более сложные сюжеты. Декоста и Оверман обнаруживают, что опережающий рост оплаты труда в крупных городах наблюдается лишь в течение первого года после переезда из неурбанизированной территории в город – подтверждение наличия эффекта уровня оплаты труда [D`Costa, Overman, 2014]. Также в их работе содержится подтверждение предположения Уилера [Wheeler, 2006] о значимости накопления человеческого капитала преимущественно для молодых людей. Для «молодой» подвыборки обнаруживается городская премия роста доходов, что также соответствует результатам предыдущих исследований [Yankow, 2006]. Таким образом, эффект роста оплаты труда как признак накопления человеческого капитала в большом городе наблюдается лишь для молодых индивидов, а эффект уровня оплаты труда имеет непостоянное свойство. В более поздней работе Рока и Пуга подтверждают результаты работы Янкоу и обнаруживают присутствие двух, причем равноценных с точки зрения размера премии, эффектов роста и уровня оплаты труда [Roca, Puga, 2017].

В одном из наиболее свежих исследований Хирш и др. продолжают поиски источников премии городской оплаты труда в эф-

фектах уровня и роста оплаты труда, учитывая в модели исследования различия в конкурентности различных локальных рынков труда [Hirsch et al., 2022]. Они обнаруживают, что в условиях разных эластичностей предложения на локальных рынках труда, изменяется и размер премии, причем более плотные и крупные рынки являются наиболее конкурентными с наивысшей премией.

Частные случаи и взгляд на развивающиеся страны

Помимо общих оценок премии города, в ряде более поздних работ возникает обращение к частным аспектам городской зарплатной премии, а именно – свойствам премии в разрезах характеристик работников, а не собственно источникам премии.

Обращение исследователей к феномену «образованного города» [Glaeser, Saiz, 2003; Shapiro, 2006] определило значимость вопроса уровня образования среди городских жителей, и в более поздних работах исследователи уделяют внимание размерам премии городской оплаты труда для разных групп образования [Carlsen et al., 2016; Liu, 2017; Korpi, Clark, 2019]. В исследовании 2016 года городской зарплатной премии для городов Норвегии размер премии рассматривается с точки зрения уровня образования работников. Авторы обнаруживают, что городская зарплатная премия для менее образованных групп населения возрастает с увеличением времени проживания в городе, в то время как для групп с высшим образованием - растет при смене места работы, и что наиболее образованные и наиболее квалифицированные работники перемещаются в крупные города [Carlsen et al., 2016].

Кроме того, исследователи возвращаются к вопросам дискриминации на локальных рынках труда в аспекте премии городской оплаты труда. Здесь возникают традиционные вопросы межгендерного [Almeida et al., 2022], межрасового [Buchholz, 2023] неравенства в премиях городов.

Параллельно с этим экономисты обращаются к проблеме премии городской оплаты труда в развивающихся странах. Несовершенство рынка, а также специфика, связанная с особо высокими темпами урбанизации в развивающихся странах, формируют новые точки зрения на происхождение премии. Шовин и др. [Chauvin et al., 2017] исследуют различия в процессах урбанизации в развивающихся и развитых странах, в том числе оценивают премии городской оплаты труда, и находят, что, например, для городских рынков Индии свойственна значительная премия, что может свидетельствовать либо о ненаблюдаемой концентрации человеческого капитала на урбанизированных территориях, либо об отсутствии пространственного равновесия в системе расселения [Ibid.]. К аналогичным результатам приходят Голлин и др. [Gollin et al., 2021] в исследовании Африканского региона – для городов характерна чрезвычайно высокая премия, но в данном случае она может иметь компенсаторный характер с целью нивелирования низкого качества городской инфраструктуры.

Заключение

Разрыв в оплате труда работников городских и сельских территорий давно привлекает внимание экономистов. Однако этот вопрос часто лежит не в плоскости вопросов рынка труда, а развития городов как таковых. В связи с этим в работах, посвященных премированию, исследование рынка труда происходит в парадигме экономии агломерации и/или развития человеческого капитала. Различия в оплате труда для идентичных работников оцениваются на уровне 20–25% для крупных городов по сравнению с неурбанизированными территориями.

Из наиболее актуальных объяснений этого феномена – гипотезы координации и обучения, связанные с лучшими мэтчингами работников и работодателей на крупных рынках и с более быстрым перетоком знаний в городах соответственно. При этом отмечается, что в городах премия городской оплаты труда действительно существует – она не просто отражает компенсаторные надбавки для городских жителей, имеющих более высокие издержки от проживания в городе. Более того, премия не показывает и исключительно сортировку работников в пространстве. Несмотря на продолжающуюся дискуссию относительно источников премии, исследователи так и не пришли к согласию в вопросе о механизмах экономии агломерации, задействованных в формировании премии городской оплаты труда (или их роли в ней).

В последнее время исследователи обратились к изучению премирования в городах развивающихся стран (ранее дискуссия велась традиционно для стран Европы и США), а также теме дискриминации на рынке труда, возникающей вследствие разницы в размерах премий для разных категорий работников. Кроме того, возникает дискуссия о проблеме влияния пандемии

COVID-19 и вызванных ею кардинальных изменений на рынке труда на перспективу формирования премии городской оплаты труда и будущее города как такового в этом контексте. [Shutters, Applegate, 2022].

Источники

- Джекобс Дж. (2008). Экономика городов. Новосибирск: Культурное наследие.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Эксмо.
- Almeida E.R., Araújo V., Gonçalves S.L. (2022). Urban Wage Premium or Women: Evidence Across the Wage Distribution. World Development, 159, 106059.
- Brown C., Medoff J. (1989). The Employer Size-Wage Effect//Journal of political Economy. Vol. 97. No. 5. P. 1027-1059.
- Buchholz M. (2023). Does Urbanization Increase Inequality? Race, Gender, and the Urban Wage Premium//Journal of Urban Affairs. P. 1-19.
- Carlsen F., Rattsø J., Stokke H.E. (2016). Education, Experience, and Urban Wage Premium//Regional Science and Urban Economics. Vol. 60. P. 39-49.
- Chauvin J.P., Glaeser E., Ma Y., Tobio K. (2017). What is Different about Urbanization in Rich and Poor Countries? Cities in Brazil, China, India and the United States//Journal of Urban Economics. Vol. 98. P. 17–49.
- Combes P.P., Duranton G., Gobillon L. (2008). Spatial Wage Disparities: Sorting Matters! // Journal of urban economics. Vol. 63. No. 2. P. 723-742.
- D'Costa S., Overman H.G. (2014). The urban wage growth premium: Sorting or learning?// Regional Science and Urban Economics. Vol. 48. P. 168-179.
- Fuchs V.R. (1967). Differentials in Hourly Earnings by Region and City Size. National Bureau of Economic Research.
- Gallaway L.E. (1963). The North-South Wage Differential//The Review of Economics and Statistics. Vol. 45. No. 3. P. 264–272.
- Gautier P.A., Teulings C.N. (2009). Search and the city//Regional Science and Urban Economics. Vol. 39. No. 3. P. 251-265.
- Glaeser E.L., Maré D.C. (1994). Cities and Skills. NBER Working Paper No. w4728.
- Glaeser E.L., Maré D.C. (2001). Cities and Skills//Journal of Labor Economics. Vol. 19. No. 2. P. 316-342.
- Glaeser E.L., Kolko J., Saiz A. (2001).
  Consumer City//Journal of Economic
  Geography. Vol. 1. No. 1. P. 27-50.
- Glaeser E.L., Resseger M.G. (2010). The Complementarity Between Cities and Skills//Journal of Regional Science. Vol. 50. No. 1. P. 221–244.
- Glaeser E.L., Saiz A. (2004). The Rise of the Skilled City//Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs. Vol. 5. P. 47–94.
- Gollin D., Kirchberger M., Lagakos D. (2021).

  Do Urban Wage Premia Reflect Lower Amenities?

  Evidence From Africa//Journal of Urban

  Economics. Vol. 121. 103301.

- Gordon I., Turok I. (2005) How Urban Labour
  Markets Matter//Changing Cities: Rethinking
  Urban Competitiveness, Cohesion and
  Governance/N. Buck, I. Gordon, A. Hardin,
  I. Turok (eds.). Basingstoke: Palgrave
  Macmillan. P. 242-264.
- Gould E.D. (2006). Cities, Workers, and Wages: A Structural Analysis of the Urban Wage Premium//The Review of Economic Studies. Vol. 74. No. 2. P. 477–506.
- Gunderson M. (1989). Male-Female Wage
  Differentials and Policy Responses//Journal of
  Economic Literature. Vol. 27. No. 1. P. 46-72.
- Hall R.E. (1972). Turnover in the Labor Force//Brookings Papers on Economic Activity. Vol. 3. No. 3. P. 709-764.
- Hirsch B., Jahn E.J., Manning A., Oberfichtner M. (2022). The Urban Wage Premium in Imperfect Labor Markets//Journal of Human Resources, 57 (Special Issue 1). P. 111–136.
- Korpi M., Clark W.A. (2019). Migration and Occupational Careers: The Static and Dynamic Urban Wage Premium by Education and City Size//Papers in Regional Science. Vol. 98. No. 1. P. 555-574.
- Liu S. (2017). Agglomeration, Urban Wage
  Premiums, and College Majors//Journal of
  Regional Science. Vol. 57. No. 4. P. 611-630.
- Malkiel B.G., Malkiel J.A. (1973). Male-Female Pay Differentials in Professional Employment//The American Economic Review. Vol. 63. No. 4. P. 693-705.
- Moretti E. (2010). Local Labor Markets//NBER Working Paper Series. Working Paper 15947. National Bureau of Economic Research, Inc.
- Moretti E. (2013). Real Wage Inequality//American Economic Journal: Applied Economics. Vol. 5. No. 1. P. 65-103.
- Oaxaca R. (1973). Male-Female Wage
  Differentials in Urban Labor
  Markets//International Economic Review.
  Vol. 14. No. 3. P. 693-709.
- Papageorgiou T. (2011). Worker Sorting and Agglomeration Economies//2011 Meeting Papers 660. Society for Economic Dynamics.
- Shapiro J.M. (2006). Smart Cities: Quality Of Life, Productivity, and the Growth Effects of Human Capital//The Review of Economics and Statistics. Vol. 88. No. 2. P. 324-335.
- Shutters S.T., Applegate J.M. (2022). The Urban Wage Premium is Disappearing in US Micropolitan Areas//Plos one. Vol. 17. No. 4. e0267210.
- Thaler R.H. (1989). Anomalies: Interindustry Wage Differentials//Journal of Economic Perspectives. Vol. 3. No. 2. P. 181-193.
- Roca J.D. L., Puga D. (2017). Learning By
  Working in Big Cities//The Review of
  Economic Studies. Vol. 84. No. 1. P. 106-142.
- Wheaton W.C., Lewis M.J. (2002). Urban Wages and Labor Market Agglomeration//Journal of Urban Economics. Vol. 51. No. 3. P. 542-562.
- Wheeler C.H. (2006). Cities and the Growth of Wages Among Young Workers: Evidence From the NLSY//Journal Of Urban Economics. Vol. 60. No. 2. P. 162-184.
- Yankow J.J. (2006). Why Do Cities Pay More? An Empirical Examination of Some Competing Theories of the Urban Wage Premium//Journal of Urban Economics. Vol. 60. No. 2. P. 139–161.

LABOR AND THE CITY, OR HOW DO INDIVIDUALS BENEFIT FROM WORKING IN URBAN AREAS?

Uliana A. Koriugina, analyst, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University; 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation. E-mail: ukoryugina@hse.ru

Abstract. A large body of work is dedicated to the study of wage differentials in different labor market extents. Identical workers in large labor markets have higher wages than those of smaller ones and non-urbanized areaswhat is called "urban wage premium". This paper examines the existing literature about this phenomenon. Author presents the main findings in the research field, describing how earlier studies of regional wage disparities and further development of agglomeration economies theory contribute to measuring and explaining the urban wage premium. Sources of urban premia are traditionally found in the micro-foundations of agglomeration economies. Lastly, author provides with current discussion, which examines labor market discrimination in the context of urban premia and the latest studies of urban wage premium in developing countries.

Key words: urban wage premium; urban labor market; agglomeration economies; wage growth and level effects; human capital Citation: Koriugina U.A. (2023) Labor and the city, or How Do Individuals Benefit from Working in Urban Areas? Urban Studies and Practices, vol. 8, no 4, pp. 85-91. DOI: https://doi.org/10.17323/usp84202385-91 (in Russian)

References

- Almeida E.R., Araújo, V., Gonçalves, S.L.
  (2022) Urban Wage Premium or Women: Evidence
  Across the Wage Distribution, World
  Development, 159, 106059.
- Brown C., Medoff J. (1989) The Employer Size-Wage Effect, *Journal of Political Economy*, vol. 97, no 5, pp. 1027-1059.
- Buchholz M. (2023) Does Urbanization Increase Inequality? Race, Gender, and the Urban Wage Premium, Journal of Urban Affairs, pp. 1–19.
- Carlsen F., Rattsø J., Stokke H.E. (2016)
  Education, Experience, and Urban Wage
  Premium, Regional Science and Urban
  Economics, vol. 60, pp. 39–49.
- Chauvin J.P., Glaeser E., Ma Y., Tobio K.

  (2017) What is Different about Urbanization
  in Rich and Poor Countries? Cities in
  Brazil, China, India and the United States,
  Journal of Urban Economics, vol. 98, pp. 17–
  49.
- Combes P.P., Duranton G., Gobillon L. (2008) Spatial Wage Disparities: Sorting Matters! Journal of Urban Economics, vol. 63, no 2, pp. 723-742.
- D'Costa S., Overman H.G. (2014) The Urban Wage Growth Premium: Sorting or Learning? Regional Science and Urban Economics, vol. 48, pp. 168–179.

- Fuchs V.R. (1967) Differentials in Hourly Earnings by Region and City Size, National Bureau of Economic Research.
- Jacobs J. (2008). Ekonomika gorodov [The Economy of Cities]. Novosibirsk: Kul'turnoe nasledie [Cultural Heritage].
- Gallaway L.E. (1963) The North-South Wage Differential, The Review of Economics and Statistics, vol. 45, no 3, pp. 264-272.
- Gautier P.A., Teulings C.N. (2009)
  Search and the City, Regional
  Science and Urban Economics,
  vol. 39, no 3, pp. 251–265.
- Glaeser E.L., Maré D.C. (1994) Cities and Skills, NBER Working Paper No. w4728.
- Glaeser E.L., Maré D.C. (2001)
  Cities and Skills, Journal of
  Labor Economics, vol. 19, no. 2,
  pp. 316-342.
- Glaeser E.L., Kolko J., Saiz A.
   (2001) Consumer City, Journal of
   Economic Geography, vol. 1, no 1,
   pp. 27-50.
- Glaeser E.L., Resseger M.G. (2010)
  The Complementarity Between Cities and Skills, *Journal of Regional Science*, vol. 50, no 1, pp. 221–244.
- Glaeser E.L., Saiz A. (2004) The Rise of the Skilled City, Brookings-Wharton Papers on Urban Affairs, vol. 5, pp. 47–94.
- Gollin D., Kirchberger M., Lagakos D. (2021) Do Urban Wage Premia Reflect Lower Amenities? Evidence From Africa, Journal of Urban Economics, vol. 121, 103301.
- Gordon I., Turok I. (2005) How Urban
  Labour Markets Matter, Changing
  Cities: Rethinking Urban
  Competitiveness, Cohesion and
  Governance/N. Buck, I. Gordon,
  A. Hardin, I. Turok (eds.)
  Basingstoke: Palgrave Macmillan,
  pp. 242-264.
- Gould E.D. (2006). Cities, Workers, and Wages: A Structural Analysis of the Urban Wage Premium, *The* Review of Economic Studies, vol. 74, no 2, pp. 477–506.
- Gunderson M. (1989). Male-Female
  Wage Differentials and Policy
  Responses, Journal of Economic
  Literature, vol. 27, no 1, pp. 46–
  72.
- Hall R.E. (1972) Turnover in the Labor Force, *Brookings Papers on Economic Activity*, vol. 3, no 3, pp. 709-764.
- Hirsch B., Jahn E.J., Manning A., Oberfichtner M. (2022) The Urban Wage Premium in Imperfect Labor Markets, *Journal of Human Resources*, 57 (Special Issue 1), pp. 111–136.

- Korpi M., Clark W.A. (2019)
  Migration and Occupational
  Careers: The Static and Dynamic
  Urban Wage Premium by Education
  and City Size, Papers in Regional
  Science, vol. 98, no 1, pp. 555574.
- Liu S. (2017). Agglomeration, Urban Wage Premiums, and College Majors, Journal of Regional Science, vol. 57, no 4, pp. 611–630.
- Malkiel B.G., Malkiel J.A. (1973)
  Male-Female Pay Differentials in
  Professional Employment, The
  American Economic Review, vol. 63,
  no 4, pp. 693-705.
- Moretti E. (2010) Local Labor Markets. NBER Working Paper Series, Working Paper 15947. National Bureau of Economic Research, Inc.
- Moretti E. (2013) Real Wage Inequality, American Economic Journal: Applied Economics, vol. 5, no 1, pp. 65– 103.
- Oaxaca R. (1973) Male-Female Wage Differentials in Urban Labor Markets, *International Economic* Review, vol. 14, no 3, pp. 693– 709.
- Papageorgiou T. (2011) Worker
  Sorting and Agglomeration
  Economies, 2011 Meeting Papers
  660. Society for Economic
  Dynamics.
- Shapiro J.M. (2006) Smart Cities: Quality of Life, Productivity, and the Growth Effects of Human Capital, The Review of Economics and Statistics, vol. 88, no 2, pp. 324-335.
- Shutters S.T., Applegate J.M. (2022). The Urban Wage Premium is Disappearing in US Micropolitan Areas, *Plos One*, vol. 17, no 4, e0267210.
- Smith A. (2007) Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Eksmo.
- Thaler R.H. (1989) Anomalies: Interindustry Wage Differentials, Journal of Economic Perspectives, vol. 3, no 2, pp. 181–193.
- Roca J.D. L., Puga D. (2017)
  Learning by Working in Big Cities,
  The Review of Economic Studies,
  vol. 84, no 1, pp. 106-142.
- Wheaton W.C., Lewis M.J. (2002)
  Urban Wages and Labor Market
  Agglomeration, Journal of Urban
  Economics, vol. 51, no 3, pp. 542–
  562.
- Wheeler C.H. (2006) Cities and the Growth of Wages Among Young Workers: Evidence From the NLSY,

- Journal of Urban Economics, vol. 60, no 2, pp. 162-184.
- Yankow J.J. (2006) Why Do Cities Pay More? An Empirical Examination of Some Competing Theories of the Urban Wage Premium, *Journal of Urban Economics*, vol. 60, no 2, pp. 139–161.

ЙУРИАН ЭДЕЛЕНБОС, МАЙН ПИТЕР ВАН ДАЙК Комплексные задачи городского управления

Какие инфраструктуры способствуют регенерации исторических ландшафтов городов? MARIA KARASELNIKOVA, DARIA MALTSEVA, NIKITA ISKUSOV, EKATERINA FADEEVA, LINAR MARDANOV, MARIA PISAREVA, MIKHAIL KHARITONOV, ELIZAVETA ELKINA Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatial Development in Krasnodar, Russia ОЛЬГА КУЧИНА, ЕКАТЕРИНА ЛЕТТИЕВА, СОФЬЯ ТОРОСЯН

Конструктор городских преобразований: альтернативная практика Рыбинска АЛИНА ДМИТРИЕВА

Хороший двор начинается с совета: как соучаствующее проектирование появляется в муниципальных округах Петербурга

УЛЬЯНА КОРЮГИНА

Работа в большом городе, или Как индивиды выигрывают от участия в городских рынках труда